ISSN **2791-0954** [Print]
ISSN **3079-7888** [Online]

Eurasian Journal of International Law (EAJIL)
2026, Number # 3 (19)
Еуразия халықаралық құқық журналы (ЕАХҚЖ)
2026, № 3 (19) Нөмірі
Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)
2026, Номер № 3 (19)

By Order No. 402 of the Science and Higher Education Quality Assurance Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan dated June 4, 2026, the Eurasian Journal of International Law (EAJIL) was included in List 2 of publications recommended by the Committee for the publication of the main results of scientific research. The Committee has also decided that publications in our journal shall be recognized as being included in List 2 from April 2025.

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым және жоғары білім саласындағы сапаны қамтамасыз ету Комитетінің 2026 жылғы 4 маусымдағы №402 бұйрығымен «Eurasian Journal of International Law (EAJIL)» журналы ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін Комитет ұсынған басылымдардың 2- енгізілді. Комитет журналымыздың жарияланымдары 2025 жылғы сәуір айынан бастап (2025 жылғы екінші нөмірден бастап) 2-тізімде жарияланған болып есептеледі деген шешім қабылдады.

Приказом Комитета по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан от 4 июня 2026 года №402 «Eurasian Journal of International Law (EAJIL)» включен в Список 2 изданий, рекомендуемых Комитетом для публикации основных результатов научной деятельности. Комитет принял решение, что публикации нашего журнала считаются находящимися в Списке 2 с апреля 2025 г. (Со второго номера 2025 г.).

EAJIL is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main results of research within the framework of dissertations submitted for defence to the dissertation councils of RUDN must be published (Order of the Acting Rector of RUDN University A.A. Kostin No. 480 dated July 29, 2025).

ХҚЕАЖ РУДН диссертациялық кеңестерінде қорғауға ұсынылатын диссертациялар шеңберіндегі зерттеулердің негізгі нәтижелері жариялануы тиіс рецензияланатын ғылыми басылымдар тізіміне енгізілген (2025 жылғы 29 шілдедегі РУДН университетінің Ректорының м.а. А.А. Костиннің № 480 бұйрығы).

ЕАЖМП входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН (Приказ и.о. Ректора РУДН А.А. Костина №480 от 29 июля 2025 г.)

Founded in 2022	Astana, 2026	*Published 4 times a year*
2022 жылдан бастап шығады	Астана, 2026	*Жылына 4 рет шығады*
Издается с 2022 года	Астана, 2026	*Выходит 4 раза в год*

Бас редакторлар: **Ербол Абайділданов**, *з.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы);*
Аслан Абашидзе, з.ғ.д., проф., П.Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы).
Бас редактордың орынбасары: **Жанат Кулжабаева**, *з.ғ.к., доцент, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы)*
Жауапты хатшы: **Роза Акшалова**, *PhD, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы)*
Техникалық хатшылар: **Бекмырза Қаражан**, *PhD, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы);* **Парзад Юсифова**, *з.ғ.к., Ресей халықтар достығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы).*

Редакция алқасы

Адель Абдуллин	*з.ғ.д., проф., Қазан (Еділ бойы) федералдық университеті (Қазан, Ресей Федерациясы)*
Дамир Бекяшев	*з.ғ.д., проф., Ресей Сыртқы істер министрлігі жанындағы МГИМО (Мәскеу, Ресей Федерациясы)*
Бекбосун Борубашов	*з.ғ.д., проф., Қырғыз-Ресей Славян университеті (Бішкек, Қырғыз Республикасы)*
Елена Довгань	*з.ғ.д., проф., Беларусь мемлекеттік университеті (Минск, Беларусь Республикасы)*
Мира Куликпаева	*PhD, Қазақстан Республикасы Президенті Мұрағатының білім беру жобалары және халықаралық ынтымақтастық орталығының жетекші сарапшысы (Астана, Қазақстан Республикасы)*
Ришат Нигматуллин	*з.ғ.д., проф., Уфа ғылым және технологиялар университеті (Уфа, Ресей Федерациясы)*
Алишержон Саидмухторов	*з.ғ.к., доцент, Тәжікстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының саяси процестер, дипломатия және ғаламдану мәселелері ғылыми-зерттеу институты (Душанбе, Тәжікстан Республикасы)*
Жулдыз Сайрамбаева	*з.ғ.к., доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан Республикасы)*
Марат Сарсембаев	*з.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы)*
Александр Солнцев	*з.ғ.к., доцент, П.Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы)*
Шолпан Тлепина	*з.ғ.д., проф., Қазақстан Республикасы Президентінің мұрағаты (Астана, Қазақстан Республикасы)*

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қ. Сәтбаев к-сі, 2, 325 каб.
Тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-245; 31-267). **E-mail:** eajil0809@gmail.com
web-site: https://eajil.enu.kz/index.php/main
Меншіктенуші: “Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті” коммерциялық емес акционерлік қоғам. Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде тіркелген. Тіркеу куәлігі: № KZ27VPY00047364 (30.03.2022).
Мерзімділігі: жылына 4 рет.
Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі, 13/1, тел.: +7(7172) 709-500, (ішкі: 31-434)

© Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Chief Editors: **Yerbol Abaideldinov,** *Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);*
Aslan Abashidze, *Doctor of Law, Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).*
Deputy Editor-in-Chief: **Zhanat Kulzhabayeva,** Candidate of Law, Associate Professor, L.N. Gumilyov ENU (Astana, Republic of Kazakhstan).
Executive Secretary: **Roza Akshalova,** *PhD, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan).*
Technical Secretaries: **Bekmyrza Karazhan,** *PhD in Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);* **Parzad Yusifova,** *Candidate of Law, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (Moscow, Russian Federation).*

Editorial Board

Adel Abdullin	*Doctor of Law, Professor. Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)*
Damir Bekyashev	*Doctor of Law, Professor, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)*
Bekbosun Borubashov	*Doctor of Law, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University (Moscow) Bishkek, Kyrgyz Republic)*
Elena Dovgan	*Doctor of Law, Professor, Belarusian State University (Republic of Belarus, Minsk)*
Mira Kulikpayeva	*PhD in Law, Leading Expert of the Center for Educational Projects and International Cooperation of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan)*
Rishat Nigmatullin	*Doctor of Law, Professor, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)*
Alisherjon Saidmukhtorov	*Candidate of Law, Associate Professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)*
Zhuldyz Sairambayeva	*PhD in Law, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)*
Marat Sarsembaev	*Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)*
Alexander Solntsev	*PhD in Law, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (Moscow, Russian Federation)*
Sholpan Tlepina	*Doctor of Law, Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan).*

Editorial address: 2 K. Satpayev Str., Astana, Kazakhstan, 010008 **Тел.:** +7(7172) 709-500, (ext.: 31-245; 31-267). **E-mail**: eajil0809@gmail.com **web-site**: https://eajil.enu.kz/index.php/main
Owner: Non-profit joint-stock company "L.N. Gumilyov Eurasian National University". Registered by the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate: KZ27VPY00047364 (30.03.2022). Periodicity: 4 times a year.
Address of printing house: 13/1 Kazhymukan Str., Astana, Kazakhstan, 010008; tel.: +7(7172) 709-500, (ext.: 31-434).

© L.N. Gumilyov Eurasian National University

Главные редакторы: **Ербол Абайдельдинов**, *д.ю.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан);*
Аслан Абашидзе, *д.ю.н., проф., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).*
Заместитель главного редактора: **Жанат Кулжабаева**, *к.ю.н., доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан);*
Ответственный секретарь: **Роза Акшалова**, *PhD, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан).*
Технические секретари: **Бекмырза Каражан**, *PhD, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан).* **Парзад Юсифова**, *к.ю.н., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).*

Редакционная коллегия

Адель Абдуллин	*д.ю.н., проф. Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация)*
Дамир Бекяшев	*д.ю.н., проф., МГИМО МИД России. (г. Москва, Российская Федерация)*
Бекбосун Борубашов	*д.ю.н., проф., Кыргызско-Российский Славянский Университет (г. Бишкек, Кыргызская Республика)*
Елена Довгань	*д.ю.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, г. Минск)*
Мира Куликпаева	*PhD, Ведущий эксперт Центра образовательных проектов и международного сотрудничества Архива Президента Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)*
Ришат Нигматуллин	*д.ю.н., проф., Институт права Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа, Российская Федерация)*
Алишержон Саидмухторов	*к.ю.н., доцент, Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)*
Жулдыз Сайрамбаева	*к.ю.н., доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан)*
Марат Сарсембаев	*д.ю.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан)*
Александр Солнцев	*к.ю.н., доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация)*
Шолпан Тлепина	*д.ю.н., проф., Архив Президента Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)*

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, 2, каб. 325.
Тел.: +7(7172) 709-500 (вн.: 31-245; 31-267). **E-mail**: eajil0809@gmail.com
web-site: https://eajil.enu.kz/index.php/main
Собственник: Некоммерческое акционерное общество “Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева”. Зарегистрирован Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство: №KZ27VPY00047364 (30.03.2022). Периодичность: 4 раза в год.
Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1, тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-434)

© Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

ЕУРАЗИЯ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖУРНАЛЫ

EURASIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

№ 3 (19)/ 2026

МАЗМҰНЫ

Күмісбек А.А., Сматлаев Б.М., Муратова А.Ж.
Электрондық төлемдердің қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі және интернет-алаяқтықтың алдын алудағы блокчейн технологиялар: халықаралық-құқықтық стандарттар және Қазақстан Республикасында имплементациялау келешегі.....8

Тукиев А.С.
Инвестициялық дауларды реттеу кезінде «пакеттік» әдісті қолдану: сот және халықаралық практикасы тұрғысынан талдау.…… …….…… …….....25

Абылайұлы А., Акшалова Р.Д., Абирбек С.
Халықаралық құқық саласындағы зерттеулер мен практиканы ұштастыру: Халықаралық құқық қауымдастығының Қазақстандағы бөлімшесін құру және оның болашағы.....41

Алмасұлы А.
Қазақстан Республикасындағы халықаралық шарттардың мәртебесі: ретроспектива және қазіргі кезең.....56

Аблаева Э.Б.
Қазақстан Республикасында және АҚШ-тың кейбір штаттарында құрсақ аналық мәміле тараптарының мүліктік және мүліктік емес құқықтарын қорғау тетіктері ……..66

Нұрсейіт Қ.Х., Нысанбекова Л.Б., Умбетбаева Ж.Б.
Қазақстан Республикасында шетелдік цифрлық компанияларға салық салудың құқықтық аспектілері.……86

Ишкибаева Г.М., Нұрмуханқызы Д., Озенбаева А.Т.
Шетелдік серіктік байланыс жүйелері арқылы байланыс қызметтерін ұсынуды ұлттық реттеу: қазақстан республикасының заңнамасы және дүниежүзілік сауда ұйымы алдындағы міндеттемелері……..100

Попович М.
Людовик Хеннебель мен Элен Тигруджаның «Адам құқықтарының халықаралық құқығы: трактат» кітабына пікір……115

CONTENTS

Kumisbek A., Smatlayev B., Muratova A.
Blockchain technologies in securing electronic payments and preventing internet fraud: international legal standards and prospects for implementation in the Republic of Kazakhstan…….8

Tukiev A.S.
Application of the "package" method in the settlement of investment disputes: an analysis through the prism of judicial and international practice…….25

Abylaiuly A., Akshalova R., Abirbek S.
Bridging Scholarship and Practice in International Law: The Establishment and Prospects of the Kazakhstan Branch of the International Law Association…….41

Almassuly A.
The Status of International Treaties in the Republic of Kazakhstan: Retrospective and Present Stage…….56

Ablaeva E.
The mechanism for protecting the property and non-property rights of the parties to a surrogacy agreement in the Republic of Kazakhstan and some states of the USA …….66

Nurseiit K., Nyssanbekova L., Umbetbayeva Zh.
Legal aspects of taxing foreign digital companies in the Republic of Kazakhstan…….86

Ishkibayeva G.M., Nurmukhankyzy D., Ozenbayeva A.T.
National regulation of the provision of communication services through foreign satellite systems: the legislation of the Republic of Kazakhstan and its obligations to the world trade organization…….100

Popovic M.
"International Human Rights Law: A Treatise" Ludovic Hennebel and Hélène Tigroudja Book review…….115

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кумисбек А.А., Сматлаев Б.М., Муратова А.Ж.
Блокчейн-технологии в обеспечении безопасности электронных платежей и предупреждении интернет-мошенничества: международно-правовые стандарты и перспективы имплементации в Республике Казахстан…….8

Тукиев А.С.
Применение «пакетного» метода при урегулировании инвестиционных споров: анализ через призму судебной и международной практики…….....25

Абылайұлы А., Акшалова Р.Д., Абирбек С.
Соединяя исследования и практику в международном праве: создание и перспективы Казахстанского отделения Ассоциации международного …….....41

Алмасұлы А.
Статус международных договоров в Республике Казахстан: ретроспектива и современность…….....56

Аблаева Э.Б.
Механизм защиты имущественных и неимущественных прав сторон договора суррогатного материнства в Республике Казахстане и некоторых штатах США…….....66

Нұрсейіт Қ.Х., Нысанбекова Л.Б., Умбетбаева Ж.Б.
Правовые аспекты налогообложения иностранных цифровых компаний в Республике Казахстан…….....86

Ишкибаева Г.М., Нұрмуханқызы Д., Озенбаева А.Т.
Национальное регулирование предоставления услуг связи посредством иностранных спутниковых систем: законодательство Республики Казахстан и ее обязательства перед Всемирной торговой организацией …….....100

Попович М.
Рецензия на книгу «Международное право прав человека: трактат» Людовик Хеннебель и Элен Тигруджа……115

Received: 21.09.2026. Accepted: 29.09.2026. Available online: 30.09.2026.

IRSTI 10.19.61
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-8-24

Blockchain technologies in securing electronic payments and preventing internet fraud: international legal standards and prospects for implementation in the Republic of Kazakhstan

Aibar Kumisbek*
PhD student
Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Turkestan, Kazakhstan, 161200
e-mail: aibaron@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-0924-7068

Baurzhan Smatlayev
Doctor of Legal Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan, 010008
e-mail: smatlayev_bm@enu.kz
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-5543-2822

Alua Muratova
PhD, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, 010008
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0159-9671
e-mail: muratova_azh@enu.kz

Abstract. This article examines the issues of securing electronic payments and preventing internet fraud amid the rapid growth of cashless transactions in the Republic of Kazakhstan. The aim of the study is to determine what distributed ledgers and smart contracts can contribute to the security of electronic payments and to the fight against internet fraud, and to propose a model for bringing international standards into Kazakhstani law. Based on enforcement statistics, the paper highlights low crime clearance rates and high risks associated with unregistered cryptocurrency transactions. The authors analyze the technological potential of distributed ledgers, consensus algorithms, and smart contracts for preventing cybercrimes and enabling real-time end-to-end transaction tracing. Key legal obstacles to blockchain adoption are identified, including normative dualism between national law and the Astana International Financial Centre regime, the lack of procedural tools for seizing digital assets, and conflicts between blockchain immutability and data protection standards. Drawing on international standards from FATF, UNCITRAL, the Budapest and UN Cybercrime Conventions, as well as EU MiCA regulation, a three-tier implementation framework is justified. This model encompasses accession to universal treaties, legal harmonisation within the EAEU, and domestic legislative reform. Specific de lege ferenda proposals are formulated to amend Kazakhstani payment, digital asset, criminal, and criminal procedure legislation, aimed at strengthening financial security and transaction transparency. The contribution of the study to legal scholarship is to treat the distributed ledger as a distinct object of public-law and procedural regulation, rather than as a technical tool or a speculative asset, governed by the principles of technology neutrality and functional equivalence.

Keywords: blockchain, electronic payments, internet fraud, digital assets, international legal standards, normative dualism, smart contract

Электрондық төлемдердің қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі және интернет-алаяқтықтың алдын алудағы блокчейн технологиялар: халықаралық-құқықтық стандарттар және Қазақстан Республикасында имплементациялау келешегі

Күмісбек Айбар Аманқұлұлы*
PhD докторант
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан, Қазақстан, 161200
e-mail: aibaron@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-0924-7068

Сматлаев Бауржан Мамытбекұлы
Заң ғылымдарының докторы, профессор, Заң факультетінің деканы
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан, 010008
e-mail: smatlayev_bm@enu.kz
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-5543-2822

Муратова Алуа Жасланқызы
Философия докторы (PhD), Заң факультетінің Қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының меңгерушісі
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан, 010008
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0159-9671
e-mail: muratova_azh@enu.kz

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы қолма-қол ақшасыз есеп айырысулардың жедел өсуі жағдайында электрондық төлемдердің қауіпсіздігін қамтамасыз ету және интернет-алаяқтықтың алдын алу мәселелері зерттеледі. Зерттеудің мақсаты – үлестірілген тізілімдер мен смарт-келісімшарттардың электрондық төлемдердің қауіпсіздігін қамтамасыз етуге және интернет-алаяқтыққа қарсы күреске қандай үлес қоса алатынын анықтау және халықаралық стандарттарды Қазақстан заңнамасына имплементациялау моделін ұсыну. Құқық қолдану практикасын талдау негізінде киберқылмыстардың төмен ашылу деңгейі және тіркелмеген криптовалюталық операциялардың жоғары тәуекелдері көрсетілген. Авторлар құқық бұзушылықтардың алдын алу және транзакцияларды үздіксіз бақылау үшін үлестірілген тізілімдердің, консенсус алгоритмдерінің және смарт-келісімшарттардың технологиялық әлеуетін қарастырады. Зерттеуде блокчейнді қолданудың негізгі құқықтық кедергілері, соның ішінде ұлттық жүйе мен «Астана» халықаралық қаржы орталығы режимі арасындағы нормативтік дуализм, сандық активтерді алып қоюдың процестік механизмдерінің болмауы және тізілімнің өзгермейтіндігінің жеке деректерді қорғаумен коллизиялары анықталған. ФАТФ, ЮНСИТРАЛ, Будапешт және БҰҰ киберқылмыстылыққа қарсы конвенцияларының халықаралық-құқықтық стандарттары, сондай-ақ MiCA Регламентінің тәжірибесі негізінде үш деңгейлі имплементациялау моделі негізделген. Бұл модель универсалды шарттарға қосылуды, ЕАЭО елдерінің заңнамасын үйлестіруді және отандық заңнамалық массивті кезең-кезеңімен реформалауды қамтиды. Қазақстан Республикасының «Төлемдер және төлем жүйелері туралы», «Сандық активтер туралы» Заңдарына, Қылмыстық және Қылмыстық-процестік кодекстеріне өзгерістер енгізу бойынша нақты de lege ferenda ұсыныстары тұжырымдалған. Осы шараларды енгізу трансұлттық қылмыстарды тергеу тиімділігін арттыруға және сандық есеп айырысуларға қатысушылардың құқықтық қорғалуын қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Зерттеудің құқық

ғылымына қосқан үлесі – үлестірілген тізілім техникалық құрал немесе алыпсатарлық актив ретінде емес, жария-құқықтық және процестік реттеудің дербес объектісі ретінде қарастырылады, ал оны реттеу технологиялық бейтараптық және функционалдық баламалылық қағидаттарына негізделуі тиіс.

Түйін сөздер: блокчейн, электрондық төлемдер, интернет-алаяқтық, сандық активтер, халықаралық-құқықтық стандарттар, нормативтік дуализм, смарт-келісімшарт.

Блокчейн-технологии в обеспечении безопасности электронных платежей и предупреждении интернет-мошенничества: международно-правовые стандарты и перспективы имплементации в Республике Казахстан

Кумисбек Айбар Аманкулулы*
PhD докторант
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
Туркестан, Казахстан, 161200
e-mail: aibaron@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-0924-7068

Сматлаев Бауржан Мамытбекович
Доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан, 010008
e-mail: smatlayev_bm@enu.kz
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-5543-2822

Муратова Алуа Жасланқызы
Доктор PhD, Заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Юридического факультета
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан, 010008
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0159-9671
e-mail: muratova_azh@enu.kz

Аннотация. В статье исследуются проблемы обеспечения безопасности электронных платежей и предупреждения интернет-мошенничества в условиях стремительного роста безналичных расчетов в Республике Казахстан. Цель исследования – определить, что распределенные реестры и смарт-контракты могут дать для безопасности электронных платежей и противодействия интернет-мошенничеству, и предложить модель имплементации международных стандартов в законодательство Республики Казахстан. На основе анализа правоприменительной практики показана низкая раскрываемость киберпреступлений и значительный размер незарегистрированных криптовалютных операций. Авторы рассматривают технологический потенциал распределенных реестров, алгоритмов консенсуса и смарт-контрактов для предотвращения правонарушений и сквозного отслеживания транзакций. В исследовании выявлены ключевые правовые барьеры применения блокчейна, включая нормативный дуализм между национальной системой и режимом Международного финансового центра «Астана», отсутствие процессуальных механизмов изъятия цифровых активов и коллизии неизменяемости реестра с защитой персональных данных. На основе международно-правовых стандартов ФАТФ, ЮНСИТРАЛ, Будапештской и ООН конвенций против киберпреступности, а также опыта Регламента MiCA обоснована трехуровневая модель имплементации. Модель включает присоединение к универсальным международным договорам, гармонизацию законодательства стран ЕАЭС и поэтапное реформирование

отечественного законодательного массива. Сформулированы конкретные предложения de lege ferenda по внесению изменений в Законы РК «О платежах и платежных системах», «О цифровых активах», Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан. Внедрение данных мер позволит повысить эффективность расследования транснациональных преступлений и обеспечить правовую защищенность участников цифровых расчетов. Вклад исследования в правовую науку состоит в том, что распределенный реестр рассматривается как самостоятельный объект публично-правового и процессуального регулирования, а не как техническое средство или спекулятивный актив; его регулирование должно строиться на принципах технологической нейтральности и функциональной эквивалентности.

Ключевые слова: блокчейн, электронные платежи, интернет-мошенничество, цифровые активы, международно-правовые стандарты, нормативный дуализм, смарт-контракт.

Introduction

Between 2018 and 2023, Kazakhstan's payment infrastructure changed rapidly and deeply. The share of cashless transactions rose from under 30 percent to more than 86 percent (Kumisbek et al., 2025). Crime followed the money. As mobile banking and digital services spread, offenders moved online, and cybercrime, especially internet fraud, grew quickly.

Enforcement figures show how serious the problem is. In 2025, 28,851 cases of internet fraud were registered, and 22,426 of them (about 77.7%) were suspended. Of these suspensions, 22,338 were issued because the offender could not be identified (Article 45(1)(1) of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan). Only 10-14.4% of investigated cybercrimes reach the courts, and victims recover just 6.3% of their losses (Committee on Legal Statistics and Special Accounts, 2025). Unregistered crypto platforms make things worse: suspicious transactions routed through them are worth tens of billions of tenge.

Bank security rules were built for centralised settlement, and they do little against attacks that combine social engineering with AI tools. As passwords and codes lose their protective value, distributed ledger technology becomes more attractive, for researchers and practitioners alike. Blockchain rests on consensus algorithms, append-only block sequencing and distributed verification. Together these create a technological presumption that a transaction is authentic. They also make it computationally unrealistic to alter recorded entries without authorisation. With smart contracts added, funds can be traced end to end in real time, and the weak points that appear wherever a traditional intermediary sits in the chain disappear.

The difficulty is legal rather than technical. Blockchain cannot deliver its preventive potential while its legal regime remains fragmented and no common international standards exist for classifying decentralised relationships. In Kazakhstan, most dealings in unbacked digital assets are confined to the Astana International Financial Centre (AIFC). The result is a normative dualism: the state's public law on one side, a special financial enclave on the other. Distributed ledgers are decentralised and extraterritorial, so they clash directly with legal frameworks built around identifiable national intermediaries and conventional rules of jurisdiction. Internet fraud and digital-asset crime cross borders easily, and national regulation adopted in isolation cannot keep up with them. Domestic law therefore has to be brought into line with universal and regional international standards.

Research materials and methods

The study relies on official statistics from the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan for 2018-2025. The international and foreign sources are the Budapest Convention (2001, ETS No. 185) with its Second Additional Protocol (2022, CETS No. 224), the UN Convention against Cybercrime (2024, GA Resolution 79/243), the UNCITRAL MLETR (2017), the FATF standards (Recommendation 15, INR.15, the Travel Rule), ISO 22739:2024, the EU's MiCA Regulation 2023/1114 and GDPR 2016/679, EAEU acts, and the legislation of Singapore, the UAE, Switzerland, Estonia and China. At the national level,

the study examines the Constitution; the Constitutional Law "On the AIFC"; the Laws "On Digital Assets", "On Payments and Payment Systems", "On AML/CFT" and "On Legal Acts"; Articles 190, 194, 214, 216-218 and 232-1 of the Criminal Code and Article 45 of the Criminal Procedure Code; and the acts of the AIFC regulator, AFSA. The doctrinal basis is scholarship on the legal regulation of blockchain and on information law. The comparative legal method was used to build the typology of regulatory models, and the formal-dogmatic method to identify normative dualism and legislative gaps. Legal modelling was used to design the three-tier implementation system, statistical analysis to measure the scale of cybercrime, and the systemic-structural method to examine blockchain's technological and legal institutions.

Results and discussion

ISO 22739:2024 defines a blockchain as a distributed ledger built from confirmed blocks. The blocks are arranged in an append-only sequential chain and joined by cryptographic hash links[1]. This architecture is what turns the ledger from a purely technical tool into a distinct object of legal regulation. Its legally decisive feature is immutability, and a relative one: timestamps and hash chaining protect stored data, but not absolutely. Consensus mechanisms (Proof of Work, Proof of Stake) set practical limits, a 51% attack remains possible, and developers and validators can agree on a hard fork. Immutability also runs up against the law. It is hard to reconcile with the rights of data subjects, above all the "right to erasure" in Article 17 of the General Data Protection Regulation (GDPR)[2]. The doctrine of void transactions poses a similar problem: a ledger entry cannot simply be undone.

Decentralisation is the second core feature. No single administrator runs the ledger; many nodes keep it consistent. Legal scholarship separates permissionless ledgers, open to anonymous participants, from permissioned ones, where only verified entities have access. Control is shared among validators, and that makes it hard to say who bears legal responsibility. Courts and commentators have answered this in part by treating an uncoordinated division of functions among nodes as a joint venture. Participants then face joint and several liability towards third parties.

The third feature is the smart contract: code that carries out the terms of a transaction automatically once pre-set legal facts occur (De Filippi and Wright, 2018). Scholars, both international and Kazakhstani, have offered three views of its legal nature. It may be an electronic contract, a computer program, or an automated way of performing obligations. Whichever view one takes, execution is automatic and cannot be reversed, which leaves no room for open-textured standards such as "good faith" or "reasonable time". The law should therefore provide for safe interruption of execution and set rules for updating the code.

Digital networks cross borders freely, so blockchain use and payment security need international rules that overcome the split between jurisdictions. In private and commercial law, two principles developed by the United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) carry most of the weight: technology neutrality and functional equivalence. Both are set out in the 2017 Model Law on Electronic Transferable Records (MLETR)[3]. The MLETR sets legal criteria for treating electronic records as equal to paper ones. A reliable electronic method satisfies the requirements of "writing" (Article 8) and "signature" (Article 9). "Exclusive control" (Article 11) takes the place of physical possession. Article 19 forbids discrimination against an electronic transferable record because it originated abroad, which gives ledger data and smart contracts a basis for recognition in cross-border trade. UNCITRAL's models thus allow a blockchain transaction to have legal effect regardless of where its validating nodes are located.

---

[1] ISO 22739:2024. Blockchain and distributed ledger technologies – Vocabulary. Geneva: International Organization for Standardization, 2024

[2] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1-88.

[3] UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). UN General Assembly Resolution A/RES/72/114 of 7 December 2017. New York: United Nations, 2018.

For criminal law and the collection of digital evidence, the main international instrument is the Council of Europe Convention on Cybercrime, the Budapest Convention of 2001[4]. It harmonises offences of computer-related fraud (Article 7) and computer-related forgery (Article 8). It also regulates access to electronic evidence (Articles 14-21) and mutual legal assistance (Articles 23-35). The Second Additional Protocol of 2022 (CETS No. 224) builds on this framework. It lets law enforcement authorities work directly with platform operators and service providers in other states[5]. Under the Protocol, competent authorities may:

- request domain name registration data directly (Article 6);
- request subscriber information directly (Article 7);
- obtain traffic data quickly (Article 8);
- use the 24/7 network for emergency disclosure of stored computer data (Article 9);
- set up joint investigation teams (Article 12).

Just as important are the Protocol's strict safeguards for personal data transferred across borders (Articles 13-14). They matter directly to Kazakhstan's law enforcement practice. Kazakhstan was invited to accede to the Budapest Convention in April 2023 and is now going through implementation.

The UN Convention against Cybercrime took the universal fight against online crime a step further. The General Assembly adopted it by Resolution 79/243 of 24 December 2024[6]. The Convention was opened for signature in Hanoi in October 2025, and Kazakhstan signed it on 25 October 2025. It provides a comprehensive legal basis for criminalising offences committed through information and communication technologies and for gathering electronic evidence of serious crimes. States parties take on broad duties covering:

- mutual legal assistance;
- extradition;
- rapid exchange of information;
- confiscation of proceeds from cybercrime and online fraud.

By signing, Kazakhstan confirmed its course towards joining the global cybersecurity system. The signature also prepares the ground for aligning national criminal procedure law with universal standards.

The Financial Action Task Force (FATF) sets the key standards for financial monitoring and for stopping money laundering through digital channels (FATF, 2025a). In October 2018 the FATF substantially revised Recommendation 15. In June 2019 it adopted the Interpretive Note to it (INR.15), which extended AML/CFT/CPF requirements to virtual assets (VA) and virtual asset service providers (VASPs). The FATF defines a virtual asset as a digital representation of value that can be traded or transferred digitally and used for payment or investment. Under INR.15, states must:

- license or register VASPs where they are created or do business;
- supervise them on a risk-based basis;
- keep criminals from owning or controlling them.

For occasional transactions, customer due diligence (CDD) applies from USD/EUR 1,000 (paragraph 7(a) INR.15).

The Travel Rule is central to fighting anonymous fraudulent payments. It comes from paragraph 7(b) of INR.15, which refers to Recommendation 16 on transparency of wire transfers. When virtual assets are transferred, the originating VASP must obtain and hold accurate information on both the originator and the beneficiary. It must then pass that information, immediately and securely, to the beneficiary VASP or financial institution (FATF, 2025b).

[4] Convention on Cybercrime (ETS No. 185). Budapest, 23 November 2001. Council of Europe.
[5] Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime on enhanced co-operation and disclosure of electronic evidence (CETS No. 224). Strasbourg, 12 May 2022. Council of Europe.
[6] United Nations Convention against Cybercrime. UN General Assembly Resolution A/RES/79/243 of 24 December 2024. New York: United Nations, 2024.

More and more states are adopting the necessary legislation, 83% by 2026 according to the FATF Targeted Updates for 2025 and 2026. Yet implementation is still held back by the "Sunrise Issue": jurisdictions introduce the rule at different times, so compliant providers often deal with counterparts that are not yet bound by it (FATF, 2025c; FATF, 2026).

The payment sector also faces structural risks:

– offshore VASPs;
– peer-to-peer (P2P) transfers through unhosted wallets, which remain largely unsupervised;
– decentralised finance (DeFi) protocols, to which prudential requirements are hard to apply.

Universal international law provides a common framework of standards for digital transactions and cybersecurity. That framework works in practice only when regional bodies, including integration associations, align their institutions and rules with it.

The European Union has built the most complete regional framework for digital financial assets. Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets (MiCA) divides crypto-assets into three categories: utility tokens (UT), asset-referenced tokens (ART) and electronic money tokens (EMT)[7]. EMTs count as "funds" in law. They therefore fall under the safeguards of Directive (EU) 2015/2366 (PSD2) and of the PSD3/PSR package now being drafted. Unbacked crypto-assets such as Bitcoin fall outside the payment services directives altogether. So a person who pays in unbacked crypto-assets has no statutory right to have errors corrected or losses refunded after an unauthorised transaction or payment fraud. Such users are much less protected than those who pay in fiat currency or EMTs (Christensen, 2025). Because of this gap, EU lawmakers are now discussing whether financial liability rules should cover every kind of digital means of payment.

The EU has also renewed its anti-money laundering rules to close off regulatory arbitrage and illicit flows. The new AML package comprises four acts:

– Regulation (EU) 2023/1113 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (the Travel Rule);
– Regulation (EU) 2024/1624 (AMLR);
– Directive (EU) 2024/1640 (AMLD6);
– Regulation (EU) 2024/1620 establishing the Anti-Money Laundering Authority (AMLA).

Under this framework, crypto-asset service providers (CASPs) count as financial institutions. They must be authorised, carry out full customer due diligence (CDD) and monitor transactions. Regulation 2023/1113 requires CASPs to obtain, hold and promptly pass on originator and beneficiary data for every crypto-asset transfer, with no minimum amount. Anonymous crypto accounts and anonymity-enhancing coins are banned outright. AMLA centralises supervision of the riskiest crypto-sector entities and coordinates national financial intelligence units (FIUs).

In EU law, the deepest structural problem for blockchain is its conflict with the General Data Protection Regulation (EU) 2016/679. Article 17 GDPR gives a right to erasure (the "right to be forgotten"), and Article 16 gives a right to have inaccurate data corrected. A blockchain only adds new blocks and never deletes old ones, so stored records cannot be amended. Public networks add a further problem: often no identifiable data controller exists at all. Data protection law then short-circuits, because no one can be held to account. EU scholarship and regulators have discussed several legal and technical compromises: sidechains, privately governed ledgers, and a "Privacy by Layers" model that keeps personal data off-chain and records only cryptographic hashes on the ledger.

In private international law and trade facilitation, the common benchmarks come from UNCITRAL and the OECD. As shown above, the MLETR (2017) rests on technology neutrality and functional equivalence. Exclusive control, replacing physical possession, is what allows blockchain ledgers to be used lawfully for documents of title, bills of lading and smart contracts.

[7] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40-205.

In the Eurasian Economic Union (EAEU), regional harmonisation has barely begun. The EAEU Digital Agenda is under way, but there is still no supranational regulation of crypto-assets, virtual currencies or smart contracts. The member states (Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia) take very different approaches:

- Belarus has a preferential permissive regime under Decree No. 8;
- Russia has dedicated legislation on digital financial assets;
- Kazakhstan has a dual regulatory structure.

With no shared concepts and no mutual recognition of digital rights, businesses can shop between regimes and cross-border settlement becomes harder. Digital channels also become easier to use for evading financial controls. The EAEU therefore needs model acts that are consistent with FATF and UNCITRAL standards and with the principle of "same activity, same risk, same regulation".

The comparative analysis at the regional level shows two main directions. The EU imposes strict prudential supervision on digital payment infrastructure. The UNCITRAL MLETR model brings functional equivalence into commercial dealings. Against both, the fragmented treatment of digital assets in the EAEU is a serious obstacle to the bloc's economic security. Foreign experience in resolving these conflicts should be organised into a general typology of national regulatory models. The country-level analysis that follows will help identify how Kazakhstan can best implement international standards.

National approaches to regulating blockchain and digital assets differ widely.

Singapore regulates virtual asset service providers (VASPs) by function under the Payment Services Act 2019 (PSA), with the Monetary Authority of Singapore (MAS) as supervisor. Its model combines:

- tiered VASP licensing;
- the Travel Rule;
- thematic inspections of platforms;
- continuous monitoring of the risks posed by transfers to unhosted wallets.

The United Arab Emirates has a multi-tier structure. Its financial free zones, the Dubai International Financial Centre (DIFC) and Abu Dhabi Global Market (ADGM), make their own rules on the basis of English common law. ADGM adopted the principles of the UNCITRAL MLETR in 2021, and Dubai established the Virtual Assets Regulatory Authority (VARA) in 2022. The result is a flexible environment: the jurisdictions coordinate with each other and recognise each other's powers, while capital adequacy requirements stay strict.

In Europe, Switzerland is the leading example of building DLT into the legal system. Its Federal Act on the Adaptation of Federal Law to Developments in Distributed Ledger Technology (DLT Act, 2020) built on the FINMA token classification into utility, payment and asset tokens. The Act made two main changes: it added ledger-based securities (Registerwertrechte) to the Code of Obligations, and it created a separate licence for DLT trading facilities.

Estonia went further in bringing digital tools into public law. It tied VASP regulation to its AML/CFT legislation and to automated monitoring systems. Strict licensing of crypto exchanges and fast cooperation with foreign police have helped it break up large cross-border fraud schemes. One joint investigation concerned schemes worth USD 575 million.

China sits at the opposite pole, with a strictly prohibitive model for private virtual assets. The People's Bank of China and other authorities have banned ICOs, crypto exchanges, mining and any payment or investment use of unbacked digital assets. At the same time, the state has taken up blockchain for its own purposes. The national Blockchain-based Service Network (BSN) is connected to the Internet Courts, which use it to record, verify and store electronic evidence automatically. The Chinese state is selective: it puts distributed ledgers to work for public control and the courts but blocks them entirely as a decentralised means of payment.

From this experience, national approaches to blockchain in payments can be grouped into three models: permissive, framework and prohibitive.

1. The permissive (specialised and pro-innovation) model (Switzerland, Singapore, UAE/ADGM, Estonia) relies on dedicated legislation. It gives detailed legal recognition to digital rights and smart contracts, offers favourable regulatory regimes, and fully integrates VASPs into the financial system, provided they meet FATF standards;

2. The framework (hybrid and adaptive) model (the EU under MiCA) extends general financial and prudential rules to digital assets step by step. Requirements are scaled to systemic risk, and authorised providers can "passport" their services across member states (Zetzsche et al., 2021);

3. The prohibitive (restrictive) model (China, Egypt, Morocco) bans private digital currencies and VASP activity in whole or in part. The aims are to protect monetary sovereignty and limit money-laundering risk.

The analysis at the universal, regional and national levels points to a clear global trend: crypto activity is being brought out of legal uncertainty and under prudential supervision. The typology shows that a state's choice of model depends on two things. One is how ready its legal system is to absorb decentralised institutions. The other is where it sets the balance between encouraging innovation and protecting financial security. Taken together, the Budapest Convention, the 2024 UN Convention, FATF Recommendation 15, the UNCITRAL MLETR and MiCA form the reference framework against which national law should be measured. Kazakhstan therefore needs a critical review in light of its international obligations. That review should assess how far its laws meet FATF standards and how the current institutional dualism can be overcome.

Law of the Republic of Kazakhstan No. 193-VII "On Digital Assets in the Republic of Kazakhstan" of 6 February 2023 laid the legal foundation for state regulation of digital property[8]. Article 1 defines a digital asset as property that meets four conditions:

- it exists in electronic digital form and carries a digital code;
- it is recorded on a distributed data platform;
- that platform keeps the information unalterable;
- it is neither legal tender nor a unit of account.

The Law separates two kinds of digital asset. Secured digital financial assets are one kind. Unsecured digital assets, earned in an information system as a reward for helping maintain blockchain consensus, are the other. Digital mining is regulated in detail as a licensed business, with requirements for mining pools and for registers of hardware and software systems. Nationwide, however, the issue and circulation of unsecured digital assets, meaning cryptocurrencies, was heavily restricted. At first they could circulate lawfully only under a special legal regime or through specially licensed providers.

Retail finance is regulated separately by Law No. 11-VI "On Payments and Payment Systems" of 26 July 2016. This law governs payment services, the issue of electronic money and the operation of payment infrastructure[9]. Later amendments introduced the National Digital Financial Infrastructure, which comprises: the National Payment System; open banking; the Digital Tenge platform; the National Bank's Anti-Fraud Centre, which exchanges data on payment transactions showing signs of fraud.

Once the Digital Tenge platform and its smart contracts were written into law, programmable settlement became possible, along with automated checks that public and commercial funds are used for their intended purpose. Still, payment law is built around centralised institutions. When an unauthorised or fraudulent transfer happens in a decentralised P2P network, the law gives no workable way to decide who bears responsibility.

Criminal law protection in this field rests on the Criminal Code, and most cybercrime is charged as fraud under Article 190. In digital-crime cases, law enforcement also applies: Article 194

[8] Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан».
[9] Закон Республики Казахстан от 26 июля 2016 г. № 11-VI «О платежах и платёжных системах» // Ведомости Парламента РК. 2016. № 12. Ст. 86.

(extortion); Article 216 (issuing invoices without actual performance of work); Article 217 (creating and running a financial pyramid); Article 218 (laundering criminal proceeds); Article 232-1 (unlawful access to bank accounts and payment instruments).

A significant gap remains. The Code has no separate offences of computer-related fraud or unlawful manipulation of data, which Articles 7 and 8 of the Budapest Convention provide for. Without them, courts must fit specific attacks on DLT platforms and smart contracts into the general wording of Article 190. That makes it hard to tell a civil-law risk from a crime.

Kazakhstan's most distinctive institutional feature is the Astana International Financial Centre (AIFC). It operates under Constitutional Law No. 438-V of 7 December 2015[10]. The AIFC has a special financial regime based on the principles and norms of the law of England and Wales, and its working language is English. Its regulator, the Astana Financial Services Authority (AFSA), makes separate rules for Centre participants, licenses digital asset exchanges and runs a regulatory sandbox.

The result is a marked dualism between the state's continental legal system and the AIFC enclave. This dualism has created a conflict in practice. Kazakhstani citizens have faced prosecution under Article 214 of the Criminal Code (illegal entrepreneurship) for buying, selling or exchanging cryptocurrency without an AFSA licence. S.K. Idrysheva (2025) rightly notes three problems with AIFC acts:

- they are not issued in the name of the Republic of Kazakhstan;
- they exist only in English;
- they appear only on the Centre's website, not in the official state publications in Kazakh and Russian.

This conflicts directly with Article 4(4) of the Constitution and with Article 37 of the Law "On Legal Acts". Under these, an act that affects citizens' rights and duties and has not been published in the manner the state requires cannot be applied. Investigators and courts therefore cannot rely on such acts to establish the objective element of an offence.

Kazakhstan's legislation shows systemic gaps, caused by normative dualism, blanket cross-references and procedural uncertainty. The AIFC's permissive, pro-innovation regime operates alone, while national law keeps only piecemeal restrictions, and this weakens the response to cross-border internet fraud. Domestic law should therefore move away from the "enclave plus prohibition" arrangement towards a single national framework model of the adaptive kind. The next step is to examine how Kazakhstan is meeting its international obligations: what the FATF mutual evaluation found and what accession to the Budapest Convention would involve.

After its 2023 mutual evaluation by the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG), Kazakhstan was placed under regular follow-up (EAG, 2023). The 1st Regular Follow-Up Report (EAG, 2026) found better technical compliance. Four ratings rose from "partially compliant" (PC) to "largely compliant" (LC):

- Recommendation 6, targeted financial sanctions for terrorist financing;
- Recommendation 7, sanctions for proliferation financing;
- Recommendation 24, beneficial ownership transparency;
- Recommendation 26, regulation and supervision of financial institutions.

These upgrades followed Law No. 219-VIII of 19 September 2025, which amended the AML/CFT/CPF framework[11]. The amending law banned shell banks outright, tightened the rules on beneficial owners, and required every natural and legal person to freeze assets when required.

Recommendation 15 on new technologies matters most for digital payments, and it stayed at PC after the 2023 evaluation. Two gaps explain the rating: the Travel Rule was not set out in

[10] Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V «О Международном финансовом центре «Астана»» // https://adilet.kz/ru/laws/o-mezhdunarodnom-finansovom-tsentre-astana-07-12-2015-no-438-v/

[11] Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 г. № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» (с изменениями, внесёнными Законом РК от 19 сентября 2025 г. № 219-VIII) // Ведомости Парламента РК. 2009. № 19. Ст. 88.

legislation, and crypto transactions outside the AIFC were not effectively supervised. Kazakhstan has since taken steps. It has worked on implementing the Travel Rule, carried out a National Risk Assessment (NRA) and inspected VASPs. The FATF targeted updates for 2025 and 2026 still report practical difficulties, though: those who control DeFi protocols are hard to identify, and anonymous P2P transfers through unhosted wallets are hard to stop.

Kazakhstan's second major line of international integration is accession to the Budapest Convention. The Council of Europe invited it to accede on 19 April 2023, and the invitation is valid for five years. Under the accession roadmap, a coordination seminar was held in Astana in November 2024 within the Octopus Project. Key state bodies took part and agreed on steps to harmonise national law and to strengthen law enforcement capacity to collect electronic evidence.

Kazakhstan's criminal law and criminal procedure law still differ from the Convention in important ways. As shown above, substantive law has no offences of computer-related fraud (Article 7) or computer-related forgery (Article 8), so manipulation of payment data has to be charged under Article 190. Procedural law has a gap as well. The Criminal Procedure Code only partly regulates the seizure of electronic media. It has no clear procedure for expedited preservation of data by service providers, which the Convention's procedural provisions require (Articles 14-21). As a result, digital traces may disappear before a court authorises their collection.

Cross-border fraud is hard to stop for another reason. Kazakhstan has no established rules for its law enforcement bodies to deal directly with foreign internet service providers (ISPs). It also makes little use of the 24/7 network under Article 35 of the Convention. In 2025, 77.4% of internet fraud investigations were suspended because the offender could not be identified, and only 6.3% of losses were recovered (Committee on Legal Statistics and Special Accounts, 2025). Much of this comes down to delay: traditional mutual legal assistance (MLA) requests go through diplomatic channels and take a long time to send and execute. Germany, Estonia and the United States show what full participation in the Convention and its 2022 Second Additional Protocol makes possible: joint investigation teams (JITs), and traffic and registration data obtained directly from foreign platforms within much shorter deadlines.

The compliance review leads to one conclusion. Closing these gaps means removing procedural barriers and, beyond that, resolving the systemic normative dualism inside Kazakhstan's own legal order. The conflicts between national legislation and the AIFC regime therefore need closer examination.

Kazakhstan's current legislation has three systemic gaps that weaken the fight against internet fraud and illicit dealings in digital assets.

The first is the institutional dualism described above: a normative gap separates the AIFC enclave from the national continental system. The Law "On Digital Assets" and the Law "On Payments and Payment Systems" either restrict dealings in unsecured digital assets or tie them to specialised providers operating under the AIFC regime.

The second gap is procedural. Criminal procedure law gives no workable way to freeze, seize or confiscate digital assets. The 2023 EAG Mutual Evaluation Report (EAG, 2023) notes that neither the Criminal Procedure Code nor the implementing Government Resolutions No. 1291 and No. 833 set out how virtual assets are to be seized and managed. In practice, cryptocurrency is seized only when a suspect voluntarily hands over the private keys or wallet access. If the suspect refuses, or quickly moves the assets into a decentralised protocol, investigators have no legal tools left. Courts then fall back on recovering the monetary equivalent from the convicted person. Article 4 of the Law "On Digital Assets" provides for a single register, kept by the financial monitoring authority, of wallets used for criminal purposes. Three questions remain unregulated:

- how investigators are to cooperate with platform operators;
- how DLT addresses can be temporarily frozen;
- how confiscated crypto-assets are to be held until a verdict is reached.

The third gap lies in civil law: the smart contract has no settled place as a form of transaction. As Imangalieva observes, Kazakhstani law knows only the general concept of an electronic

document, and a smart contract does not meet it. A smart contract is written in program code and works without an electronic digital signature (Imangalieva, 2023). Its "if-then" logic is rigid and leaves no room for open-ended standards such as good faith, reasonable time or business risk. Execution is automatic and cannot be reversed. Article 401 of the Civil Code, by contrast, lets a contract be amended or terminated by agreement of the parties or by a court.

The consequences are sharpest in fraud cases such as "rug pulls" and "pump-and-dump" schemes, and when serious flaws in the code come to light. The decentralised ledger then offers no "kill switch" to halt a transaction. Classic tort and contract liability also struggle to identify the proper defendant (Romanenko, 2023).

The dualism between jurisdictions, the lack of procedural tools for seizing crypto-assets and the legal uncertainty around smart contracts largely cancel out blockchain's preventive potential in Kazakhstan. Isolated amendments will not fix these internal contradictions, because distributed ledgers are decentralised and cross-border by nature. Aligning national law with international standards requires deciding under what conditions, and within what limits, those standards should be implemented. The next section therefore turns to the cross-border use of blockchain and to mechanisms of international cooperation.

A distributed ledger is extraterritorial and decentralised, so it has no single geographic centre to which the law can attach. Validating nodes and transacting parties are spread across many jurisdictions. A digital asset may thus be said to sit in many places at once, or in none, and the ordinary connecting factors of private international law stop working (Zhaksylykbaeva, 2024). The lex rei sitae rule is the clearest casualty. Scholars reject tying a virtual asset to the location of particular servers, because data can be moved or copied instantly and at almost no cost. Party choice of law (lex voluntatis) does not fill the gap either, because participants in public networks are largely pseudonymous and so can hardly agree on anything. The result is a structural shortage of legal certainty.

A second problem is identifying the person who is responsible. Public ledgers have no single operator or central governing body. When an unauthorised transaction or a software failure causes loss, it is unclear who must pay. Civil-law scholarship sometimes treats the joint operation of validating nodes and protocol developers as a joint venture or a general partnership. On that view, all key network participants may face joint and several, or shared, liability. Regulators in practice look for anchor points they can actually reach: core developers, operators of large validating nodes and licensed VASPs.

Because national approaches to digital assets differ so much, they invite regulatory arbitrage and forum shopping. People who run illicit schemes or unregulated platforms deliberately move to jurisdictions with weak financial controls and no Travel Rule. Unified international instruments offer a way out, notably the UNCITRAL MLETR and the UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law. If cross-border payment disputes are to have predictable outcomes, conflict-of-laws rules must first be harmonised internationally.

The sharpest legal conflict in using blockchain for payments is between the ledger's immutability and data protection law. GDPR, like many national laws, grants three rights:

- erasure, the "right to be forgotten" (Article 17);
- rectification of inaccurate data (Article 16);
- restriction of processing (Article 18).

A classic blockchain cannot honour any of them. It only appends new blocks and cannot delete earlier ones (Finck, 2019). In a public network every node holds a full copy of the ledger, so writing personal data into the chain amounts to publishing it permanently. If no identifiable data controller exists, the data subject has no one to bring a claim against to stop unlawful processing.

Pseudonymisation and encryption have been proposed as ways to take ledgers outside data protection law. Most scholars find them insufficient. Research shows that metadata analysis and transaction-graph matching can link pseudonymous wallet addresses to their real owners. A more promising legal and technical compromise is "Privacy by Layers", used together with governed

sidechains or private consortium ledgers. Personal data stays off-chain in secure databases run by a designated operator. The ledger stores only immutable cryptographic hashes, from which the original content cannot be recovered without the key.

Article 22 GDPR raises a further difficulty. It gives individuals the right not to be subject to decisions based solely on automated processing, including profiling, where those decisions have legal or similarly significant effects. Smart contracts in payment systems execute automatically. Where the outcome legally affects an individual, a human-in-the-loop safeguard may therefore be needed, which is hard to reconcile with the program's autonomy. In practice, privacy is balanced against the public interest in transparent transactions through legal criteria that define when there is a legitimate interest in accessing ledger records. Resolving data protection conflicts ultimately means giving up radical decentralisation in favour of hybrid solutions in which a legally responsible person is clearly identified.

Digital assets cross borders in seconds, and the parties are pseudonymous. Traditional mutual legal assistance (MLA) through diplomatic channels is far too slow for this. The procedural tools of the Budapest Convention (2001) and its Second Additional Protocol (2022, CETS No. 224), built for fast collection of electronic evidence, therefore matter a great deal.

Article 35 of the Convention requires states to maintain contact points available around the clock, the 24/7 network. These contact points can secure the expedited preservation of computer and traffic data before a court authorises disclosure. The Protocol builds on this network with emergency procedures (Articles 9-10). Article 12 of the Protocol adds joint investigation teams (JITs). Once the states concerned have concluded an agreement, the team carries out coordinated investigative steps without a separate MLA request for each one.

Articles 6 and 7 of the Protocol broke new ground in international procedural law. Competent authorities may now ask foreign registrars and service providers directly for domain name registration data and subscriber information. The 2024 UN Convention against Cybercrime extends these tools. It sets universal obligations for joint evidence gathering and confiscation of proceeds across all serious offences.

The FATF standards point the same way. Recommendations 37-40 and the 2026 targeted update expect financial intelligence units and supervisors to use informal operational channels to trace and freeze stolen virtual assets quickly, namely: Egmont Secure Web; the ARIN and CARIN asset-recovery networks; Interpol's I-24/7 system.

Using these channels shortens the delay in following funds along cross-border DLT chains.

Public-private partnership (PPP) between state bodies and the private operators of digital platforms is a separate route to safer payments. VASPs, large crypto exchanges and blockchain analytics firms can watch DLT networks in real time, which state bodies usually cannot do on their own. Several tools in combination can stop stolen assets before they are cashed out into fiat:

- automated on-chain analysis;
- shared blacklists of compromised addresses;
- algorithms that flag anomalous activity;
- stablecoin issuers freezing tokens at the request of law enforcement.

This hybrid approach makes up for the missing central administrator in decentralised networks. Control shifts to the institutions at the points where money enters and leaves the crypto ecosystem.

Building on the analysis above, this article proposes a three-tier model for implementing international standards: from universal standards, through regional harmonisation within the EAEU, to national implementation. The model is meant to overcome regulatory fragmentation and to integrate Kazakhstan fully into the global financial security architecture.

The first, universal tier consists of global instruments and prudential frameworks:

- the Budapest Convention (2001) with its Second Additional Protocol (2022);
- the UN Convention against Cybercrime (2024);
- the FATF Recommendations, in particular Recommendation 15 and the Travel Rule;

– the UNCITRAL MLETR.

This tier supplies shared concepts and the functional-equivalence principle for electronic records. It also imposes core obligations to criminalise cyber fraud and to collect digital evidence. Together these ensure that digital records have legal effect and that competent authorities can cooperate across borders.

The second, regional tier calls for deep harmonisation within the EAEU. Its purpose is to shut down regulatory arbitrage and build a single legal space for digital payments. The EAEU currently has no supranational rules on digital assets. A model EAEU law "On Digital Assets and Virtual Currencies" could fill this gap, drawing on MiCA and on the principle of "same activity, same risk, same regulation". At the regional level, the model provides for:

– a common VASP authorisation procedure;
– mutual recognition of electronic digital signatures and smart contracts;
– a shared register of rogue platforms, to stop funds being moved out across borders.

Harmonised member-state laws would close channels for illicit capital flight and strengthen the economic security of the Union as a whole.

The third, national tier requires a step-by-step reform of Kazakhstani law that ends the dualism between the national legal order and the AIFC. Four de lege ferenda proposals follow from the analysis.

The first proposal concerns payments and digital asset legislation. The Law "On Payments and Payment Systems" and the Law "On Digital Assets" should gain technology-neutral definitions of "distributed ledger", "blockchain" and "smart contract", and transactions recorded on the ledgers of licensed VASPs should carry the same legal weight as official payment records.

The second proposal concerns the Criminal Code. It should contain separate offences of computer-related fraud and computer-related forgery, in line with Articles 7 and 8 of the Budapest Convention.

The third proposal concerns the Criminal Procedure Code. It needs procedures for freezing and confiscating virtual assets and for seizing private keys, together with a rebuttable presumption that blockchain records are authentic.

The fourth proposal concerns the AIFC. Every AFSA act should be officially published in Kazakh and Russian. A single national VASP licensing regime and the Travel Rule should apply throughout the country, while the AIFC sandbox remains open to innovative start-ups.

Taken together, these measures join Kazakhstan's international obligations, its EAEU integration and the domestic protection of its financial market into one coherent structure. Introduced in stages, they would lower the legal and technical barriers created by decentralisation and give investigators and courts better tools against cross-border theft. People who pay electronically would also be better protected. The expected result is a stronger preventive effect against internet fraud and a stable legal basis for the digital economy.

Conclusion

This study examined what distributed ledgers and smart contracts can contribute to the security of electronic payments and to the fight against internet fraud, and it proposed a model for bringing international standards into Kazakhstani law. Five methods were combined: comparative legal analysis for the typology of foreign regimes, formal-dogmatic analysis to identify normative dualism and gaps in legislation, legal modelling for the three-tier implementation system, statistical analysis of Prosecutor General's Office data, and systemic-structural analysis of blockchain's legal nature. The analysis confirmed two conflicts that no technical design can remove: ledger immutability collides with data protection law, above all the GDPR right to erasure, and the rigid logic of smart contracts cannot be squared with the civil-law rules on amending and terminating contracts or with the requirement of good faith. On the basis of the experience of the EU, Singapore, the UAE, Switzerland, Estonia and China, three regulatory models were distinguished: permissive, framework and prohibitive.

Three systemic defects were found in Kazakhstani law. The first is the dualism between the national legal order and the AIFC: because AFSA acts are not officially published in the state and official languages, citizens may be held criminally liable on a questionable legal basis. The second is procedural: the Criminal Procedure Code provides no means of freezing, seizing or confiscating virtual assets. The third is substantive: the Criminal Code has no offences of computer-related fraud or computer-related forgery. The findings support the article's central claim. Blockchain's preventive potential in payments cannot be realised under isolated bans or under regulation confined to an enclave. The contribution to legal scholarship is to treat the distributed ledger as a distinct object of public-law and procedural regulation, rather than as a technical tool or a speculative asset, and to govern it by the principles of technology neutrality and functional equivalence. The article accordingly argues that Kazakhstan should move from its "enclave plus prohibition" arrangement to a single adaptive national framework, connected to the Travel Rule and to international channels for collecting electronic evidence.

The practical proposals de lege ferenda follow from this. The Laws "On Payments and Payment Systems" and "On Digital Assets" should contain technology-neutral definitions of "distributed ledger", "blockchain" and "smart contract", and entries in the ledgers of licensed VASPs should carry the same legal force as official payment documents. The Criminal Code should criminalise computer-related fraud and forgery in line with Articles 7 and 8 of the Budapest Convention, and the Criminal Procedure Code should regulate the rapid freezing of digital assets, the seizure of private keys and a rebuttable presumption that blockchain records are authentic. AFSA acts should be officially published in Kazakh and Russian, and a single national VASP licensing regime and the Travel Rule should apply nationwide, while the AIFC keeps its role as a regulatory sandbox. Further research could take three directions: an EAEU model act on digital assets and virtual currencies, layered data protection architectures ("Privacy by Layers"), and public-private partnerships between law enforcement and blockchain analytics firms for monitoring anonymous transactions in DeFi and in unsecured digital assets.

References

Christensen, L.D. (2025). “Crypto payments – a danger to consumer protection?”, Vol. 7, Art. 100124, *Journal of Economic Criminology*. DOI: 10.1016/j.jeconcrim.2024.100124.

Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor General’s Office of the Republic of Kazakhstan (2025). *Statistical reports, available at: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics*. Accessed: [07.11.2025].

De Filippi, P. and Wright, A. (2018), *Blockchain and the Law: The Rule of Code*, Harvard University Press, Cambridge, MA.

Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG) (2023), *Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Kazakhstan. Mutual Evaluation Report*, EAG, Moscow.

Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG) (2026), *1st Regular Follow-Up Report of Kazakhstan*, EAG, Moscow.

FATF (2025a), *International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation* (The FATF Recommendations), FATF/OECD, Paris.

FATF (2025b), *Best Practices on Travel Rule Supervision*, FATF/OECD, Paris.

FATF (2025c), *Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*, FATF/OECD, Paris.

FATF (2026), *Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*, FATF/OECD, Paris.

Finck, M. (2019), *Blockchain Regulation and Governance in Europe*, Cambridge University Press, Cambridge.

Zetzsche, D.A., Annunziata, F., Arner, D.W. et al. (2021). "The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy", Vol. 16, No. 2, *Capital Markets Law Journal*, pp. 203–225.

Жаксылыкбаева, А.А. (2024). "Правовое регулирование цифровых активов и коллизионные вопросы международного частного права", № 3 (111), *Научный журнал «Туран»*, pp. 146–156.

Идрышева, С.К. (2025). "Акты Международного финансового центра «Астана» и система законодательства Республики Казахстан", № 2 (107), *Право и государство*, pp. 35-43. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_35.

Имангалиева, А.Д. (2023). "Вопросы правового регулирования сделок (смарт-контрактов), заключённых с применением блокчейн-технологий", *ИС «ПАРАГРАФ»*, available at: https://prg.kz/document?doc_id=32563081. Accessed: [14.11.2025].

Кумисбек, А.А., Медетов, А.Ш., Кожамбеков, Д.Р. et al. (2025). "О технологии блокчейн и безопасности электронных платежей: борьба с интернет-мошенничеством в Казахстане", Т. 116, № 4, *Вестник КазНУ. Серия юридическая*, pp. 163–178. DOI: 10.26577/JAPJ2025116414.

Романенко, С.В. (2023). "Вопросы регулирования правоотношений в сфере производства и обращения цифровых активов, противодействия коммерческому мошенничеству", Т. 106, № 2, *Вестник КазНУ. Серия юридическая*, pp. 47–55. DOI: 10.26577/JAPJ.2023.v106.i2.05.

References (transliterated)

Christensen, L.D. (2025). "Crypto payments – a danger to consumer protection?", Vol. 7, Art. 100124, *Journal of Economic Criminology*. DOI: 10.1016/j.jeconcrim.2024.100124.

Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (2025). *Statistical reports, available at: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics*. Accessed: [07.11.2025].

De Filippi, P. and Wright, A. (2018), *Blockchain and the Law: The Rule of Code*, Harvard University Press, Cambridge, MA.

Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG) (2023), *Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Kazakhstan. Mutual Evaluation Report*, EAG, Moscow.

Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG) (2026), *1st Regular Follow-Up Report of Kazakhstan*, EAG, Moscow.

FATF (2025a), *International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation* (The FATF Recommendations), FATF/OECD, Paris.

FATF (2025b), *Best Practices on Travel Rule Supervision*, FATF/OECD, Paris.

FATF (2025c), *Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*, FATF/OECD, Paris.

FATF (2026), *Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*, FATF/OECD, Paris.

Finck, M. (2019), *Blockchain Regulation and Governance in Europe*, Cambridge University Press, Cambridge.

Idrysheva, S.K. (2025). "Akty Mezhdunarodnogo finansovogo tsentra «Astana» i sistema zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan" [Acts of the Astana International Financial Centre and the legislative system of the Republic of Kazakhstan], No. 2 (107), *Pravo i gosudarstvo*, pp. 35–43. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_35.

Imangalieva, A.D. (2023). "Voprosy pravovogo regulirovaniia sdelok (smart-kontraktov), zakliuchennykh s primeneniem blokchein-tekhnologii" [Issues of legal regulation of

transactions (smart contracts) concluded using blockchain technologies], *IS «Paragraf»*, available at: https://prg.kz/document?doc_id=32563081. Accessed: [04.01.2026].

Kumisbek, A.A., Medetov, A.Sh., Kozhambekov, D.R. et al. (2025). "O tekhnologii blokchein i bezopasnosti elektronnykh platezhei: borba s internet-moshennichestvom v Kazakhstane" [On blockchain technology and the security of electronic payments: combating internet fraud in Kazakhstan], Vol. 116, No. 4, *Vestnik KazNU. Seriia iuridicheskaia*, pp. 163–178. DOI: 10.26577/JAPJ2025116414.

Romanenko, S.V. (2023). "Voprosy regulirovaniia pravootnoshenii v sfere proizvodstva i obrashcheniia tsifrovykh aktivov, protivodeistviia kommercheskomu moshennichestvu" [Issues of regulating legal relations in the production and circulation of digital assets and countering commercial fraud], Vol. 106, No. 2, *Vestnik KazNU. Seriia iuridicheskaia*, pp. 47–55. DOI: 10.26577/JAPJ.2023.v106.i2.05.

Zetzsche, D.A., Annunziata, F., Arner, D.W. et al. (2021). "The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy", Vol. 16, No. 2, *Capital Markets Law Journal*, pp. 203–225.

Zhaksylykbaeva, A.A. (2024). "Pravovoe regulirovanie tsifrovykh aktivov i kollizionnye voprosy mezhdunarodnogo chastnogo prava" [Legal regulation of digital assets and conflict-of-laws issues in private international law], No. 3 (111), *Nauchnyi zhurnal «Turan»*, pp. 146–156.

The contribution of the authors

Kumisbek A.A. – research concept, collection and analysis of materials, preparation of the manuscript.

Smatlayev B.M. – research methodology, scientific supervision, critical revision of the manuscript.

Muratova A.Zh. – analysis of the criminal law and criminal procedure aspects, editing of the manuscript.

Funding: This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP26103625 "Online fraud using deepfake-technologies and social engineering: Problems of criminal law counteraction, prospects for legislative regulation").

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

Поступила: 27.08.2026. Одобрена: 29.09.2026. Доступна онлайн: 30.09.2026

МРНТИ 10.17.31
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-25-40

Применение «пакетного» метода при урегулировании инвестиционных споров: анализ через призму судебной и международной практики

Тукиев Аслан Султанович
к.ю.н., доцент,
Судья Конституционного Суда Республики Казахстан
Астана, Казахстан
e-mail: 707-0734@sud.kz
ORCID: 0009-0002-6370-4972

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения «пакетного» метода при урегулировании инвестиционных споров между инвесторами и государственными органами Республики Казахстан. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности защиты прав инвесторов, обеспечения стабильности административной практики и формирования благоприятного инвестиционного климата. На основе анализа законодательства, статистических данных и судебной практики исследуются причины возникновения инвестиционных споров, связанные с несогласованностью действий государственных органов, затягиванием административных процедур и отсутствием комплексного подхода к сопровождению инвестиционных проектов.

В работе использован метод анализа и обобщения судебной практики. На примере административных и гражданских дел показано, что отдельные споры могли быть разрешены на досудебной стадии при надлежащей координации уполномоченных органов.

В статье обосновывается необходимость внедрения «пакетного» метода, предусматривающего комплексную оценку обязательств инвестора, действий государственных органов и взаимосвязанных административных процедур. Предлагается развивать механизм «одного окна», определять единого государственного координатора по значимым инвестиционным проектам, проводить предварительный правовой анализ до применения мер ответственности и расширять возможности примирительных процедур. Реализация предложенных мер позволит сократить количество судебных споров, повысить предсказуемость административных решений и укрепить доверие инвесторов к государственным институтам.

Ключевые слова: инвестиционные споры, административная практика, АППК, административные процедуры, судебная практика, административная юстиция, инвестор.

Инвестициялық дауларды реттеу кезінде «пакеттік» әдісті қолдану: сот және халықаралық практикасы тұрғысынан талдау

Тукиев Аслан Сұлтанұлы
з.ғ.к., доцент,
Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы
Астана, Қазақстан
e-mail: 707-0734@sud.kz
ORCID: 0009-0002-6370-4972

Аннотация. Мақалада инвесторлар мен Қазақстан Республикасының мемлекеттік органдары арасындағы инвестициялық дауларды реттеу кезінде «пакеттік» әдісті қолдану

мәселелері қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі инвесторлардың құқықтарын қорғау тиімділігін арттыру, әкімшілік практиканың тұрақтылығын қамтамасыз ету және қолайлы инвестициялық ахуал қалыптастыру қажеттілігімен негізделеді. Заңнаманы, статистикалық деректерді және сот практикасын талдау негізінде мемлекеттік органдар іс-қимылдарының өзара келісілмеуіне, әкімшілік рәсімдердің созбалаңға салынуына және инвестициялық жобаларды сүйемелдеуге кешенді тәсілдің болмауына байланысты инвестициялық даулардың туындау себептері зерттеледі.

Жұмыста сот практикасын талдау және қорыту әдісі қолданылды. Әкімшілік және азаматтық істердің мысалында уәкілетті органдардың тиісті үйлестіруі болған жағдайда жекелеген даулардың сотқа дейінгі сатыда шешілуі мүмкін екені көрсетілді.

Мақалада инвестор міндеттемелерін, мемлекеттік органдардың іс-қимылдарын және өзара байланысты әкімшілік рәсімдерді кешенді бағалауды көздейтін «пакеттік» әдісті енгізу қажеттілігі негізделеді. «Бір терезе» тетігін дамыту, маңызды инвестициялық жобалар бойынша бірыңғай мемлекеттік үйлестірушіні айқындау, жауапкершілік шараларын қолданғанға дейін алдын ала құқықтық талдау жүргізу және татуластыру рәсімдерінің мүмкіндіктерін кеңейту ұсынылады. Ұсынылған шараларды іске асыру сот дауларының санын азайтуға, әкімшілік шешімдердің болжамдылығын арттыруға және инвесторлардың мемлекеттік институттарға деген сенімін нығайтуға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: инвестициялық даулар, әкімшілік практика, ӘРПК, әкімшілік рәсімдер, сот практикасы, әкімшілік әділет, инвестор.

Application of the “package” method in the settlement of investment disputes: an analysis through the prism of judicial and international practice

Tukiev Aslan Sultanovich
Ph.D., Associate Professor,
Judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
e-mail: 707-0734@sud.kz
ORCID: 0009-0002-6370-4972

Abstract. This article examines the application of the “package” method in the settlement of investment disputes between investors and public authorities of the Republic of Kazakhstan. The relevance of the study stems from the need to improve the effectiveness of investor rights protection, ensure consistency in administrative practice, and foster a favourable investment climate. Based on an analysis of legislation, statistical data, and judicial practice, the article explores the causes of investment disputes associated with a lack of coordination between public authorities, delays in administrative procedures, and the absence of a comprehensive approach to supporting investment projects.

The study employs the method of analysing and generalising judicial practice. Drawing on examples from administrative and civil cases, it demonstrates that certain disputes could have been resolved at the pre-trial stage, provided that the competent authorities had ensured proper coordination.

The article substantiates the need to introduce the “package” method, which involves a comprehensive assessment of the investor’s obligations, the actions of public authorities, and interrelated administrative procedures. It is proposed to develop the “one-stop” mechanism, designate a single public-sector coordinator for significant investment projects, conduct a preliminary legal assessment before imposing liability measures, and expand the use of conciliation procedures. The implementation of the proposed measures would help reduce the number of court disputes, improve the predictability of administrative decisions, and strengthen investors’ confidence in public institutions.

Keywords: investment disputes, administrative practice, APPRC, administrative procedures, judicial practice, administrative justice, investor.

Введение

Ключевым вопросом, который стоит перед казахстанским обществом, является необходимость поступательного экономического развития, повышения благосостояния граждан и создания благоприятной среды для бизнеса и инвесторов. Так, в послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил, что «*несмотря на обострение глобальной конкуренции за капитал нашей стране необходимо привлекать крупные инвестиции. Нужно запустить новый инвестиционный цикл*» [1].

В этой связи первостепенное значение приобретают вопросы системной и последовательной работы по улучшению инвестиционного климата. Важной частью этого является урегулирование споров между инвесторами и государственными органами, которые рассматриваются судами Республики Казахстан.

По инициативе Президента свыше пяти лет полноценно работает административная юстиция. С 2021 года вступил в силу Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – АППК), который за короткое время сумел кардинально изменить баланс сил в спорах между гражданином и государством (Мельник Р.С., с.18; Балиева З.Я. и Аюпова З.К., с.101). На сегодняшний день в пользу граждан и предпринимателей выносится 60% решений административных судов (Мергалиев А. А., с.10). До введения АППК этот показатель не превышал 15% (Амангелдин А., с.39). Этому способствуют прогрессивные принципы, закрепленные в АППК, в том числе активной роли суда, приоритета прав гражданина, соразмерности, справедливости, презумпции достоверности и т.д.

Не являются исключением и инвестиционные споры по искам инвесторов к государственным органам. Сегодня вопросы инвестиционной привлекательности, защиты прав предпринимателей остаются одними из ключевых условий устойчивого экономического роста. АППК задал вектор развития, отвечающий указанным условиям.

Для инвестиционных споров установлены специальные правила подсудности, в этой связи не всякий спор с участием инвестора является инвестиционным. Важно наличие связи между спором и реализацией инвестиционного контракта (проекта), а также соблюдение специфики подсудности. Также необходимо определить, имеет ли спор публично-правовой или частноправовой характер.

Важно отметить, что публично-правовые отношения возникают между субъектами права в связи с реализацией одним из участников в отношении другого своих властных полномочий [6]. Если речь идет, например, об оспаривании условий контракта, который является гражданским договором, то государственный орган выступает в нем в качестве стороны договора и не связан с реализацией властных полномочий. Следовательно, такие дела рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства.

В целом, инвестиционные споры рассматриваются специализированными межрайонными административными и экономическими судами столицы. Важным шагом в обеспечении дальнейшей защиты инвесторов и стабильности судебной практики стало рассмотрение инвестиционных споров исключительно административными коллегиями суда столицы и Верховного Суда. Законом от 21 ноября 2024 года эта практика была закреплена в Административном процедурно-процессуальном кодексе.

При этом следует сделать оговорку, что иные споры, вытекающие из правоотношений с участием инвестора, но не связанные с инвестиционной деятельностью, подлежат подсудности районных и приравненных к ним судов в соответствии с подсудностью, установленной главой 3 ГПК. Такие споры хоть и остаются спорами с участием инвесторов,

но не относятся к категории инвестиционных, так как не связаны с инвестиционным договором. С учетом этого они не будут рассматриваться в настоящей статье, где в фокусе исключительно инвестиционные споры в Республике Казахстан.

В то же время на уровне международных договоров ратифицированных Республикой Казахстан, существуют иные определения таких понятий как «инвестиционный спор», «инвестор», «инвестиции». Указанное порождает правовую неопределенность, что негативно сказывается на практике рассмотрения инвестиционных споров. Данный вопрос будет частично рассмотрен в настоящей статье, хотя и не находится в фокусе ее внимания.

Несмотря на значительные успехи административной юстиции, изменившей восприятие граждан относительно возможности выиграть суд у государства, на практике все еще остаются серьезные проблемы с обеспечением государственными органами и должностными лицами единообразия практики административных процедур. Одной из причин этого является отсутствие со стороны многочисленных государственных органов единого подхода к реализации конкретных инвестиционных проектов.

При этом в Республике Казахстан с 2021 года действует Совет по привлечению инвестиций (Инвестиционный штаб), который функционирует при Правительстве Республики Казахстан. Однако он не ведет прямое сопровождение каждого инвестиционного проекта, этим занимается Комитет по инвестициям при Министерстве иностранных дел Республики Казахстан. Но и его работа ограничена общенациональным пулом инвестиционных проектов, которые включены в Реестр инвесторов [7]. Между тем многие крупные инвесторы, особенно в добывающей сфере, не входят в указанный Реестр. Как следствие, подход к работе с инвесторами остается неоднородным и инвесторам легче обратиться в суд для разрешения спора.

Выходом из сложившейся ситуации может стать применение «пакетного» метода урегулирования инвестиционных споров, при котором государственные органы будут придерживаться установленных правил взаимодействия в рамках конкретного инвестиционного проекта.

Таким образом, предметом настоящего исследования являются организационно-правовые механизмы взаимодействия государственных органов и инвесторов при реализации инвестиционных проектов, направленные на предупреждение и досудебное урегулирование возникающих инвестиционных споров. Цель исследования состоит в выявлении распространенных причин возникновения инвестиционных споров, связанных с несогласованностью действий государственных органов, и определении основных элементов «пакетного» подхода, способных минимизировать соответствующие риски.

При этом исследование носит преимущественно прикладной характер и не ставит целью разработку исчерпывающей нормативной модели предлагаемого механизма, конкретных редакций законодательных норм либо комплексное исследование понятийного аппарата инвестиционного законодательства. Указанные вопросы затрагиваются в той мере, в какой это необходимо для раскрытия предмета настоящей статьи, и требуют самостоятельной доктринальной и нормотворческой проработки.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили методы познания, применение которых позволило комплексно рассмотреть вопросы урегулирования инвестиционных споров с использованием «пакетного» подхода.

В исследовании использован метод анализа и обобщения судебной практики. Были изучены судебные акты по административным и гражданским делам с участием инвесторов, в том числе по налоговым, экологическим, земельным спорам, а также по вопросам исполнения договоров государственно-частного партнерства, их расторжения и взыскания неустоек. Особое внимание уделялось обстоятельствам возникновения спора, соблюдению государственными органами административных процедур, причинам неисполнения

инвесторами обязательств, а также возможности разрешения конфликта во внесудебном порядке.

Эмпирическую основу исследования составили статистические сведения о рассмотрении инвестиционных споров судами Республики Казахстан, материалы обобщений судебной практики, судебные акты, официальные выступления и программные документы, посвященные развитию административной юстиции и совершенствованию инвестиционного климата.

Статистические показатели рассчитаны на основании данных судов столицы за период с 1 июля 2021 по 1 июля 2026 гг. В выборку включены административные и гражданские дела, отнесенные судебной практикой к спорам с участием инвесторов. Такие споры рассматриваются только судами г.Астана. Доля удовлетворенных требований определялась как отношение количества дел, по которым требования соответствующей стороны были удовлетворены полностью или частично, к общему количеству дел, рассмотренных с вынесением решения.

На основе проведенного анализа сформулированы предложения по развитию межведомственного взаимодействия по принципу «одного окна», определению единого государственного координатора инвестиционного проекта, введению предварительного правового анализа до применения мер ответственности и расширению возможностей досудебного урегулирования.

Совокупное применение указанных методов позволило выявить основные причины возникновения инвестиционных споров, оценить эффективность действующих механизмов их разрешения и обосновать необходимость внедрения комплексного «пакетного» подхода во взаимодействии инвесторов и государственных органов.

Результаты

В настоящем разделе статьи представлены выявленные на основе анализа судебной практики причины возникновения инвестиционных споров. Предложения по устранению указанных причин и модель «пакетного» метода рассматриваются в разделе «Обсуждение».

Значительный пласт проблем приходится на взаимодействие государственных органов и инвесторов. Институт административной юстиции полноценно заработал в Казахстане с 1 июля 2021 года. Тем не менее, административные органы все еще не перешли на новый формат работы.

Для преодоления существующих проблем при урегулировании инвестиционных споров и обеспечения прозрачного процесса защиты прав инвесторов считаем необходимым рассмотреть вопрос развития «пакетного» метода по инвестиционным вопросам.

Под «пакетным» методом предлагается понимать комплексный организационно-правовой механизм сопровождения инвестиционного проекта, направленный на предупреждение и досудебное урегулирование инвестиционных споров, посредством согласованной оценки обязательств инвестора, действий государственных органов и взаимосвязанных административных процедур в рамках единого инвестиционного проекта. Субъектами применения «пакетного» метода выступают инвестор, государственный координатор и госорганы, решения которых необходимы для реализации проекта. Объектом является совокупность взаимосвязанных обязательств, разрешительных процедур и административных решений в рамках инвестиционного проекта.

В отличие от традиционного подхода, при котором каждый государственный орган оценивает ситуацию исключительно в пределах собственной компетенции, «пакетный» метод предполагает совместную правовую оценку проекта, и последующее полное сопровождение инвестиционного проекта до ввода его в эксплуатацию. При этом заранее устанавливается ответственность каждой стороны и сфера работы.

Указанное включает в себя следующие направления.

Во-первых, представляется необходимым дальнейшее уточнение критериев, позволяющих определить круг инвестиционных проектов и субъектов, в отношении которых применение «пакетного» метода является обоснованным. Действующее законодательное определение инвестора имеет общий характер и должно применяться во взаимосвязи с категориями «инвестиции», «инвестиционная деятельность», характером инвестиционного проекта и иными предусмотренными законодательством условиями. Не всякая деятельность инвестора объективно требует применения специального механизма межведомственного сопровождения, в связи с чем для целей реализации предлагаемого подхода необходимы прозрачные критерии отбора соответствующих проектов.

Во-вторых, важно развивать межведомственную координацию при сопровождении инвестиционных проектов по принципу «одного окна», чтобы инвестор не нес негативные последствия отсутствия согласованности между уполномоченными органами. В том числе необходимо определять единого государственного координатора по каждому значимому инвестиционному проекту, утверждать дорожную карту и понятную систему ответственности государственных органов за своевременное принятие необходимых решений.

В-третьих, необходимо исключить практику изолированного рассмотрения взаимосвязанных административных процедур, когда один орган требует исполнения инвестиционных обязательств, другой затягивает предоставление земельного участка, третий отказывает в разрешении из-за отсутствия документов, зависящих от действий иных органов.

Для этих целей предлагается внедрить механизм обязательного предварительного правового анализа спорных ситуаций до расторжения инвестиционных контрактов, начисления неустоек либо применения иных мер ответственности, если неисполнение обязательств инвестора могло быть связано с действиями или бездействием государственных органов.

При реализации вышеуказанного необходимо использовать «пакетный» метод не как основание для автоматического удовлетворения требований инвестора, а как инструмент объективной и всесторонней оценки спора, позволяющий установить, обусловлено ли нарушение поведением инвестора либо административными барьерами со стороны государства.

Также важно развивать досудебные процедуры по спорам между государственными органами и инвесторами. Судебная практика показывает, что большинство возникающих споров может быть урегулировано посредством диалога и рассмотрения спорной ситуации самим государственным органом по существу.

Государственным органом необходимо отказаться от парадигмы оценки интересов государства исключительно с позиций «государственный орган всегда прав». Подобное является «псевдозащитой» и не соответствует подлинным интересам страны, которые заключаются в создании благоприятного инвестиционного климата и развитии экономического оборота.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют перейти от установленных в судебной практике проблем к формулированию нормативных и организационных предложений по их предупреждению.

За пять лет работы АППК, в суды столицы поступило порядка тысячи двухсот исков от инвесторов. На сегодняшний день по административным спорам в пользу инвесторов было вынесено 81% решений. По гражданским спорам этот показатель ниже 21%, но следует понимать, что в экономические суды поступают не только иски инвесторов, но и государственных органов. И когда суды отказывают в исковых требованиях государственным органам, такие споры фактически разрешаются в пользу инвестора. Также в гражданском производстве учитываются примирения.

В целом, цифры показывают рост исков инвесторов. В основном увеличилось количество налоговых споров, а споров с местными исполнительным органам. На постоянной основе обобщается судебная практика. В трети рассмотренных дел судами были вынесены частные определения в отношении чиновников и наложены денежные взыскания на сумму около миллиона тенге.

Для большинства ученых-юристов общепризнанной является идея о том, что механизм благоприятных инвестиционных условий в Казахстане должен включать в себя эффективную нормативную и судебную систему, призванную обеспечить реализацию прав инвесторов в Республике Казахстан (Акимбекова, М. А. и Мороз С. П., с.34). Если обратиться к опыту Республики Казахстан, то можно отметить, что соответствующая работа по обеспечению благоприятного инвестиционного климата проводится практически на всех уровнях государственного регулирования.

С 1 июля 2025 года начали работу самостоятельные кассационные суды по трем видам судопроизводства. Механизм сплошной кассации административных дел постепенно расширяется на гражданские дела. Поэтому практика АППК будет перенята и в гражданских спорах инвесторов. Стоит отметить возрастание роли Верховного Суда как высшего судебного органа (Тукиев А.С. и Шамшинурова С.М., с.102). Это положительным образом скажется на единообразии отправления правосудия. Эти меры усиливают защиту прав инвесторов и улучшают инвестиционный климат страны.

При этом в стране осуществляется системная работа по развитию благоприятного инвестиционного климата. Так, был введен прокурорский фильтр, также Генеральной прокуратурой ведется Реестр инвесторов. На ежегодной основе Верховный Суд совместно с Правительством (Комитетом по инвестициям Министерства иностранных дел) проводит форум с участием крупнейших инвесторов страны.

В выступлении на форуме 5 июня 2026 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев поставил задачу обеспечить единообразие административных актов и процедур на центральном и местном уровнях: «*Одни и те же вопросы, по которым ранее поступали жалобы и обращения, не должны быть предметом повторных судебных споров. Нужно обеспечить последовательность и стабильность административной практики*» [10].

С учетом этого следует отметить, что в 2025 году в АППК был закреплен новый принцип единообразия административных процедур и решений. Исходя из него, по однородным ситуациям административными органами и должностными лицами должны приниматься одинаковые решения. Так гарантируется стабильность и предсказуемость административной практики.

Однако не все государственные органы смогли перестроить свою практику под требования нового принципа. Негативное влияние такой непоследовательности наглядно может быть обозначено в инвестиционных спорах, когда инвестор может организовать производственный процесс и вложить средства, имея четкие обязательства и гарантии со стороны одного государственного органа, но впоследствии столкнуться с непониманием со стороны другого органа.

Более того, текущее правовое регулирование инвестиционных споров действует в условиях фактического отсутствия урегулирования в законодательстве понятий «инвестор», «инвестиционный спор», а действующие нормы Предпринимательского кодекса Республики Казахстан не соответствуют сложившейся практике и требуют уточнения. Например, часть 2 статьи 274 ПК РК устанавливает, что под «*инвестором понимаются физические и юридические лица, осуществляющие инвестиции в Республике Казахстан*» [11]. Это очень широкое определение, под которое попадают и отечественные компании и даже индивидуальные предприниматели, которые осуществляют инвестиции в Казахстане. Если исходить из буквального понимания термина, то почти каждый предприниматель может быть отнесен к инвесторам. На практике к инвесторам относят только лиц, заключивших инвестиционный договор. При этом не каждый инвестор включен в Реестр инвесторов,

отдельные крупные недропользователи, заключавшие с Республикой Казахстан договор об инвестициях на особых условиях, в Реестр фактически не включены.

В то же время на уровне международных договоров понятийное урегулирование присутствует и отличается от аналогичных понятий в национальном законодательстве и судебной практике. Так, согласно Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств, совершенной в Вашингтоне 18 марта 1965 года, под «инвестиционным спором» понимается спор иностранного инвестора с государством в лице его уполномоченных органов по всем вопросам, связанным с инвестициями. Указанная конвенция была ратифицирована Законом Республики Казахстан от 09 июля 2004 года №589. При этом согласно части 1 статьи 296 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан таким спором будет являться только спор связанный с инвестиционной деятельностью. Для примера, спор инвестора с государственным органом по вопросам не связанным с инвестиционной деятельностью на практике не будет отнесен к категории «инвестиционного спора». И в отношении него не будет применен особый порядок рассмотрения таких споров судами столицы.

Еще один момент, это то, что в различных соглашениях о взаимном поощрении и защите инвестиций между Правительством Республики Казахстан и правительствами иностранных государств, используются свои понятийные аппараты, в которых дается свое определений понятий «инвестор», «инвестиция», что еще сильнее затрудняет рассмотрение таких споров. Подробно останавливаться на данных соглашениях не будем, так как их большое количество.

Для выявления международно-правового контекста можно сопоставить положения нескольких, любых двухсторонних соглашений Республики Казахстан о поощрении и взаимной защите инвестиций. Например, соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Туркменистана о взаимном поощрении и защите инвестиций, совершенное в Ашхабаде 10 октября 2024 года, или Соглашение между Республикой Казахстан и Японией о поощрении и защите инвестиций, совершенное в Астане 23 октября 2014 года.

Несмотря на различиях в формулировках понятий «инвестор» и «инвестиция», такие соглашения закрепляют требования справедливого и равноправного режима, полной защиты инвестиций, не дискриминации и соблюдения принятых государством обязательств. В этом контексте «пакетный» метод не заменяет предусмотренные международными договорами способы защиты и не изменяет объем международных обязательств Республики Казахстан, но предупреждает ситуации в которых противоречивые решения разных органов могут привести к нарушению законных ожиданий инвестора. Тем самым метод выполняет превентивную функцию и способствует снижению рисков.

При этом национальное законодательство не содержит единых понятий «инвестор» и «инвестиция», что затрудняет практику рассмотрения возможных споров.

Другой пример связан со спорами, вытекающими из контрактов, которые выходят за рамки административного судопроизводства. Контракт на недропользование приравнен к инвестиционным контрактам. Административный орган является стороной контракта, следовательно, между сторонами возникают гражданские правоотношения, разрешение которых возможно в порядке ГПК. Между тем в действующем законодательстве прослеживаются элементы публично-правовых договоров: соглашения о стимулировании предпринимательства, договоры на осуществление государственного социального заказа, договоры государственно-частного партнерства. По сути, контракты на недропользование также относятся к данной категории. Однако в силу того, что договор сам по себе не является способом выражения публично-правовых отношений, он не может быть рассмотрен в порядке АППК (Тукиев А. С. и Сабиров К. К., с.64).

При этом в большинстве стран ОЭСР существует понятие «административного договора» (публично-правового договора). Возможность внедрения такого понятия в

Республике Казахстан обсуждается достаточно давно, однако соответствующий механизм так и не был реализован. Как и уточнение понятий «инвестор», «инвестиционный спор», вопрос реализации «административного договора» является ключевым на текущем этапе совершенствования законодательства по вопросам инвестиций.

Отсюда выделяются две принципиальные проблемы: отсутствие единообразной практики и отсутствие единого подхода к работе с инвесторами.

Первый вопрос решается как путем законодательного регулирования, судебной практики, так и путем прямой работы с государственными органами, их обучением и направлением. Отметим, что в 2021-2026 гг. Верховным Судом Республики Казахстан совместно с Правительством Республики Казахстан на систематической основе проводились форумы с участием крупных инвесторов, судей и руководителей государственных органов. Это продуктивный формат, в котором инвесторы имеют возможность озвучить проблемные вопросы напрямую государственным органам.

В числе исков инвесторов к ЦГО преимущественно иски, связанные с налоговыми и экологическими спорами. Большинство исковых требований связано с признанием незаконным и отменой уведомлений о результатах проверок. По экологическим спорам инвесторы жалуются, что государственные органы не предоставляют надлежащих результатов аудита и анализа. По отдельным крупным делам допускаются грубые нарушения процедур проверок, при этом госорган не проявляет должной активности.

В качестве примера можно привести дело № 6001-23-00-6ап/1671 по иску ТОО «Е.» к департаменту экологии истец просил признать незаконным и отменить акт о назначении проверки и предписание об устранении нарушений департамента экологии в части нарушений по проверочному листу.

Суды, удовлетворяя иск, отметили, что административный акт подлежит подписанию всеми должностными лицами, уполномоченными на проведение соответствующей проверки. Такое требование к предписанию закреплено подпунктом 5) части первой статьи 80 АППК, подпунктом 10) пункта 1 статьи 152 Предпринимательского кодекса и подпунктом 9) пункта 2 статьи 152-1 ПК (в редакции на момент его вынесения). Между тем установлено, что акт о результатах проверки и предписание подписаны только одним проверяющим, тогда как подписи других проверяющих должностных лиц, указанных в акте о назначении проверки, отсутствуют. Стоит подчеркнуть, что несоответствие подписей проверяющих лиц является грубым нарушением процедуры проведения проверки [13].

В числе основных споров МИО и инвесторов можно отнести земельные споры, требования о взыскании штрафов за неисполнение обязательств по договору государственно-частного партнерства (ГЧП), о расторжении либо признании недействительным договоров, об обязании исполнить контрактные обязательства и т.д. Между тем отмечаются и иски инвесторов к ЦГО, касающиеся иных вопросов, которые объективно могли быть урегулированы путем переговоров в досудебном порядке.

В качестве примера можно привести гражданский иск №7119-24-00-2/12124 от 15 октября 2024 г. Управление образования акимата области подало иск в отношении ТОО «М.» о взыскании неустойки. Согласно договору ГЧП частный партнер осуществляет реконструкцию и эксплуатацию объекта ГЧП и в последующем согласно условиям договора передает объект ГЧП в государственную коммунальную собственность. В соответствии с договором ГЧП за нарушение частным партнером срока создания объекта ГЧП, если эта задержка возникла не по вине любого из государственных партнеров, частный партнер выплачивает государственному партнеру штраф за каждый день просрочки от неисполненных обязательств [14].

Суд, изучив обстоятельства дела, установил, что в соответствии с пунктом 204 договора договор вступает в силу и вводится в действие со дня государственной регистрации. Частным партнером объект ГЧП введен в эксплуатацию в пределах предусмотренного договором срока. Учитывая изложенное, в иске госоргана отказано.

В вышеприведенном примере обстоятельства дела были ясны исходя из текста самого договора, при этом инвестор прямо ссылался на указанные факты. Несмотря на это МИО предпочел подать иск в суд.

Очевидно, что такие споры могли быть разрешены в досудебном порядке, однако дошли до суда, когда инвесторы исчерпали все возможные способы разрешить возникшую проблему.

В этой связи важно отметить, что в своем выступлении на форуме 5 июня 2026 года Глава государства поручил «*должностным лицам, находящимся у власти, в любой спорной ситуации искать компромиссы, но при этом поиск решения не должен противоречить требованиям правовой системы*» [10].

Очевидным видится необходимость законодательно закрепить возможность медиативного соглашения по инвестиционным спорам в случаях, когда инвестор согласен на такое примирение. Должностное лицо должно иметь право исправить очевидную ошибку без страха последствий. При этом инвестор должен иметь возможность обратиться в суд на любом этапе, до принятия окончательного соглашения по урегулированию спора.

Так, еще в анализе судебной практики по рассмотрению судами города Астаны споров с участием инвесторов за второе полугодие 2021 г., 2022-2023 гг. отмечалось, что в первую очередь необходимо отметить важность точечного подхода административных органов к разрешению инвестиционных споров. Государственным служащим необходимо четко осознавать важность соблюдения интересов всего государства, а не только своего государственного органа. Поэтому нужно исходить из того, что излишняя волокита, бюрократизм наносит вред всей правовой системе и инвестиционному климату в Республике Казахстан [15].

При этом всех этих проблем можно избежать, если административные органы будут придерживаться комплексного подхода к рассмотрению инвестиционных споров. Не только с позиции своего государственного органа, но с учетом интересов Республики Казахстан.

При привлечении иностранного инвестора в Республику Казахстан в фокусе внимания всегда выступает конкретный инвестиционный проект, который закладывается в долгосрочные планы развития экономики нашей страны. Как отмечает Ж. Кулжабаева: «*инвестиционная политика любого государства направлена на устойчивый рост и стратегическую конкурентоспособность экономики*» (Кулжабаева, Ж. О., с.166). С учетом этого государственные интересы заключаются в надлежащей реализации инвестиционных проектов и раскрытия их экономического потенциала для нужд Республики Казахстан и благосостояния граждан. В такой картине восприятия ситуации нет места отдельным ведомственным интересам, на первом плане стоят интересы Республики Казахстан. С учетом этого система государственных органов должна действовать как единое целое, имея четкое представление о конечной цели реализации инвестиционного проекта.

На практике после подписания инвестиционного договора и фактического начала реализации проекта инвестор остается один на один с отдельными государственными органами, которые ограничены текущими целями и задачами, стоящими перед конкретными ведомствами. Однако первоначальная цель состояла не просто в вовлечении инвестора в экономический оборот Республики Казахстан или предоставлении государственному органу дополнительного субъекта предпринимательства, в отношении которого могут проводится проверки, а в реализации конкретного инвестиционного проекта, который должен улучшить благосостояние граждан. К сожалению, за бюрократической волокитой эта цель зачастую теряется.

При этом в нашей стране действуют различные программы поддержки инвесторов. Выше уже упоминалось о работе Инвестиционного штаба, который хоть и является фактическим координирующим органом по работе с инвесторами при Правительстве Республики Казахстан, на практике не имеет широких возможностей и достаточного функционала. Практическая реализация сопровождения осуществляется конкретными

органами - Комитетом по инвестициям Министерства иностранных дел Республики Казахстан и Комитетом по защите прав инвесторов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Однако оба указанных органа выполняют конкретный функционал.

Прогрессивным путем развития видится не создание дополнительного государственного органа по сопровождению инвестиционных проектов и даже не расширение полномочий Инвестиционного штаба, но применение единообразного подхода к работе с самими инвестиционными проектами. В настоящее время существует общенациональный пул инвестиционных проектов, которые включены в Реестр инвесторов, это уже половина пути в нужном направлении. Следующий шаг - введение «пакетного» метода для урегулирования всех спорных вопросов для инвестиционных проектов, включенных в пул.

Важно подчеркнуть различие «пакетного» метода от механизма «одного окна». Последний преимущественно упрощает взаимодействие с государственными органами, тогда как «пакетный» метод направлен на содержательную оценку взаимосвязанных решений в рамках возникающих споров между инвестором и государственными органами.

Для этих целей первостепенное значение приобретает развитие межведомственной координации при сопровождении инвестиционных проектов по принципу «одного окна», чтобы инвестор не нес негативных последствий отсутствия согласованности между уполномоченными органами.

Как именно подобная координация может быть реализована?

Ключевым будет являться изменение парадигмы взаимодействия государственного органа с инвестором. Государственный орган не должен действовать изолировано, но подходить индивидуально к каждому конкретному инвестиционному проекту. Для этих целей предлагается внедрить механизм обязательного предварительного правового анализа спорных ситуаций, возникших в ходе реализации инвестиционных обязательств по конкретному проекту. При этом сам факт такого подхода не должен означать наличие каких-либо преференций для инвестора или автоматического удовлетворения требований инвестора. Механизм нужен лишь для объективной и всесторонней оценки спора, позволяющий установить, обусловлено ли нарушение поведением инвестора либо административными барьерами со стороны государства.

Это позволит исключить случаи межведомственных противоречий, когда два ведомства требовали от инвестора противоположных действий, при этом не решая спор путем переговоров. Выходом для инвестора в таком случае остается только суд, что недопустимо.

Яркий пример - дело №7199-24-00-2а/6136 от 27 ноября 2024 г., где инвестор уведомил Министерство энергетики о невозможности исполнения обязательств по бурению и строительству вертикальной оценочной скважины ввиду недопустимости строительства скважины, указывая, что согласно отрицательному заключению Комитета экологии данные работы являются экологически опасными видами работ. Инвестор также изложил просьбу об исключении ответственности в виде уплаты штрафа (неустойки) за неисполнение обязательства по бурению. Однако государственный орган не только отказал инвестору, но и подал в суд. Суд первой инстанции отказал в исковых требованиях, но несмотря на очевидность выводов суда, истец-государственный орган подал апелляционную жалобу. Апелляционная инстанция согласилась с выводами суда первой инстанции, что неисполнение данного обязательства не связано с бездействием ТОО и уклонением от его исполнения [17].

Таким образом, если бы инвестор исполнил обязательства, то стал бы ответчиком по иску от экологического ведомства, а когда он не исполнил (что полностью соответствует требованиям казахстанского законодательства), то стал ответчиком по иску министерства энергетики. Такие случаи свидетельствуют об отсутствии координации. Наличие единого «пакетного» подхода к работе с инвестиционным проектом и инвестором, его реализующим, предотвратило бы возможные риски.

Приведенные примеры судебной практики не рассматриваются как прямое эмпирическое подтверждение эффективности «пакетного» метода, поскольку такой механизм

в соответствующих правоотношениях не применялся. Их значение для настоящего исследования состоит в выявлении типичных причин возникновения инвестиционных споров - несогласованности действий различных государственных органов, изолированной оценки взаимосвязанных обязательств и недостаточного использования возможностей досудебного урегулирования. Предлагаемый «пакетный» подход направлен именно на минимизацию указанных факторов.

Заключению инвестиционного договора и привлечению инвестора в страну предшествует работа по оценке инвестиционного проекта, рисков и возможностей для Республики Казахстан. Как правило в настоящее время этот процесс включает переговоры, встреченные предложения для инвесторов, выбор места (административной области) для реализации проекта и т.д. К сожалению эта работа осуществляется отдельно от деятельности других государственных органов. Хотя именно на этом этапе, в случае если инвестиционный проект получит «зеленый свет», к нему должен быть применен «пакетный» метод сопровождения. Должна быть создана межведомственная группа по всем основным сферам проекта, а также детально разделены права и обязанности всех сторон, включая самого инвестора. По сути речь идет о создании отдельного инвестштаба по каждому инвестиционному проекту. Это исключит все возможные риски и споры при его дальнейшей реализации.

Как указанное должно реализовываться на практике? Применение «пакетного» метода можно разделить на несколько этапов:

1. Предварительные переговоры с потенциальным инвестором, обсуждение условий проекта, важности его для Республики Казахстан и оценка необходимости применения «пакетного» метода сопровождения;

2. В случае одобрения «пакетного» метода, исходя из результатов оценки проекта, формирование межведомственной группы по сопровождению инвестиционного проекта и распределение обязанностей между всеми членами группы (включая инвестора) исходя из сфер, которые затрагивает проект;

3. Подписание инвестиционного договора, а также приложения к нему, в котором будут прописаны четкие направления сопровождения проекта, распределены сферы и обязанности, а также перечислены ответственные лица и ведомства;

4. Сопровождение инвестиционного проекта до его запуска, подготовка сопутствующей документации и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет о конкретных, значимых для экономики Республики Казахстан инвестиционных проектах. Это не означает что по каждому инвестиционному договору или даже по каждому проекту, включенному в общенациональный пул инвестиционных проектов, необходимо применять «пакетный» метод регулирования. Поэтому так важно законодательно уточнить понятия «инвестор», «инвестиционный спор», исходя из текущей административной практики.

Для этих целей необходимо определять по каждому значимому инвестиционному проекту единого государственного координатора, ответственную дорожную карту и понятную систему ответственности государственных органов за своевременное принятие необходимых решений.

Высокий показатель проигранных госорганом споров также указывает на то, что на этапе досудебного урегулирования не была проделана надлежащая работа, поскольку даже споры с очевидными грубыми нарушениями ответчиков, доходят до суда. Это свидетельствует о недостаточной работе апелляционных комиссий госорганов. По этой причине в АППК дополнительно предусмотрели два механизма: а) согласование жалобы в апелляцию и кассацию вышестоящим руководителем; б) при отсутствии досудебного порядка представление в суд мотивированной позиции вышестоящего государственного органа.

Несмотря на наличие правовых механизмов регулирования ответственности административного органа, внедрения принципа единообразия и систематической работы по

разъяснению административной практики со стороны судов, государственные органы продолжают допускать ошибки и нарушения установленных процедур. Все это указывает на необходимость закрепления персональной ответственности руководителей государственных органов. Одним из вариантов реализации такой ответственности является учет показателей в системе KPI, которые могут приниматься во внимание, например, при политических назначениях. Таким образом эффективность работы государственного органа будет прямо синхронизирована с конкретным лицом - руководителем государственного органа. Это позволит обеспечить надлежащее внедрение принципа единообразия административных процедур и разрешит проблему деперсонализации ответственности.

Структура «пакетного» метода должна включать формирование единого досье инвестиционного проекта; определение государственного координатора; усиление досудебных методов урегулирования споров с инвесторами; введение дорожной карты обязательств сторон; межведомственную координацию и согласование перед применением мер ответственности.

Каждый из названных элементов связан с конкретными причинами возникновения споров, выявленными при анализе судебной практики. Наличие единого координатора и межведомственной коммуникации позволяет минимизировать риск предъявления инвестору противоречивых требований различными государственными органами. Формирование единого досье и дорожной карты позволяет оценивать исполнение обязательств не изолированно, а с учетом хода реализации проекта в целом. Предварительный правовой анализ до применения мер ответственности, в свою очередь, позволяет установить, вызвано ли нарушение действиями инвестора либо обстоятельствами, зависящими от государственных органов. Тем самым «пакетный» метод имеет прежде всего превентивную функцию, а при возникновении разногласий создает дополнительные возможности для их досудебного урегулирования.

В тоже время наличие «пакетного» метода не следует рассматривать в качестве «индульгенции» для инвестора при наличии доказанного нарушения обязательств или причиненного ущерба экологии, или экономики Республики Казахстан. Нельзя допускать и использование данного механизма для обхода обязательных требований налогового, трудового, экологического, земельного законодательства. Его назначение состоит не в предоставлений инвестору преференций, а в исключении ситуаций, когда ответственность возлагается за нарушение, вызванное действиями самого государства.

В этой связи «пакетный» метод следует рассматривать как комплексный организационно-правовой механизм сопровождения инвестиционного проекта, одной из функций которого является предупреждение и досудебное урегулирование инвестиционных споров посредством одновременной оценки совокупности взаимосвязанных административных процедур, обязательств инвестора и действий государственных органов. Такой подход не означает автоматического освобождения инвестора от ответственности, но в объективном установлении причин нарушения обязательств и определения того, было ли такое нарушение вызвано административными барьерами, противоречиями между ведомствами или ошибками административных органов.

Заключение

Судебная практика свидетельствует, что одной из причин лежащей в основе инвестиционных споров, являются ошибки административных органов и должностных лиц. Это могут быть как нарушения единообразия административных процедур, так и отсутствие координации и взаимодействия между государственными органами. Одним из путей разрешения данной проблемы является применение «пакетного» метода при разрешении споров с участием инвесторов.

Практическая реализация «пакетного» метода требует развития межведомственной координации по принципу «одного окна», определения единого государственного

координатора по значимым инвестиционным проектам, формирования согласованной дорожной карты и закрепления ответственности уполномоченных органов за своевременность принимаемых решений. До начисления неустойки или применения иных мер в отношении инвестора необходимо проводить предварительный правовой анализ, охватывающий действия всех участников инвестиционного проекта.

Также необходимо внедрять систему оценки эффективности руководителей государственных органов, включающую соответствующие KPI, которая будет учитывать соблюдение государственными органами единообразия административной практики. Все это будет учитываться при дальнейших политических назначениях, согласно принципам меритократии и государства Закона и Порядка.

Не менее важным направлением является совершенствование досудебного урегулирования. Государственные органы должны получить реальные правовые возможности для пересмотра ошибочных решений, устранения допущенных нарушений и достижения законного компромисса с инвестором. Представляется обоснованным дальнейшее развитие примирительных и медиативных процедур по инвестиционным спорам при сохранении за инвестором права обратиться в суд до окончательного урегулирования разногласий.

Еще один момент связан с необходимостью уточнения законодательных определений понятий «инвестор», «инвестиционный спор» (Акимбекова М. А., с.83), а также введения понятия «административного договора». Все это поможет развитию единообразия в практике отправления правосудия по инвестиционным спорам.

Таким образом, последовательное применение «пакетного» метода позволит частично сократить количество споров, исключить возложение на инвесторов негативных последствий несогласованности государственного аппарата, обеспечить единообразие административных процедур и повысить предсказуемость решений государственных органов. В конечном итоге такой подход будет способствовать не только защите прав конкретных инвесторов, но и укреплению доверия к государственным институтам, улучшению инвестиционного климата и обеспечению устойчивого экономического развития Республики Казахстан.

Список использованной литературы

Токаев, К.-Ж.К. (2025) Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». ИПС «Әділет». Доступно: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1 (дата обращения: 10.07.2026).

Мельник, Р.С. (2025) «Основные исторические этапы формирования административного процесса в Казахстане», Право и государство, 2(107), сс. 6–28.

Балиева, З.Я. и Аюпова, З.К. (2024) «Административная юстиция Республики Казахстан как инструмент и опора слышащего государства», Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 2(77), сс. 99–110.

Мергалиев, А.А. (2026) «Административная юстиция как фундамент идеологии закона и порядка», Заңгер, 5(298), сс. 7–10.

Амангелдин, А. (2024) «Новая правовая парадигма судебной реформы», Вестник Академии правосудия, 6(2), сс. 37–42.

Конституционный Суд Республики Казахстан (2023) Нормативное постановление от 22 мая 2023 года № 16-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй статьи 102 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 29 июня 2020 года». Доступно: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35461222&show_di=1 (дата обращения: 10.07.2026).

Министерство иностранных дел Республики Казахстан (2025) Приказ Заместителя Премьер-Министра – Министра иностранных дел Республики Казахстан от 26 февраля 2025 года № 11-1-4/104 «Об утверждении Правил формирования, ведения и использования реестра

инвесторов». ИПС «Әділет». Доступно: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500035754 (дата обращения: 15.07.2026).

Акимбекова, М.А. и Мороз, С.П. (2021) «Инвестиционные споры по законодательству Республики Казахстан», Historical Sciences, сс. 33–35.

Тукиев, А.С. и Шамшинурова, С.М. (2025) «Новая роль Верховного Суда в свете реформы кассационных судов», Право и государство, 3(108), сс. 97–105.

Токаев, К.-Ж.К. (2026) Выступление Главы государства на международном форуме «Административная юстиция и ее роль в обеспечении верховенства права». Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Доступно: https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-mezhdunarodnom-forume-administrativnaya-yusticiya-i-ee-rol-v-obespechenii-verhovenstva-prava-555413 (дата обращения: 13.07.2026).

Республика Казахстан (2015) Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V. ИПС «Әділет». Доступно: http://zan.kz/rus/docs/K1500000375 (дата обращения: 20.07.2026).

Тукиев, А.С. и Сабиров, К.К. (2026) «Институт права на иск в административном судопроизводстве Республики Казахстан: теория и перспективы развития», Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 1(81), сс. 61–73.

Верховный Суд Республики Казахстан (2023) Постановление Судебной коллегии по административным делам № 6001-23-00-6ап/1671 от 12 декабря 2023 года. Судебный кабинет. Доступно: https://office.sud.kz/ (дата обращения: 14.07.2026).

Специализированный межрайонный экономический суд г. Астаны (2024) Решение № 7119-24-00-2/12124 от 15 октября 2024 года. Судебный кабинет. Доступно: https://office.sud.kz/ (дата обращения: 15.07.2026).

Верховный Суд Республики Казахстан (б. г.) Анализ судебной практики по рассмотрению специализированными межрайонными экономическим и административным судами города Астаны споров с участием инвесторов за второе полугодие 2021 года, 2022–2023 годы. Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. Доступно: https://sud.kz/ (дата обращения: 10.07.2026).

Кулжабаева, Ж.О. (2020) «Правовой механизм инвестиционной поддержки Республики Казахстан в системе обеспечения экономической безопасности», Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 5(63), сс. 159–167.

Суд города Астаны (2024) Постановление Судебной коллегии по административным делам по делу № 7199-24-00-2а/6136 от 27 ноября 2024 года. Судебный кабинет. Доступно: https://office.sud.kz/ (дата обращения: 15.07.2026).

Акимбекова, М.А. (2017) «Проблемы понятийного аппарата инвестиционного законодательства Республики Казахстан и их влияние на рассмотрение инвестиционных споров», Право и государство, 1(2), сс. 82–92.

References

Tokayev, K.-Zh.K. (2025) Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 8, 2025 "Kazakhstan in the era of artificial intelligence: current challenges and their solutions through digital transformation". IPC "Adilet". Available in: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1 (accessed: 07/10/2026).

Melnik, R.S. (2025) "The main historical stages of the formation of the administrative process in Kazakhstan", Law and the State, 2(107), pp. 6-28.

Baliyeva, Z.Ya. and Ayupova, Z.K. (2024) "Administrative justice of the Republic of Kazakhstan as an instrument and support of the listening state", Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2(77), pp. 99-110.

Mergaliev, A.A. (2026) "Administrative justice as the foundation of the ideology of law and order", Zanger, 5(298), pp. 7-10.

Amangeldin, A. (2024) "A new legal paradigm of judicial reform", Bulletin of the Academy of Justice, 6(2), pp. 37-42.

The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (2023) Regulatory Resolution No. 16-NP dated May 22, 2023 "On reviewing the Second Part of Article 102 of the Administrative Procedural Code of the Republic of Kazakhstan dated June 29, 2020 for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan". Available in: https://online .zakon.kz/Document/?doc_id=35461222&show_di=1 (date of request: 07/10/2026).

Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan (2025) Order of the Deputy Prime Minister - Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan dated February 26, 2025 No. 11-1-4/104 "On approval of the Rules for the Formation, Maintenance and use of the Register of Investors". IPC "Adilet". Available in: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500035754 (accessed: 07/15/2026).

Akimbekova, M.A. and Moroz, S.P. (2021) "Investment disputes under the legislation of the Republic of Kazakhstan", Historical Sciences, pp. 33-35.

Tukiev, A.S. and Shamshinurova, S.M. (2025) "The new role of the Supreme Court in the light of the reform of the Cassation courts", Law and the State, 3(108), pp. 97-105.

Tokaev, K.-J.K. (2026) Speech by the Head of State at the international forum "Administrative Justice and its role in ensuring the rule of law." The official website of the President of the Republic of Kazakhstan. Available in: https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-mezhdunarodnom-forume-administrativnaya-yusticiya-i-ee-rol-v-obespechenii-verhovenstva-prava-555413 (date of request: 07/13/2026).

Republic of Kazakhstan (2015) Business Code of the Republic of Kazakhstan dated October 29, 2015 No. 375-V. IPC "Adilet". Available in: http://zan.kz/rus/docs/K1500000375 (date of request: 07/20/2026).

Tukiev, A.S. and Sabirov, K.K. (2026) "Institute of Claim Law in administrative proceedings of the Republic of Kazakhstan: theory and development prospects", Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 1(81), pp. 61-73.

The Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (2023) Resolution of the Judicial Board for Administrative Cases No. 6001-23-00-6ap/1671 dated December 12, 2023. The judicial office. Available in: https://office.sud.kz / (date of application: 07/14/2026).

Specialized Interdistrict Economic Court of Astana (2024) Decision No. 7119-24-00-2/12124 dated October 15, 2024. The judicial office. Available in: https://office.sud.kz / (date of access: 07/15/2026).

The Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (b. g.) Analyzes judicial practice on the consideration by specialized inter-district economic and administrative courts of Astana of disputes involving investors for the second half of 2021, 2022-2023. The official website of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. Available in: https://sud.kz / (date of reference: 07/10/2026).

Kulzhabayeva, Zh.O. (2020) "The legal mechanism of investment support of the Republic of Kazakhstan in the system of ensuring economic security", Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 5(63), pp. 159-167.

Astana City Court (2024) Resolution of the Judicial Board for Administrative Cases in case No. 7199-24-00-2a/6136 dated November 27, 2024. The judicial office. Available in: https://office.sud.kz / (date of reference: 07/15/2026).

Akimbekova, M.A. (2017) "Problems of the conceptual framework of the investment legislation of the Republic of Kazakhstan and their impact on the consideration of investment disputes", Law and the State, 1(2), pp. 82-92.

Received: 12.09.2026. Accepted: 29.09.2026. Available online: 30.09.2026.

IRSTI 10.87.01
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-41-55

Bridging Scholarship and Practice in International Law: The Establishment and Prospects of the Kazakhstan Branch of the International Law Association

Abay Abylaiuly
Doctor of Philosophy (PhD), Vice-President of Kazakhstan Branch of the International Law Association,
Associate professor, Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan
e-mail: a_abylaiuly@kazguu.kz;
ORCID: 0009-0005-2684-1507

Roza Akshalova
Doctor of Philosophy (PhD), Vice-President of Kazakhstan Branch of the International Law Association,
Head of the Department of International Law, Faculty of Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
e-mail: akshalova_rd@enu.kz;
ORCID: 0000-0002-2618-9572

Sauryk Abirbek
Secretary of Kazakhstan Branch of the International Law Association,
Senior lecturer, Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan
e-mail: sa_abirbek@kazguu.kz;
ORCID: 0000-0001-6992-5165

Abstract

This article examines the relationship between international legal scholarship and practice in Kazakhstan and the institutional significance of establishing the Kazakhstan Branch of the International Law Association (ILA) in 2026. It analyses the role of international law associations in connecting academic research with governmental activity and professional legal practice, as well as the ILA's contribution to the development of international law. The study demonstrates that Kazakhstan possesses substantial academic and professional capacity in international law, while institutional links between scholars, governmental authorities, and practising lawyers remain insufficiently sustainable. Against this background, the Kazakhstan Branch is examined as a potential platform for connecting existing professional communities rather than replacing existing institutions. Particular attention is given to institutional sustainability, academic independence, and the development of cooperation within Central Asia.

Keywords: international law; International Law Association (ILA); Kazakhstan Branch; scholarship and practice; international legal expertise; institutional development; academic independence; Central Asia; professional networks.

Халықаралық құқық саласындағы зерттеулер мен практиканы ұштастыру: Халықаралық құқық қауымдастығының Қазақстандағы бөлімшесін құру және оның болашағы

Абай Абылайұлы
Философия докторы (PhD), Халықаралық құқық Қауымдастығының Қазақстан бөлімнің Вице-президенті,
Ассоциацияланған профессор, Maqsut Narikbayev University, Астана, Қазақстан
e-mail: a_abylaiuly@kazguu.kz;
ORCID: 0009-0005-2684-1507

Акшалова Роза Джарасовна,
Философия докторы (PhD), Халықаралық құқық Қауымдастығының Қазақстан бөлімнің Вице-президенті,
Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Заң факультетінің халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі, Астана, Қазақстан
e-mail: rozaakshalova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2618-9572

Саурық Абирбек
Халықаралық құқық Қауымдастығының Қазақстан бөлімнің Хатшысы,
Аға оқытушы, Maqsut Narikbayev University, Астана, Қазақстан
e-mail: sa_abirbek@kazguu.kz;
ORCID: 0000-0001-6992-5165

Аңдатпа

Мақала Қазақстандағы халықаралық құқық ғылымы мен практикасының өзара байланысын және 2026 жылы Халықаралық құқық қауымдастығының (ILA) Қазақстандық бөлімшесінің құрылуының институционалдық маңызын зерттейді. Авторлар ILA-ның халықаралық құқықтың дамуына қосқан үлесін және халықаралық құқық қауымдастықтарының ғылыми білім мен құқық қолдану практикасы арасындағы байланысты қамтамасыз етудегі рөлін талдайды. Қазақстандағы халықаралық құқықтың академиялық және мемлекеттік инфрақұрылымын зерделеу оның елеулі әлеуетке ие болғанымен, ғылыми орта, мемлекеттік органдар және заңгерлік практика арасындағы тұрақты кәсіби байланыстардың жеткіліксіз екенін көрсетеді. Осы тұрғыда Қазақстандық бөлімше қолданыстағы институттарды алмастырмай, оларды байланыстыратын кәсіби платформа ретінде қарастырылады. Мақалада бөлімшенің тұрақтылығы, академиялық тәуелсіздігі және Орталық Азиядағы ынтымақтастықты дамыту перспективалары айқындалады.

Түйін сөздер: халықаралық құқық; ILA; Қазақстандық бөлімше; халықаралық құқық ғылымы; құқық қолдану практикасы; институционалдық даму; Орталық Азия.

Соединяя исследования и практику в международном праве: создание и перспективы Казахстанского отделения Ассоциации международного права

Абай Абылайұлы
Доктор философии (PhD), Вице-Президент Казахстанского отделения International Law Association,
Ассоциированный профессор, Maqsut Narikbayev University, Астана, Казахстан
e-mail: a_abylaiuly@kazguu.kz;
ORCID: 0009-0005-2684-1507

Акшалова Роза Джарасовна,
Доктор философии (PhD),
Вице-Президент Казахстанского отделения International Law Association,

заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: rozaakshalova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2618-9572

Саурық Абирбек
Секретарь Казахстанского отделения International Law Association,
Старший преподаватель, Maqsut Narikbayev University, Астана, Казахстан
e-mail: sa_abirbek@kazguu.kz;
ORCID: 0000-0001-6992-5165

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимодействия науки и практики международного права в Казахстане и институционального значения создания в 2026 году Казахстанского отделения Ассоциации международного права (ILA). Авторы анализируют роль международно-правовых ассоциаций в обеспечении связи между научными исследованиями, государственной деятельностью и юридической практикой, а также вклад ILA в развитие международного права. Исследование институциональной инфраструктуры международного права в Казахстане показывает наличие значительного академического и профессионального потенциала при недостаточной устойчивости связей между соответствующими профессиональными сообществами. В этой связи Казахстанское отделение рассматривается как потенциальная платформа для объединения научного сообщества, государственных органов и практикующих юристов. Особое внимание уделяется вопросам институциональной устойчивости, академической независимости и развитию сотрудничества в Центральной Азии.

Ключевые слова: международное право; ILA; Казахстанское отделение; наука и практика; международно-правовая экспертиза; институциональное развитие; Центральная Азия.

Introduction

Over recent decades, the significance of international law for Kazakhstan has increased substantially. The State's participation in international treaties, the development of international economic relations, engagement with international organisations, participation in international mechanisms for the protection of human rights and the settlement of disputes, as well as the increasingly complex relationship between international and domestic law, have generated a sustained demand for specialised expertise in international law. International law is progressively ceasing to be a subject confined to academic inquiry and is becoming an important component of public administration, judicial practice, legislative activity, and professional legal practice.

At the same time, the relationship between the academic study of international law and its practical application has itself become increasingly complex. Academic research can do more than explain existing rules: it may contribute to their identification, systematisation, and progressive development. Practice, in turn, provides material against which doctrinal approaches can be tested and from which new research questions may emerge. Yet interaction among scholars, public authorities, and practising lawyers does not arise automatically. These professional communities operate according to different institutional logics, are oriented towards different time horizons, and have different expectations regarding the nature and function of legal knowledge. This creates a need for institutional mechanisms capable of facilitating sustained knowledge exchange and of connecting academic research with practical needs.

International law associations have traditionally performed precisely this intermediary function. Among them, a particularly important place is occupied by the International Law Association (ILA), founded in 1873. The history of the ILA demonstrates that professional

associations can serve not merely as forums for scholarly debate, but also as institutions connecting academic knowledge, governmental practice, and the development of international law. Reports, resolutions, and draft instruments prepared by ILA committees have been drawn upon by the United Nations (UN), the International Law Commission (ILC), international courts, and States in the development and interpretation of international law. The work of the ILA thus illustrates the capacity of professional associations to create a distinctive space in which scholarly ideas acquire practical significance, while practical problems become subjects of collective scholarly reflection.

For Kazakhstan, this issue is of particular relevance. The country possesses a developed yet fragmented international law infrastructure, comprising universities, academic journals, governmental units dealing with international legal matters, and a number of professional associations. An important example of the institutionalisation of interaction between the academic community and the State is the International-Legal Council under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan (MFA). Its activities have demonstrated the practical value of drawing upon academic expertise in the formulation of governmental positions on questions of international law. At the same time, the existing mechanisms have not yet produced a permanent, inclusive, and sustainable professional network bringing together scholars, governmental experts, practising lawyers, international organisations, and early-career professionals.

It is against this background that the establishment of the Kazakhstan Branch of the ILA in 2026 assumes particular significance. Founded by representatives of academia, public authorities, international organisations, and legal practice, and subsequently approved by the ILA at its 82nd Biennial Conference in Vienna (International Law Association, 2026), the Branch creates a new institutional opportunity to foster sustained interaction among the different professional communities engaged in the study and application of international law.

This article addresses three principal questions. First, what functions can international law associations perform in facilitating interaction between scholarship and practice? Secondly, to what extent does the existing institutional infrastructure of international law in Kazakhstan facilitate such interaction, and what gaps remain? Thirdly, how can the Kazakhstan Branch of the ILA contribute to addressing these limitations, and what conditions will determine the effectiveness of its activities?

Materials and Methods

The study draws on primary and secondary sources. Primary materials include publicly available documents of the ILA, including materials concerning its branches, committees, reports, and activities; relevant UN and ILC documents; and national legislation and institutional materials concerning international law in Kazakhstan. The analysis also uses documents and publicly available information relating to the establishment, organisational structure, membership, and proposed activities of the Kazakhstan Branch. Secondary materials comprise academic books, journal articles, and institutional publications addressing the role of international law associations, the development of international legal scholarship, and the scholarship-practice nexus.

The study employs a qualitative doctrinal and institutional approach. Doctrinal analysis is used to examine the contribution of international law associations to the development and dissemination of international legal knowledge, while institutional analysis is applied to map Kazakhstan's international law infrastructure, including universities, research institutions, governmental bodies, academic journals, and professional associations. A comparative perspective is used to consider the ILA's institutional experience and the emerging regional dimension of international legal scholarship in Central Asia. The analysis focuses particularly on institutional sustainability, active membership, academic independence, engagement with governmental and professional communities, and regional cooperation as key conditions for the Kazakhstan Branch to function effectively as a bridge between international legal scholarship and practice.

Results and discussion

I. The International Law Association as a Forum for Scholarship and Practice

International law associations are necessary, above all, as institutional mechanisms that connect the production of academic knowledge with the practice of international law. Unlike

individual scholarly work, the activities of such associations make it possible to bring together the perspectives of researchers, practising lawyers, governmental advisers, and other specialists within a collective expert process. It is precisely this capacity for **collective scholarship** that gives their work particular significance: while the outputs of such associations are not sources of law in the formal sense, they may contribute to the identification, systematisation, and development of existing rules of international law. In this respect, the work of the ILA is of particular interest (see, e.g., the ILC's reliance on the ILA Committee on the Procedure of International Courts and Tribunals) (UN Doc A/72/10, 2017), as its committees and working groups have, over several decades, developed doctrinal positions and draft instruments that have subsequently been used in processes of codification, in the interpretation of rules of international law, and in judicial practice.

Founded in Brussels in 1873, the ILA is a global platform for the study, clarification, and development of public and private international law, as well as for promoting international understanding and respect for international legal norms. As of 2026, the Association comprises **68 branches and 5,333 members**, spanning all continents and representing a broad range of national and regional professional communities in international law [1].

The ILA holds consultative status with the UN, a number of UN specialised agencies, and UNIDROIT, thereby enabling it to participate directly in processes of international law-making (Torsten Stein, 2019). Throughout its history, the ILA has made a significant contribution to the development of international law: reports, resolutions, draft conventions, and model instruments prepared by its committees have repeatedly been used by the UN and other international bodies in the preparation of international legal instruments, and have also been cited by the highest courts of various States (Torsten Stein, 2019). The influence of the ILA can be traced in areas including State immunity, international watercourses and groundwater, transboundary environmental law, the law of the sea, diplomatic and territorial asylum, the recognition and enforcement of foreign judgments, and sustainable development (Torsten Stein, 2019). ILA committee and research group materials have also been cited repeatedly in the annual reports of the ILC and used in the preparation of draft articles, draft principles, guidelines, and other instruments addressing such matters as State responsibility, climate change and sea-level rise, the protection of the environment in relation to armed conflicts, water resources, human rights, State succession, and proceedings before international courts and tribunals (Angelika Kligos and Riley Garrison, 2021). In particular, the ILA's report on **due diligence** was used in the ILC's commentaries to the Draft Principles on Protection of the Environment in Relation to Armed Conflicts, while the work of the ILA Committee on International Courts and Tribunals contributed to the inclusion of the topic of evidence before international courts and tribunals in the ILC's long-term programme of work (Angelika Kligos and Riley Garrison, 2021).

Although ILA resolutions and reports are not, in themselves, legally binding, they may perform an evidentiary and systematising function in determining the content of existing rules of international law. In this respect, the collective work of an association can overcome some of the limitations inherent in individual scholarship: a considered position developed collectively by an international community of specialists, based on an analysis of State practice, judicial decisions, and other relevant materials, may acquire considerable authority as part of the *teachings of the most highly qualified publicists* [2] [3] [4]. The outputs of the ILA have been relied upon by national and international courts as authoritative doctrinal materials in addressing questions relating, inter alia, to international rivers, jurisdiction, transboundary disputes, arbitration, and other areas of international law.

---

[1] International Law Association, 'Branches' <https://www.ila-hq.org/en_GB/branches> accessed 7 September 2026

[2] International Law Commission, *Report of the International Law Commission: Seventy-First Session (29 April–7 June and 8 July–9 August 2019)*, UN GAOR, 74th sess, Supp No 10, UN Doc A/74/10 (2019) p. 173

[3] International Law Commission, Identification of customary international law: Ways and means for making the evidence of customary international law more readily available, Memorandum by the Secretariat, 12 January 2018, U.N. Doc. A/CN.4/710, para72 and 73

[4] Paragraph (5) of the commentary to draft conclusion 14, Official Records of the General Assembly, Seventy-first Session, Supplement No. 10 (A/71/10), para 63

Finally, the institutional model of the ILA is itself significant for understanding its practical role. Historically, the ILA developed as a more open and inclusive forum than the comparatively closed model of the *Institut de Droit International* (Abrams, I., 1957; Chen, X., 2023). The participation not only of academic lawyers, but also of practitioners, governmental advisers, and specialists from diverse professional fields has enabled international legal questions to be examined with due regard to their practical application. The value of an international law association therefore lies not simply in creating another forum for academic discussion. Its institutional function is to create an intermediary space between **scholarship and practice**, where scholarly ideas can be tested against practice, practical problems can be conceptualised by the academic community, and approaches developed through collective work can subsequently be utilised by States, courts, and international organisations. It is precisely this function that makes the work of the ILA particularly significant for States and regions where professional communities in international law are still undergoing institutional development.

II. International Law Scholarship and Practice in Kazakhstan

Research and practice in international law in Kazakhstan are supported by a range of academic, governmental, and professional institutions. At the academic level, international law is taught as a specialised field at a number of higher education institutions across the country. Bachelor's and master's degree programmes in International Law are offered, inter alia, by Abai University (Almaty), Al-Farabi Kazakh National University (Almaty), KIMEP University (Almaty), Auezov University (Shymkent), Eurasian National University (ENU) (Astana), Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty), Kunaev University (Almaty), Maqsut Narikbayev University (MNU) (Astana), Turan-Astana University (Astana), and University of International Business (Almaty). The academic infrastructure, however, extends beyond teaching. Research in international law is also conducted within specialised academic units, including the Research School for Public and Private International Law at MNU [5]. Several academic journals also provide platforms for disseminating research in international law. These include the *Central Asia Yearbook on International Law* [6], edited by Professor Sergey Sayapin of KIMEP University; the *Eurasian Journal of International Law* [7], published by ENU; and the *Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. International Relations and International Law Series*, [8], published by Al-Farabi Kazakh National University. Nevertheless, the existence of specialised university programmes, a dedicated research centre, and several independent publishing platforms does not, in itself, create a permanent professional network bringing together international law scholars from different institutions.

The academic community can also serve as an important source of expertise for the State. This is particularly significant given the increasing complexity of the international legal issues confronting Kazakhstan, including the interpretation and application of international treaties, international dispute settlement, human rights, international economic relations, and the interaction between domestic and international law. Effective engagement of academic expertise in these areas, however, requires institutional mechanisms capable of facilitating regular interaction between researchers and governmental institutions. International practice demonstrates that formal, state-convened advisory councils – similar to Netherlands' Advisory Committee on Issues of Public International Law [9] and the U.S. State Department's Advisory Committee on International Law (US Department of State?

[5] MNU Research School for Public and Private International Law, https://mnu.kz/en/scientific-school/the-research-school-for-public-and-private-international-law/

[6] Central Asia Yearbook on International Law, https://brill.com/display/title/76386?srsltid=AfmBOoqYyxdnSrStitf-GjQM6UwZo8vBk7KgcaaHEUwXQoeIdj6QPJMV

[7] Eurasian Journal of International Law, *https://eajil.enu.kz/index.php/main/index*

[8] Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. International Relations and International Law Series, https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/ru

[9] Advisory Committee on Public International Law (CAVV), 'About the CAVV' https://www.adviescommissievolkenrecht.nl/english accessed 8 September 2026

2024) – are critical for translating independent legal analysis into actionable foreign policy and treaty compliance strategies.

At the level of State practice, the MFA plays a central role in shaping and implementing Kazakhstan's international legal policy. Its Department of International Law is the principal specialised governmental unit responsible for international legal matters. In 2024, the International-Legal Council was established under the MFA as a consultative and advisory forum. Among other functions, the Council was intended to contribute to the formulation of Kazakhstan's positions on current issues and challenges of international law; facilitate the exchange of information between the MFA and the academic and expert community concerning developments in international law; and promote education and professional activities in the field of international law. The composition of the Council was particularly significant from the perspective of bringing together representatives of the State and academia: of its 20 members, nine represented governmental bodies, while eleven were specialists from Kazakhstani universities.

The Council's activities were not merely consultative but also substantive in nature. During the period of its operation, the academic and expert community, working within the Council, prepared specialised reports on a number of topical issues of international law. These included a Special Report on the ILC's Draft Conclusions on 'Subsequent Agreements and Subsequent Practice in Relation to the Interpretation of Treaties'; a Special Report on the ILC's Draft Articles on 'Immunity of State Officials from Foreign Criminal Jurisdiction'; a *Special Report on the Draft Conclusions of the International Law Commission on 'Subsidiary Means for the Determination of Rules of International Law'*; a report on the introduction of a procedure for signing international treaties in electronic form using the DocuSign digital platform or through a dual-signature mechanism (*dual modality*); and a report entitled 'Legal Regulation of Engagement with Unrecognised Quasi-State Entities'. These materials provided an example of the direct mobilisation of academic and expert capacity in addressing issues of practical significance for the State's foreign and international legal activities and contributed to the formulation of governmental positions on the respective matters. The experience of the Council therefore demonstrates that interaction between the academic community and governmental authorities can extend beyond a general exchange of views and can directly contribute to the formulation of State positions on questions of international law. The establishment of the International-Legal Council thus represented an important institutional attempt to create a structured link between State practice and the academic community. In this respect, its composition and stated objectives directly reflected the scholarship-practice nexus in international law examined in this article. The Council, however, operated actively for only approximately one year. No meetings have been held since 2025. Accordingly, although the Council demonstrated the importance of institutionalised interaction between the State and the academic community and offered a potentially significant model for such engagement, it did not develop into a permanent and sustainable mechanism.

The Ministry of Justice (MoJ) also possesses specialised institutional capacity in this field. Its structure includes a Department of International Law. In addition, the Institute of Legislation and Legal Information under the MoJ has a Department of International Law and Comparative Law. These units participate in the development and analysis of legal policy and provide governmental expertise on matters of international law and comparative law. At the same time, their activities are conducted predominantly within the institutional framework of the MoJ and therefore do not constitute a professional platform bringing together the broader community of international law scholars, practising lawyers, governmental experts, and students.

According to the available information, other central State bodies do not have separate structural units specifically responsible for international law. Nevertheless, international legal expertise may be required across a broad range of areas of governmental activity. This further demonstrates the fragmented distribution of international legal expertise within Kazakhstan's public sector: the relevant knowledge and expertise exist across different institutions, but are not necessarily brought together within a permanent professional network.

Professional associations constitute another, albeit less developed, component of Kazakhstan's international law infrastructure. According to publicly available sources, the Kazakhstan Association of International Law was registered in 2005 as a public association. Information concerning its current institutional structure, membership requirements, and activities is not available from officially accessible online sources [10]. According to information available in the public domain, the Association publishes the *Bulletin of the Kazakhstan Association of International Law*. At the same time, publicly available information about the publication appears to be limited: the most recent issue that can be identified from open sources is the *Bulletin* published in 2020 [11]. Accordingly, on the basis of the available public sources, it is difficult to assess the Association's current membership, institutional capacity, or actual level of activity.

Taken together, these elements indicate that Kazakhstan does not suffer from a lack of institutions concerned with international law. On the contrary, its international law community is characterised by considerable institutional diversity, combined with limited connectivity among existing institutions. Universities educate specialists and conduct research; academic journals facilitate the dissemination of scholarly knowledge; the MFA and the MoJ possess specialised expertise in international law; and professional associations, at least formally, provide additional platforms for professional interaction. However, these components are not permanently integrated within a single, inclusive, and sustainable institutional platform capable of facilitating interaction among scholars, governmental experts, practising lawyers, international organisations, and students.

Such institutional fragmentation is particularly significant from the perspective of the relationship between scholarship and practice in international law. Existing mechanisms demonstrate that interaction between the academic community and practitioners is both possible and, in certain instances, capable of being deliberately institutionalised. The experience of the International-Legal Council under the MFA illustrates both the value of such interaction and the limitations associated with relying exclusively on mechanisms operating within individual State institutions. Once such a mechanism ceases to function, the academic and professional community may once again become dispersed across different institutional platforms.

It is against this background that the establishment of the Kazakhstan Branch of the ILA assumes particular significance. The Branch does not replace existing universities, governmental bodies, research centres, academic journals, or professional associations. Rather, its potential value lies in its capacity to connect them. Its institutional design and composition of founding members create an opportunity to develop a sustainable professional environment in which academic research, State practice, professional legal expertise, and international engagement can take place on an ongoing basis. In this sense, the Kazakhstan Branch may address not the absence of institutions concerned with international law in Kazakhstan, but rather the absence of a sufficiently sustainable and inclusive platform capable of connecting the institutions and professional communities that already exist.

III. The Establishment of the Kazakhstan Branch of the ILA

The process of establishing the Kazakhstan Branch of the ILA was formally initiated at a founding meeting held on **20 May 2026** at MNU in Astana, with participation also available online. Fifteen founding members participated in the establishment of the Branch. The agenda included the adoption of the Charter, the determination of the organisational structure and election of officers, subsequent registration and engagement with the ILA, and the identification of the Branch's priorities for its first year of operation. The founding meeting also established the Branch's initial leadership.

[10] Kazakhstan Association of International Law, 'About the Association' https://kazasintlaw.vercel.app/en/about accessed 8 September 2026

[11] Vestnik Kazakhstanskoy Assotsiatsii mezhdunarodnogo prava (2020) no 3 (51) https://www.academia.edu/47705554/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%90%D1%81%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0

Miras Daulenov was elected President; Abay Abylaiuly, Sergey Sayapin, and Roza Akshalova were elected Vice-Presidents; and Sauryk Abirbek was elected Secretary. The governance structure also provided for a Council of up to fifteen members. Under the Charter, the fifteen founding members constitute the initial composition of the Council for the first three years of its operation, thereby ensuring continuity between the founding membership and the Branch's first institutional cycle. Priorities discussed for the first year included the organisation of an international academic conference, cooperation with universities, international organisations, and legal institutions, the establishment of research working groups on specific areas of international law, participation in ILA activities and international events, and the implementation of publishing and academic initiatives. The final stage took place during the 82nd Biennial Conference on International Law in Vienna, held from 17 to 21 August 2026, at which the ILA approved the establishment of the Kazakhstan Branch [12].

Since its establishment, the Kazakhstan Branch has brought together individuals working across different institutional settings in which international law is studied, interpreted, or applied. The founding membership includes representatives of universities, governmental institutions, an international organisation, and private legal practice. For example, the group includes scholars affiliated with MNU, KIMEP University, ENU, and Coventry University Kazakhstan. The founding membership is not confined to academia. It includes a public official working in the Parliament of Kazakhstan, a specialist at a research institution under the Ministry of Culture and Information, a National Legal Officer at the OSCE Programme Office in Astana, and a solicitor engaged in international legal practice. Several founding members combine academic appointments with membership of the International-Legal Council of the MFA.

IV. From National Branch to Regional Platform: The Central Asian Dimension

The Central Asian dimension of the Kazakhstan Branch's activities is particularly significant given that the international law communities of the States of the region have developed predominantly within national universities, research centres, and professional associations. At the same time, many questions of international law that are of direct relevance to Central Asian States transcend individual national jurisdictions and require comparison of State practice, doctrinal approaches, and educational models across the region. The emergence in recent years of specialised academic initiatives focusing specifically on international law in Central Asia indicates the formation of a corresponding regional scholarly space.

Of particular significance in this regard is the *Central Asia Yearbook on International Law*, the first volume of which was published in 2026 by De Gruyter Brill under the editorship of Sergey Sayapin [13]. The *Yearbook* expressly addresses the role of Central Asia in the development of international law and brings together peer-reviewed research on public and private international law, State practice, regional cooperation, dispute settlement, human rights, international economic law, and emerging global challenges. A related objective, albeit pursued in a broader monograph format, is addressed in Sergey Sayapin's book *A Central Asian Perspective on International Law* (Hart Publishing, 2026) (Sergey Sayapin, 2026). One of its significant aspects is its examination of the state of international legal education and scholarship in Central Asia, including curricula, the institutional autonomy of universities, linguistic barriers, and the influence of different foreign schools of international legal thought. Of particular importance is the author's consideration of the integration of Central Asian schools of international law into the broader Asian and international context. This makes it possible to view the region not merely as an object of international legal inquiry, but also as a potential contributor to the academic and doctrinal development of international law.

[12] International Law Association, 'Kazakhstan' https://www.ila-hq.org/en/branches/kazakhstan accessed 8 September 2026

[13] Central Asia Yearbook on International Law, https://brill.com/display/title/76386?srsltid=AfmBOoqYyxdnSrStitf-GjQM6UwZo8vBk7KgcaaHEUwXQoeIdj6QPJMV

At the same time, the existence of regional scholarly interest does not, in itself, amount to a unified institutional community of international lawyers in Central Asia. In practice, professional and academic links among specialists from Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan already exist, but they are largely formed around individual universities, educational programmes, research projects, and international events. One example is the dual-degree programme between MNU and Tashkent State University of Law in the field of international legal education (Dana Tugambekova, 2026). The implementation of dual-degree programmes creates sustained contacts between academics and students from the two States and thus provides an important foundation for further academic cooperation. However, such projects remain bilateral by their nature and do not establish a permanent platform bringing together a broader community of international law specialists from across Central Asia. Another example is the Philip C. Jessup International Law Moot Court Competition. Central Asian and national Jessup rounds [14], as well as Jessup summer schools [15], are held on a rotating basis at universities in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. These activities are significant not only for legal education but also for the development of professional networks among young specialists in the region. They demonstrate that a transnational environment for interaction already exists, although such interaction currently depends to a considerable extent on particular events and the organisations hosting them.

The problem, therefore, is not the absence of regional contacts as such, but the absence of a permanent institutional mechanism capable of connecting existing national international law communities with one another while simultaneously linking them to the global network of the International Law Association. It is precisely here that the Kazakhstan Branch may perform a potential regional function.

The Kazakhstan Branch of the ILA should not, however, be regarded as a regional organisation. By its institutional nature, it is a national branch of the International Law Association. Its existence nevertheless creates an opportunity for it to perform a broader connecting function, particularly at a stage when corresponding national ILA branches have not yet been established in other Central Asian States. In this capacity, the Kazakhstan Branch could serve as a connecting link between the ILA and international law communities in other Central Asian States. Such a function would not entail representing the interests of specialists from other States or exercising any formal mandate of regional leadership. Rather, it could consist in providing specialists from Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan with access to ILA events, research initiatives, and professional networks, while at the same time facilitating the representation of Central Asian issues within the activities of the international association.

This function may be particularly important until national ILA branches are established in other States of the region. Should such branches emerge in the future, the role of the Kazakhstan Branch could gradually evolve from that of an initial connecting link into that of one participant in a broader network of national ILA branches across Central Asia. Such a phased model appears to be the most institutionally realistic. It does not require the Kazakhstan Branch to be assigned a regional status that it does not formally possess, while at the same time allowing its existence to be used to foster regional connections.

In practical terms, this function could be pursued through the proposed Central Asian Outreach Programme. At the initial stage, its principal objective could be to establish an open platform for specialists from other Central Asian States to participate in the activities of the Kazakhstan Branch and, through it, in the broader professional community of the ILA. The programme could include regular regional seminars and round tables, joint research workshops, events for early-career researchers, invitations to academics and practitioners from other Central

[14] Tashkent State University of Law, 'The Central Asian Round of the Philip C. Jessup International Law Moot Court Competition has begun' (Tashkent State University of Law, 2026) https://tsul.uz/en/news/567/Study/The-Central-Asian-Round-of-the-Philip-C.-Jessup-International-Law-Moot-Court-Competition-has-begun accessed 8 September 2026

[15] Tashkent State University of Law, 'The Central Asian Jessup Moot Summer School concluded' (Tashkent State University of Law, 2026) https://www.tsul.uz/en/news/1203/Study/The-Central-Asian-Jessup-Moot-Summer-School-concluded accessed 8 September 2026

Asian States to participate in the Branch's research projects, and joint publication initiatives. Particular importance should be attached to activities that not only address international law in Central Asia, but also facilitate comparative examination of the national practice of the States of the region.

V. Challenges and Risks

The principal challenge for the Kazakhstan Branch of the ILA lies in ensuring its long-term institutional sustainability beyond the initial stage of its establishment. The formation of governing bodies, recruitment of members, and launch of initial projects do not, in themselves, guarantee sustained activity, particularly where participation is voluntary in nature. Sustainability requires a transition from founder-dependent activity to sustainable organisational procedures (Block, S. R., & Rosenberg, S., 2002), under which research groups, professional discussions, international connections, and the recruitment of new members continue independently of individual leaders. Accordingly, sustainability should be measured not merely by the formal survival of the Branch, but by its capacity to maintain continuous research, professional dialogue, and networks that enable it to perform its function as a bridge between scholarship and practice.

The second challenge lies in transforming formal membership into a genuinely active professional community. An increase in the number of members does not, in itself, demonstrate institutional strength if substantive activities remain concentrated among a small number of founders and office-holders. The research demonstrates that voluntary professional networks are most effective when they prioritize sustained integration through regular opportunities for contribution, such as working groups and mentoring, rather than focusing primarily on recruitment (Hager, M. A., & Brudney, J. L., 2014). The experience of ILA committees demonstrates that the significance of membership is determined above all by active participation in research, discussions, the preparation of documents, and professional projects [16]. The development of the Kazakhstan Branch should therefore be accompanied by the creation of regular opportunities for members to participate in working groups, research projects, publications, mentoring, and international events, as well as by efforts to broaden the circle of active participants beyond the initial membership.

The third challenge concerns the need to preserve academic independence while maintaining close engagement with governmental authorities and practising lawyers. The participation of public officials and experts affiliated with governmental institutions constitutes an important advantage, as it provides access to State practice and enables scholarly research to be connected with the State's practical needs. Excessive institutional influence, however, may constrain the scope for critical academic analysis and create the perception that the Branch's positions reflect the interests of particular governmental institutions. Conversely, excessive distancing from governmental structures would deprive the Branch of access to valuable practical experience. The optimal model is therefore one of 'structured independence' – a model structurally akin to the operation of the Sanremo Institute [17] or forums working under the Chatham House Rule [18]. Under this setup, governmental and practising participants should be able to engage fully in research and professional dialogue, but should not determine the final conclusions, since, as Helfer's concept of 'constrained independence' suggests, the value and authority of expert legal bodies depend in part on maintaining sufficient autonomy from the State institutions whose interests they may be called upon to advise (Helfer, L. R., 2006).

The fourth challenge lies in maintaining a balance between the academic and practical dimensions of the Branch's activities. If its work consists predominantly of conferences, academic presentations, and publications, the Branch risks becoming an ordinary academic society; if, by contrast, it is oriented primarily towards governmental consultations and the resolution of immediate practical issues, it may evolve into an expert advisory body and lose its independent and long-term

[16] International Law Association, 'ILA Committees' https://www.ila-hq.org/en_GB/committees accessed 8 September 2026
[17] International Institute of Humanitarian Law, 'Governance' https://iihl.org/governance/ accessed 8 September 2026
[18] Royal Institute of International Affairs, 'Chatham House Rule' https://www.chathamhouse.org/about-us/chatham-house-rule accessed 8 September 2026.

scholarly perspective. The differences between academics and practitioners—in their objectives, time horizons, and understanding of useful knowledge—should not be eliminated, since it is precisely their interaction that can generate additional value. The Branch should therefore employ a range of working formats, including academic events, practice-oriented seminars, expert discussions, and joint research projects. Its particular advantage lies in its intermediate institutional position, which enables scholarship and practice to be connected rather than substituted for one another. This dual approach directly aligns with established international models [19], which structurally treats the differing time horizons of jurists and scholars as a generative asset, and conforms to the sociological framework of 'boundary organizations' – which maintain systemic authority precisely by straddling, rather than merging, the academic and state domains (Guston, D. H., 2001).

Taken together, these challenges do not call into question the potential of the Kazakhstan Branch of the ILA to serve as an institutional bridge between international legal scholarship and practice. Rather, they identify the conditions necessary for this potential to be realised. The principal risk lies in formalism – the assumption that the mere existence of an organisation, the presence of members, the holding of events, and affiliation with an international association will automatically ensure its effectiveness. In institutional sociology, this dynamic is recognized as 'ceremonial compliance', where formal structures are decoupled from actual practice (Meyer, J. W., & Rowan, B., 1977). In reality, the sustainability of the Branch will require a transition from dependence on the founding generation to institutionalised practices... Ultimately, as demonstrated by research on professional associations (Greenwood, R., Suddaby, R., & Hinings, C. R., 2002), the success of the Branch must be assessed by its capacity to serve as a genuine 'knowledge broker' – constructing sustainable institutional channels through which legal knowledge moves dynamically between scholarship, practice, and the global community.

Conclusion

The establishment in 2026 of the Kazakhstan Branch of the ILA should be regarded not simply as a further expansion of the Association's global network of national branches, but as an opportunity to develop a new institutional mechanism for strengthening the international law community in Kazakhstan. The analysis undertaken in this article demonstrates that Kazakhstan does not lack specialists, academic programmes, or institutional expertise in the field of international law. On the contrary, significant capacity already exists within universities, governmental authorities, research centres, and the professional community. What remains considerably less developed, however, is the sustainable institutional interaction among these communities. It is precisely this gap between the production of international legal knowledge, its practical application, and its subsequent scholarly development that creates space for the activities of the Kazakhstan Branch.

In this respect, the experience of the ILA is of particular significance. Throughout its history, the Association has functioned not only as an organisation bringing together specialists in international law, but also as a forum for the collective development of international legal thought. The experience of the ILA demonstrates that professional associations can perform an autonomous institutional function by facilitating a two-way movement between theory and practice: legal practice identifies new problems and questions for scholarly inquiry, while the academic community provides practice with conceptual, comparative, and analytical tools through which those problems can be understood.

The fulfilment of this function, however, is not an automatic consequence of the establishment of the Branch itself. It will require institutional consolidation and the maintenance of a balance between academic independence and practical engagement. The Kazakhstan Branch must remain sufficiently independent to ensure open, critical, and academically grounded discussion, while at the same time maintaining sufficiently close links with governmental and professional institutions for its activities to respond to the actual needs of international legal practice. This constitutes its principal

[19] Société française pour le droit international, 'Structure de l'association' https://www.sfdi.org/structure-de-lassociation/ accessed 8 September 2026

institutional niche. The Branch should become neither an academic society operating predominantly within the university environment nor a quasi-governmental expert body. Its value lies precisely in its ability to connect these spaces without replacing either of them.

Ultimately, the principal outcome of the establishment of the Kazakhstan Branch should not be an increase in the number of institutions concerned with international law, but the creation of connections among institutions and professional communities that already exist. Its long-term significance will depend on its ability to transform fragmented academic and practical capacity into a sustainable community of international legal knowledge. If this objective is successfully pursued, the Kazakhstan Branch may become not merely a national branch of an international professional association, but an institutional bridge between international legal scholarship and practice in Kazakhstan and, in the longer term, one of the connecting points between the international law communities of Central Asia and the global professional network.

References

International Law Association, '82nd Biennial International Law Conference Vienna 2026' (International Law Association, 2026) https://www.ila-hq.org/en/conferences/82nd-biennial-international-law-conference-vienna-2026 accessed 8 September 2026.

International Law Commission, *Report of the International Law Commission on the Work of its Sixty-ninth Session* (1 May–2 June and 3 July–4 August 2017), UN Doc A/72/10, Annex B

International Law Association, 'Branches' <https://www.ila-hq.org/en_GB/branches> accessed 7 September 2026.

Torsten Stein, 'International Law Association (ILA)' in *Max Planck Encyclopedia of Public International Law* (Oxford University Press, article last updated May 2019) https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e951 accessed 7 September 2026

Angelika Kligos and Riley Garrison, 'The International Law Association's Influence on the UN International Law Commission' (ABILA Blog, 20 December 2021) https://www.ila-americanbranch.org/the-international-law-associations-influence-on-the-un-international-law-commission/ accessed 7 September 2026.

International Law Commission, *Report of the International Law Commission: Seventy-First Session (29 April–7 June and 8 July–9 August 2019)*, UN GAOR, 74th sess, Supp No 10, UN Doc A/74/10 (2019) p. 173;

International Law Commission, Identification of customary international law: Ways and means for making the evidence of customary international law more readily available, Memorandum by the Secretariat, 12 January 2018, U.N. Doc. A/CN.4/710, para72 and 73;

Paragraph (5) of the commentary to draft conclusion 14, Official Records of the General Assembly, Seventy-first Session, Supplement No. 10 (A/71/10), para 63.

Abrams, I. (1957). The emergence of the international law societies. *The Review of Politics*, *19*(3), 361-380

Chen, X. (2023). The Institutionalization of International Law at a Crossroads: Pacifists, Jurists, and the Creation of the ILA and the IDI, *AJIL Unbound,* 117 (September 2023), pp. 204-209.

MNU Research School for Public and Private International Law, https://mnu.kz/en/scientific-school/the-research-school-for-public-and-private-international-law/

Central Asia Yearbook on International Law, https://brill.com/display/title/76386?srsltid=AfmBOoqYyxdnSrStitf-GjQM6UwZo8vBk7KgcaaHEUwXQoeIdj6QPJMV

Eurasian Journal of International Law, https://eajil.enu.kz/index.php/main/index

Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. International Relations and International Law Series, https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/ru

Advisory Committee on Public International Law (CAVV), 'About the CAVV' https://www.adviescommissievolkenrecht.nl/english accessed 8 September 2026

US Department of State, 'Notice of Renewal of the Advisory Committee on International Law Charter; Notice of Meeting' (2024) 89 *Federal Register* 36840 https://www.federalregister.gov/documents/2024/05/03/2024-09610/notice-of-renewal-of-the-advisory-committee-on-international-law-charter-notice-of-meeting accessed 8 September 2026.

Kazakhstan Association of International Law, 'About the Association' https://kazasintlaw.vercel.app/en/about accessed 8 September 2026.

Vestnik Kazakhstanskoy Assotsiatsii mezhdunarodnogo prava (2020) no 3 (51) https://www.academia.edu/47705554/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%90%D1%81%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0 accessed 8 September 2026

International Law Association, 'Kazakhstan' https://www.ila-hq.org/en/branches/kazakhstan accessed 8 September 2026.

Sergey Sayapin, *A Central Asian Perspective on International Law* (Hart Publishing, 2026), https://www.bloomsbury.com/uk/central-asian-perspective-on-international-law-9781509935505/

Dana Tugambekova, 'Joint Educational Programs as a Strategic Mechanism for the Development of Modern Legal Education: The Experience of Tashkent State University of Law and Maqsut Narikbayev University' (Tabigat.kz, 12 May 2026) https://infotabigat.kz/en/6778 accessed 8 September 2026.

Tashkent State University of Law, 'The Central Asian Round of the Philip C. Jessup International Law Moot Court Competition has begun' (Tashkent State University of Law, 2026) https://tsul.uz/en/news/567/Study/The-Central-Asian-Round-of-the-Philip-C.-Jessup-International-Law-Moot-Court-Competition-has-begun accessed 8 September 2026.

Tashkent State University of Law, 'The Central Asian Jessup Moot Summer School concluded' (Tashkent State University of Law, 2026) https://www.tsul.uz/en/news/1203/Study/The-Central-Asian-Jessup-Moot-Summer-School-concluded accessed 8 September 2026.

Block, S. R., & Rosenberg, S. (2002). "Toward an Understanding of Founder's Syndrome." *Nonprofit Management and Leadership*, 12(4), 353-368

Hager, M. A., & Brudney, J. L. (2014). *"Problems Recruiting and Retaining Volunteers: Economic vs. Sociological Perspectives."* Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, 43(2), 112-130.

International Law Association, 'ILA Committees' https://www.ila-hq.org/en_GB/committees accessed 8 September 2026.

International Institute of Humanitarian Law, 'Governance' https://iihl.org/governance/ accessed 8 September 2026.

Royal Institute of International Affairs, 'Chatham House Rule' https://www.chathamhouse.org/about-us/chatham-house-rule accessed 8 September 2026.

Helfer, L. R. (2006). Why states create international tribunals: A theory of constrained independence. *International conflict resolution*, *23*, 253.

Société française pour le droit international, 'Structure de l'association' https://www.sfdi.org/structure-de-lassociation/ accessed 8 September 2026.

Guston, D. H. (2001). "Boundary Organizations in Environmental Policy and Science." *Science, Technology, & Human Values*, 26(4), 399-408.

Meyer, J. W., & Rowan, B. (1977). "Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony." *American Journal of Sociology*, 83(2), 340-363.

Greenwood, R., Suddaby, R., & Hinings, C. R. (2002). "Theorizing Change: The Role of Professional Associations in the Transformation of Institutionalized Fields." *Academy of Management Journal*, 45(1), 58-80.

Authors' contributions

The article was co-authored by Kazakh scholars.

1) Abay Abylaiuly analyzed the International Law Association as a forum for scholarship and practice, and Central Asian dimension.

2) Roza Akshalova analyzed international law scholarship and practice in Kazakhstan.

3) Sauryk Abirbek analyzed the establishment of the Kazakhstan Branch of the ILA, and challenges and risks.

Түсті: 11.09.2026 Мақұлданды: 29.09.2026 Онлайн қолжетімді: 30.09.2026

МРНТИ 10.87.17
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-56-65

Қазақстан Республикасындағы халықаралық шарттардың мәртебесі: ретроспектива және қазіргі кезең

Алмасұлы Арлан
Заң ғылымдарының магистрі, PhD дәрежесін ізденуші
Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының жетекші ғылыми қызметкері
Астана, Қазақстан
e-mail: almassuly.arlan@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0230-2657

Түйіндеме: Мақалада Қазақстан Республикасының құқық жүйесіндегі халықаралық шарттардың мәртебесі, оның конституциялық реттелуінің тәуелсіздік кезеңі бойындағы эволюциясы қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі 2026 жылғы Конституцияда халықаралық шарттардың заңдардан басымдығы туралы норманың алынып тасталуымен айқындалады, себебі бұл өзгеріс оның шынайы себептері мен салдары туралы түрлі пікірлер туғызды. Зерттеудің мақсаты – аталған өзгерістің түбегейлі сипатта екенін, әлде бұрынғы тәсілді сақтап отырғанын анықтау. Осы мақсатта формальды-құқықтық әдістер қолданыла отырып, 1993, 1995 және 2026 жылғы конституциялардың мәтіндері, Конституциялық Кеңестің нормативтік қаулылары және шетелдік тәжірибе салыстырмалы түрде талданды. Жүргізілген талдау халықаралық шарттардың мәртебесі тиісті норманың сырттай тұрақтылығына қарамастан дәйекті түрде өзгеріп отырғанын көрсетеді: реттеу тікелей конституциялық бекіту деңгейінен біртіндеп заңнама деңгейіне ойысқан. Автор 2026 жылғы өзгерісті басымдықтан бас тарту емес, оны бекітуді заң деңгейіне көшіру ретінде бағалайды. Сонымен қатар мұндай өзгеріс бейтарап емес: басымдық кепілдігінің нормативтік қорғалу деңгейі төмендейді, бұл кейінгі зерттеудің дербес нысанын құрайды.

Негізгі сөздер: халықаралық шарттар, шарттардың басымдығы, Қазақстан Республикасының Конституциясы, конституциялық реформа, ратификация, халықаралық және ұлттық құқық.

Статус международных договоров в Республике Казахстан: ретроспектива и современность

Алмасұлы Арлан
Магистр юридических наук, соискатель степени PhD
Ведущий научный сотрудник отдела международного права и сравнительного правоведения Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан
Астана, Республика Казахстан
e-mail: almassuly.arlan@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0230-2657

Аннотация: В статье рассматривается статус международных договоров в правовой системе Республики Казахстан и эволюция его конституционного регулирования на протяжении всего периода независимости. Актуальность исследования определяется исключением из Конституции 2026 года нормы о приоритете международных договоров над законами, поскольку данное изменение породило различные мнения о его действительных

причинах и последствиях. Цель исследования – установить, носит ли указанное изменение принципиальный характер или сохраняет прежний подход. Для этого с применением формально-правового метода сравнительно проанализированы тексты конституций 1993, 1995 и 2026 годов, нормативные постановления Конституционного Совета, а также зарубежный опыт. Проведенный анализ показывает, что статус международных договоров, несмотря на внешнюю стабильность соответствующей нормы, последовательно изменялся: регулирование постепенно смещалось с уровня прямого конституционного закрепления на уровень законодательства. Автор оценивает изменение 2026 года не как отказ от приоритета, а как перенос его закрепления на уровень закона. Вместе с тем такое изменение не является нейтральным: уровень нормативной защищенности гарантии приоритета снижается, что составляет самостоятельный предмет для последующего исследования.

Ключевые слова: международные договоры, приоритет договоров, Конституция Республики Казахстан, конституционная реформа, ратификация, международное и национальное право.

The Status of International Treaties in the Republic of Kazakhstan: Retrospective and Present Stage

Almassuly Arlan
Master of Laws, PhD candidate
Leading Research Fellow at the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
e-mail: almassuly.arlan@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0230-2657

Abstract: The article considers the status of international treaties in the legal system of the Republic of Kazakhstan and the evolution of its constitutional regulation throughout the entire period of independence. The relevance of the study stems from the removal, in the 2026 Constitution, of the provision on the priority of international treaties over laws, since this change has given rise to differing opinions regarding its actual causes and consequences. The aim of the study is to determine whether this change is of a fundamental nature or preserves the previous approach. To this end, applying the formal-legal method, the texts of the 1993, 1995, and 2026 constitutions, the normative resolutions of the Constitutional Council, and foreign experience are analysed comparatively. The analysis shows that the status of international treaties, despite the outward stability of the relevant provision, has changed consistently: its regulation has gradually shifted from the level of direct constitutional entrenchment to the level of legislation. The author assesses the 2026 change not as an abandonment of priority, but as a transfer of its entrenchment to the level of law. At the same time, such a change is not neutral: the level of normative protection of the priority guarantee decreases, which constitutes a separate subject for further research.

Keywords: international treaties, priority of treaties, Constitution of the Republic of Kazakhstan, constitutional reform, ratification, international and national law.

Кіріспе

2026 жылы қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясы жаңа нормаларды енгізіп, бұрын қолданыста болғандарын қайта қарап, құқықтық болмысты түбегейлі түрде өзгертті.

Елеулі өзгеріске құқық жүйесіндегі халықаралық шарттардың мәртебесі туралы норма да ұшырады. Оны айқындаған 4-бап (қазіргі – 5-бап) халықаралық шарттардың заңдардан басым тұратынын тікелей бекітетін; бұл ереже 1995 жылдан бері өзгеріссіз қалып келген еді.

Ал енді бұл нұсқама жай ғана өзгертілген жоқ – ол Конституция мәтінінен түгелдей алынып тасталды.

Халықаралық шарттардың басымдығын тікелей айқындамау бұрын-соңды конституциялық практикада болмаған. Нәтижесінде қабылданған шешім күтілгендей әртүрлі пікір туғызды – тіпті оның заңдарды халықаралық шарттардан басым ету мақсатында қабылданды деген болжамдар да айтыла бастады. Осыған байланысты өзгерістің шынайы себебін, сондай-ақ халықаралық шарттардың құқық жүйесіндегі мәртебесінің енді қалай айқындалатынын анықтауға қатысты сұрақтардың өзектілігі артып отыр.

Бұл мақалада аталған сұрақтарға жауап табу мақсатында Қазақстан Республикасының конституциялық дамуы барысындағы халықаралық шарттардың мәртебесіне қатысты барлық өзгеріске назар аударылады. Себебі өзгерістің түбегейлі сипатта екенін, әлде едәуір дәрежеде бұрынғы тәсілді сақтап қалғанын тек ретроспективті талдау – әр кезеңді өзара салыстыру – арқылы ғана анықтауға болады.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің материалдары ретінде Қазақстан Республикасының үш конституциясының мәтіндері – 1993, 1995 және 2026 жылғы конституциялар, соның ішінде 4-бапқа қатысты өзгерістер енгізілген 1995 жылғы Конституцияның редакциялары; Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің Конституцияның 4-бабына қатысты нормативтік қаулылары, соның ішінде 2000 жылғы 11 қазандағы № 18/2, 2006 жылғы 18 мамырдағы № 2 және 2009 жылғы 5 қарашадағы № 6 қаулылар; 2005 жылғы 30 мамырдағы «Қазақстан Республикасының халықаралық шарттары туралы» Қазақстан Республикасының Заңы; сондай-ақ халықаралық және ұлттық құқықтың арақатынасы мәселелері бойынша доктриналық дереккөздер мен ғылыми түсіндірмелер алынды.

Зерттеудің әдіснамалық негізін жалпы ғылыми және арнайы-құқықтық әдістердің кешені құрады. Формальды-құқықтық әдіс конституциялық нормалардың мазмұнын талдау және олардың тұжырымдарындағы өзгерістерді анықтау үшін қолданылды. Тарихи-құқықтық әдіс тәуелсіздік кезеңі бойында халықаралық шарттардың мәртебесін бекітудің эволюциясын қадағалауға және тиісті өзгерістердің бағытын анықтауға мүмкіндік берді.

Мақаланы дайындау барысында мәтінді өңдеу үшін жасанды интеллект құралдары пайдаланылды. Мазмұны, дәйектемесі, құрылымы мен тұжырымдары ғылыми мақала авторына тиесілі.

Нәтижелер мен талқылау

Бүгінгі таңда Қазақстан Республикасының тәуелсіздік кезеңіндегі тарихына үш Конституция белгілі: 1993 жылғы, кейіннен жеті рет өзгерістер мен толықтырулар енгізілген 1995 жылғы және 2026 жылғы конституциялар.

Әр конституция, 1995 жылғы барлық редакциялар да, белгілі бір аспектілерде мазмұны жағынан бір-бірінен ерекшеленді. Ал халықаралық шарттардың мәртебесі қалай айқындалғанына келсек, prima facie ол салыстырмалы түрде ұқсас болып көрінетін еді. Алайда мұқият қарастырғанда бұл тұжырым толық емес: оны айқындайтын бап өзгерістерге (жаңа ережелерге) бірнеше рет ұшыраған.

Мәртебені айқындайтын норма Конституция мәтінінің өзінде орнын өзгертіп отырды: 1993 жылы ол 3-бапта, 1995 жылдан бастап – 4-бапта, ал 2026 жылғы Конституцияда 5-бапта болды. Бірақ бұдан да маңыздысы – мазмұны жағынан ол елеулі түрде үш рет өзгеріске ұшырады.

Тәуелсіз Қазақстанның 1993 жылғы алғашқы Конституциясы 3-бапта «адамның және азаматтың құқығы мен бостандығы туралы Қазақстан Республикасы таныған халықаралық-құқылық құжаттар Республика аумағында оның заңдарынан басым» болатынын бекітті.

Осы кезеңде байқалатындай, басымдық халықаралық шарттардың өзіне емес, нысаны жағынан халықаралық-құқықтық құжаттарға, оның ішінде нақ адамның құқықтары мен бостандықтарына қатыстыларына берілді. Осылайша критерий ретінде нысан да – атап

айтқанда құжаттың өзі – және оның мазмұны да – адам құқықтарымен байланысы – қатар алынды.

Қазақстан тәуелсіздігін жариялаған сәттен бастап адам құқықтарын құрметтеуді мемлекет дамуының негізгі ұстанымдарының бірі ретінде айқындады (Шенгельбаев, 2022). Бұл тәуелсіздіктің басына тән бағыт болатын: осы кезеңде адам құқықтарын жоғары құндылық ретінде тану, оны халықаралық құқық құралдарымен қамтамасыз ету кеңінен орын алды.

1995 жылғы Конституция өзгеше ереже бекітті: 4-баптың 3-тармағына сәйкес, Республика бекіткен халықаралық шарттар Республика заңдарынан басым тұратын болды.

Осылайша басымдық критерийі өзгерді: егер бұрын ол құжаттың мазмұны (оның адам құқықтарымен байланысы) мен халықаралық-құқықтық құжаттар нысанының жиынтығымен айқындалса, енді формальды белгілер – келісім білдіру тәсілі (ратификация) мен халықаралық шарт нысаны – көзделді.

Аталған өзгерісті халықаралық құжаттардың ішкі құқық жүйесіндегі рөлін неғұрлым кеңірек тану ретінде қарастыруға болады, өйткені басымдық енді шарттың пәніне (оның адам құқықтарымен байланысына) қарамастан барлық халықаралық шарттарға қолданыла бастады. Сонымен қатар оны керісінше, тарылу ретінде де бағалауға болады: бұл жолы себеп болып тұрғаны – осыған дейін басымдық нысаны жағынан барлық халықаралық-құқықтық құжаттарды қамтыса, енді тек шарттармен ғана шектелді.

Бір шетінен, осындай өзгеріс күтілген жайт еді. Егер халықаралық актілердің бәріне түгелдей басымдық танылса, олардың барлығы заңдардан жоғары тұрар, ал бұл мемлекеттің ұлттық реттеу саласындағы егемендік қалауын маңызды құжаттармен қатар саясі-бағдарламалық сипаттағы халықаралық актілерді де ескеру қажеттілігімен ұдайы шектеліп отырар еді.

Екінші шетінен, 1993 жылғы редакциядағы басымдық барлық құжаттарға емес, тек адамның құқықтары мен бостандықтарына қатысты актілерге ғана қолданылатын. Сондықтан аталмыш ереже мемлекеттің егемен шешімдеріне мәні бойынша қол сұқпайтын: конституцияға сәйкес адам, оның құқықтары мен бостандықтары жоғары құндылық ретінде танылғандықтан, мұндай норма керісінше сол құндылықты нығайта түсетін.

Дегенмен 1995 жылғы Конституцияға көшумен халықаралық құжаттар, оның ішінде адам құқықтарына қатыстылары да, тек қолданыстағы құқық құрамындағы орнын сақтап (4-баптың 1-тармағы), басымдығынан іс жүзінде айырылды; басымдық енді тек халықаралық шарттарға ғана тиесілі болды. Мұны Конституциялық Кеңестің практикасы да растайды: 2009 жылғы 5 қарашадағы № 6 нормативтік қаулысында Кеңес халықаралық ұйымдардың және олардың органдарының шешімдерін халықаралық шарттарға теңестіруге болмайтынын, сол себепті олардың басымдыққа ие емес екенін айқындады. Осылайша, бұдан былай халықаралық шарт болып табылмайтын актіге басымдық көзделмейтін.

Сонымен қатар, атап өтерлігі, конституцияда басымдық келісім білдіру тәсіліне байланысты болғандықтан, ол бүкіл халықаралық шарттарға емес, тек ратификацияланғандарға қатысты болды. Бұл болса халықаралық шарттардың ішкі құқық жүйесіндегі рөліне қатысты бірқатар өзіндік сұрақтар туғызды.

Ең басты сұрақ Халықаралық шарттардың құқығы туралы Вена конвенциясының мәтініне қатысты болды. Конвенцияға сәйкес мемлекеттің шарттың міндеттілігіне келісімі бірнеше тәсілмен білдіріледі, әрі олар кейбір жағдайларда тең мәнді деп қаралады. Ал Конституция тек ратификацияланған шарттарды ғана көрсеткендіктен, міндеттілігі өзге тәсілмен білдірілген шарттарды формальды түрде басымдық шегінен тыс қалдырды.

Нәтижесінде толық анық болмаған бұл ереже ақыр соңында қосымша ресми түсіндіруді талап етті. Мәселен, Конституциялық Кеңес 2006 жылғы 18 мамырдағы № 2 қаулысында халықаралық шарттарды ратификациялау туралы актілер мен халықаралық шарттарға қосылу туралы актілердің заңдық күші мен құқықтық салдары жағынан тең мәнді екенін белгіледі.

Осылайша қосылу арқылы қабылданған шарттар ратификацияланғандарға теңестіріліп, айқындыққа ие болды, алайда келісім білдірудің өзге тәсілдеріне қатысты сұрақтар ашық күйінде қалды.

Бұл аспект басқа мемлекеттерде шешілу жолын тапқан. Мысалы, Франция Конституциясының 55-бабына сәйкес тиісті түрде ратификацияланған немесе мақұлданған халықаралық шарттар жарияланған сәттен бастап заңдардан жоғары күшке ие болады. Мұнда «мақұлданған» деген белгілеу келісім білдірудің өзге нысандарын да қамтиды.

Өзгеше тәсіл – халықаралық шарттардың басымдығы Ресей Федерациясының Конституциясында белгіленеді, онда келісім білдіру нысаны мүлдем көрсетілмейді, тек халықаралық шарттардың басым тұратыны тікелей көрсетіледі.

Тағы бір өзгеше мысал ретінде Нидерланд Конституциясын келтіруге болады. Оның 94-бабында Корольдік аумағында қолданыстағы заңнамалық ережелер, оның ішінде Парламент актілері де, барша тұлғаға міндетті халықаралық шарттардың ережелерімен қайшы келсе, қолданылмайтыны айтылады.

Қазақстан Республикасы ол кезде осындай халықаралық тәжірибе бола тұра, туындаған сұрақты шешу үшін бапқа өзгеріс енгізуді жөн көрмеді.

Келесі өзгеріс 2017 жылы болды. 4-баптың 3-тармағында ратификацияланған шарттардың заңдардан басым тұратыны туралы ереже сақтала отырып, оған халықаралық шарттардың Республика аумағында қолданылу тәртібі енді заңнамамен айқындалатыны туралы нұсқау енгізілді.

Осылайша конституциялық норма халықаралық шарттардың қолданылу мәселесін алғаш рет ұлттық заңнамаға тікелей сілтеді. Бұл халықаралық міндеттемелердің құқық жүйесі ішінде қолданылуын ретке келтіруге деген ұмтылысты көрсетті.

Сонымен қатар заңнамаға сілтеменің пайда болуы заңды түрде сұрақтар туғызды, оның ішінде халықаралық шарттардың басымдығына қатысты пайымдар да білдірілді. Алайда басымдық туралы ереже Конституция мәтінінде толық көлемінде сақталғандықтан, оның толықтай жойылуы туралы пайымның негізі аз еді. Өзгеріс халықаралық міндеттемелерді жүзеге асыру тетігін нақтылады, бірақ олардың басымдық қағидатының өзіне қол тигізген жоқ.

Бұл қисынды, өйткені заңнамаға сілтемені заңдардың халықаралық шарттардан басым тұруын орнату деп ұғатын болсақ, мұндай түсінік ішкі қайшылыққа толы болар еді. Конституция шарттардың басымдығын тікелей бекіткен; сол норманың өзі бір мезгілде оларды заңдарға бағындырады деп болжау логикалық негізсіз. Бұл 2026 жылғы өзгерістерді бағалау үшін де түбегейлі маңызды.

2026 жылғы Конституция 5-бапта халықаралық шарттардың басымдығы туралы ережені алып тастады, бұл ретте олардың қолданылу тәртібін заңдар айқындайтыны туралы сілтемелік тұжырымдаманы сақтап қалды.

Ертеректегі редакцияларды ескермей, бұл ережені шын мәнінде белгілі бір дәрежеде заңдардың халықаралық шарттардан басым тұратынын растайтын дәлел ретінде оқуға болар еді. Алайда мұндай пайым, бұрын атап өтілгендей, дәйексіз: егер сілтемелік формуланың өзі осындай тұжырымға әкелетін болса, ол 2017 жылдан бастап та қолданылар еді – ал бұл мүмкін емес болатын.

Жүргізілген талдау халықаралық шарттардың мәртебесі дамуының бей-берекет болмағанын көрсетеді. Керісінше, ол дәйекті сипатқа ие болды: адам құқықтары туралы актілердің басымдығынан – халықаралық шарттардың басымдығына қарай (актілерді қолданыстағы құқық ретінде қалдыра отырып), кейін оның шектерін конституциялық түсіндіру арқылы нақтылауға, содан соң заңнамаға сілтеменің пайда болуына (халықаралық шарттарға да қатысты) және, ақыр соңында, сілтемені сақтай отырып, басымдық туралы норманы Конституция мәтінінен алып тастауға дейін.

Осы өзгерістердің жалпы бағыты – халықаралық актілер мен шарттардың мәртебесін біртіндеп нақтылау және оны реттеуге деген ұмтылыс, ал бұл ұмтылыс мәселені тікелей

конституциялық бекіту деңгейінен заңнама деңгейіне көшіру арқылы жүзеге асты. 2026 жылғы өзгеріс осы желіні аяқтайды: халықаралық шарттардың қолданылу мәселесі толығымен заң аясына жатқызылды.

Осылайша, қолданыстағы реттеу іс жүзінде халықаралық шарттардың басымдығынан тікелей бас тартуды емес, оны бекітуді заң деңгейіне көшіруді білдіреді. Бұл бүгінде іс жүзінде расталады: халықаралық шарттар туралы заң осы мәселені реттейтін бейінді акт болып табылады әрі ол халықаралық шарттардың басымдығын тікелей көрсетеді.

Мұндай түсінік жаңа әдебиетте де қолдау табады. А. Данельян мен К. Канцеровтың пайымдауынша, халықаралық шарттардың заңдардан басымдығы туралы ережені алып тастау ратификацияланған келісімдер үшін қатер туғызбайды, себебі заңда басымдық әлі де сақталған (Данельян, Канцеров, 2026).

Сонымен бірге реттеуді заңнама деңгейіне көшіру толықтай бейтарап емес: бұрын басымдық кепілдігі тікелей Конституцияда бекітілгендіктен жоғары еді. Енді ол заңмен қамтамасыз етілгендіктен, басымдық оңайлатылған тәртіппен өзгертілуі мүмкін. Осылайша басымдық сақталғанымен, мәні бойынша оның нормативтік қорғалу деңгейі төмендеді.

Атап айтқанда, А. Абылайұлы ратификацияланған шарттардың басымдығының конституциялық тұрғыда бекітілмеуін тәуекел факторы ретінде қарастырады: басымдықтың тек арнайы заң деңгейінде ғана сақталуы («Халықаралық шарттар туралы» Заңның 20-1-бабы) оны кейіннен кәдімгі заңнамалық тәртіппен қайта қарауға жол береді, бұл халықаралық міндеттемелерді адал орындауға әсер етуі мүмкін деген (Abylaiuly, 2026).

Профессор А. Абашидзе халықаралық шарттардың мәртебесін конституциялық тұрғыда бекіту халықаралық шарттар құқығының іргелі қағидатынан – pacta sunt servanda қағидатынан – туындайтынын атап өтті. Бұл қағидатсыз болса «халықаралық құқықтың да, халықаралық ынтымақтастықтың да болуы мүмкін емес» деп қарастырған (Абашидзе, 2012).

Аталған байланысты қарастырғанда, мәселенің екі қырын ажырату қажет. Бір шетінен, Халықаралық шарттардың құқығы туралы Вена конвенциясы pacta sunt servanda қағидатын тікелей бекітеді: күшіне енген әрбір шарт оның қатысушылары үшін міндетті және олар оны адал орындауға тиіс, ал қатысушы шартты орындамауын ақтау үшін өзінің ішкі құқығының ережелеріне сілтеме жасай алмайды.

Екінші шетінен, Конвенция шарттарды мемлекет ішінде орындаудың тәртібін айқындамайды. Бұған Конституциялық Кеңес 2000 жылғы 11 қазандағы № 18/2 нормативтік қаулысында-ақ назар аударып, шарттарды орындау тәртібі мемлекеттердің конституциялық және заңнамалық құзырына жататынын әрі бұл мемлекеттердің егемендік теңдігі қағидатынан туындайтынын көрсеткен болатын.

Осылайша халықаралық құқық басымдықтың ішкі құқық жүйесінде қай деңгейде бекітілуін талап етпейді – ол тек нәтижені, яғни міндеттемелердің адал орындалуын талап етеді.

Осыдан 2026 жылғы өзгерістің ауқымы да айқындалады: ол тек ішкі деңгейді қозғайды, ал Қазақстанның халықаралық міндеттемелері мен олар үшін жауапкершілігі бұрынғы күйінде қалады. БҰҰ Бас Ассамблеясының 2001 жылғы 12 желтоқсандағы 56/83 қарарына қоса берілген Халықаралық-құқыққа қайшы әрекеттер үшін мемлекеттердің жауапкершілігі туралы баптарға сәйкес мемлекет әрекетін халықаралық-құқыққа қайшы деп сипаттау халықаралық құқықпен айқындалады және мұндай сипаттауға сол әрекеттің ішкі құқық бойынша заңды деп танылуы әсер етпейді, ал жауапты мемлекет өз міндеттерін орындамауын ақтау үшін ішкі құқығына сүйене алмайды.

Бұл тұрғыдан алғанда басымдық туралы конституциялық норма екі деңгейді үйлестіретін ішкі «көпір», тіпті «сақтандырғыш» қызметін атқарды. Конституциялық Кеңес оны жоғарыда аталған қаулыда коллизия туындаған жағдайларда ратификацияланған шарт нормаларының жағдаяттық артықшылығы ретінде түсіндірген еді, яғни басымдық шарт пен заңның жалпы иерархиясын емес, нақты қайшылықты шешу ережесін білдірді.

Мұндай ереже конституциялық деңгейде болмаған жағдайда сот шартқа қайшы келетін кейінірек қабылданған заңды қолданып, ішкі құқық тұрғысынан заңды, бірақ халықаралық құқық тұрғысынан мемлекеттің жауапкершілігін туғызатын шешім шығаруы ықтимал.

Бұл қатердің нақты тетігі қолданыстағы нормативтік иерархиядан көрінеді. «Құқықтық актілер туралы» 2016 жылғы 6 сәуірдегі Заңның 10-бабына сәйкес кодекстер заңдардан жоғары деңгейде тұрады, ал 12-бабы әртүрлі деңгейдегі актілер қайшы келгенде жоғары деңгейдегі актінің, бір деңгейдегі актілер қайшы келгенде кейінірек қолданысқа енгізілген актінің нормасы қолданылатынын белгілейді.

Ратификацияланған шарттардың басымдығы бүгінде дәл осы «заң» деңгейінде – «Халықаралық шарттар туралы» Заңның 20-1-бабында және «Құқықтық актілер туралы» Заңның 6-бабының 2-тармағында бекітілген.

Атап айтқанда, 20-1-бап Заңға 2021 жылғы 13 наурыздағы № 18-VII Заңымен 2017 жылғы конституциялық өзгерістерді іске асыру мақсатында енгізілген.

Бұл мақалада сипатталған дәйекті желіні растай түседі: басымдықтың заң деңгейіндегі тірегі 2026 жылға дейін-ақ қалыптасып үлгерген еді. Алайда басымдық туралы ереже кәдімгі заңда ғана болғандықтан, оның өзі де жалпы коллизиялық қағидалардан – кейінгі заңның (lex posterior) және арнайы заңның (lex specialis) басымдығынан – тыс тұрмайды.

Кейінірек қабылданған немесе арнайы заң шартпен тікелей қайшы келген жағдайда құқық қолданушы 20-1-бапты емес, сол заңды басшылыққа алуы мүмкін деген түсіндіру мүмкіндігі пайда болады, ал заңнан жоғары тұратын кодекстерге қатысты бұл мәселе одан да күрделі. Сондықтан Азаматтық кодекстің, Қылмыстық-процестік кодекс сияқты салалық актілердегі ратификацияланған шарттардың басымдығы туралы ережелер өтемдік мәнге ие болады, бірақ олардың тұрақтылығы да заң шығарушының қалауына тәуелді.

Мұндай тәуекелдің тек теориялық емес екенін шетелдік тәжірибе көрсетеді. Германия Негізгі заңына сәйкес халықаралық шарттар ішкі құқықта федералдық заң мәртебесіне ие, ал Германия Федералдық конституциялық соты 2015 жылғы 15 желтоқсандағы 2 BvL 1/12 қаулысында заң шығарушының кейінгі заң арқылы шарттан шегінуіне конституциялық кедергі жоқ екенін, өйткені демократия қағидаты кейінгі заң шығарушыға бұрынғы заң шығарушының актілерін қайта қарауға мүмкіндік беретінін атап өтті.

Сонымен бірге Сот мұндай шегініс мемлекеттің халықаралық міндеттемелерін бұзуы мүмкін екенін жоққа шығарған жоқ. Бұл мысал басымдықтың тек заңмен қамтамасыз етілуі ішкі және халықаралық деңгейлер арасындағы алшақтыққа құқықтық жол ашатынын айқын көрсетеді. Аймақтық тәжірибеде де бірыңғай тәсіл жоқ. Қырғыз Республикасының 2021 жылғы Конституциясы халықаралық шарттарды құқық жүйесінің құрамдас бөлігі деп танып, оларды қолдану тәртібі мен шарттарын заңға сілтейді, яғни Қазақстанның таңдауына жақын үлгіні ұстанады.

Ал Өзбекстан Республикасының 2023 жылғы жаңа редакциядағы Конституциясы, керісінше, халықаралық шартта заңдағыдан өзгеше ережелер белгіленсе, шарттың ережелері қолданылатынын тікелей бекітеді.

Осылайша Қазақстанның шешімі бірегей емес, ол қазіргі конституциялық практикада қатар өмір сүретін тәсілдердің бірі болып табылады.

Сонымен бірге 2026 жылғы Конституция халықаралық құқыққа ашықтықты білдіретін бірқатар кепілдіктерді сақтап қалғанын ескеру қажет. 5-баптың 1-тармағы Қазақстан Республикасының халықаралық шарт міндеттемелерінің нормаларын қолданыстағы құқық құрамына жатқызады, 10-бап Республиканың халықаралық құқықтың қағидаттары мен нормаларын құрметтейтінін бекітеді.

Осы тетіктер шарттардың құқық жүйесіне енуін және олардың Конституциямен үйлесімділігін қамтамасыз етеді, алайда олардың ешқайсысы шарт пен кейінгі заң арасындағы коллизияны шешу ережесін белгілемейді. Яғни ратификацияға дейінгі бақылау шарттың Конституцияға сәйкестігіне кепіл болғанымен, оның кейінгі заңдар алдындағы орнына кепіл бола алмайды.

Жоғарыда баяндалғандар басымдық кепілдігінің функциясы Конституциядан заңдар жүйесі мен құқық қолдану практикасына ауысқанын көрсетеді. Бұдан былай басымдықтың тұрақтылығы ең алдымен заң шығарушының дәйектілігіне – салалық заңдар мен кодекстерді қабылдау және өзгерту кезінде 20-1-баппен үйлесімділікті сақтауына, сондай-ақ соттар мен Конституциялық Соттың практикасына байланысты болады. Бұл ретте кепілдікті күшейтудің ықтимал жолдары ретінде, мысалы, басымдық туралы ережеден шегінуге тек «Халықаралық шарттар туралы» Заңға тікелей өзгеріс енгізу арқылы ғана жол беретін, яғни кейінгі заңмен оның жанама түрде күшін жоюды болдырмайтын ереже, не болмаса бұл ережені жоғары деңгейдегі актіде бекіту қарастырылуы мүмкін. Алайда 2026 жылғы Конституцияға сәйкес конституциялық заңдар тек Конституцияда көзделген мәселелер бойынша қабылданатындықтан (61-баптың 3-тармағы), соңғы жолдың мүмкіндігі жеке талдауды қажет етеді.

Қалай болғанда да, ратификацияланған шарттардың құқық жүйесіндегі нақты жағдайы енді Конституция мәтінімен емес, заңнаманың мазмұнымен және оның қолданылуымен айқындалатыны анық.

Қорытындылай келгенде, реттеуді заң деңгейіне көшірудің өз артықшылықтары бар: ол, бір жағынан, шарттардың қолданылу тетігін – олардың күшіне ену, қолданылу және коллизияларды шешу тәртібін – неғұрлым икемді айқындауға мүмкіндік берсе, екінші жағынан, кемшіліктері де бар – мемлекеттің өз міндеттемелерін шамадан тыс бақылауына жол ашып, теріс пайдалануға әкелуі мүмкін тәуекелдер де туғызады.

Қортынды

Жүргізілген ретроспективті талдау тиісті норманың сырттай тұрақтылығына қарамастан, Қазақстан Республикасының конституциялық құқығындағы халықаралық шарттардың мәртебесі тәуелсіздіктің бүкіл кезеңі бойында дәйекті түрде өзгеріп отырғанын көрсетеді.

Осы өзгерістердің бағыты біртұтас: халықаралық шарттардың мәртебесін реттеу тікелей конституциялық бекіту деңгейінен біртіндеп қолданыстағы заңнама деңгейіне ойысты.

Жоғарыда баяндалғанның негізінде 2026 жылғы Конституция мәтінінен басымдық туралы норманы алып тастауды халықаралық шарттардың басымдығынан бас тарту немесе заңдардың олардан үстемдігін орнату ретінде қарастыруға болмайды. Себебі сақталып қалған сілтемелік тұжырымдаманың өзі мұндай тұжырымды туғызбайды. Ал қолданыстағы заңнамаға сүйенсек, ратификацияланған шарттардың басымдығы әлі де сақталған. Тиісінше, мәні бойынша бұл өзгеріс басымдықтың жойылуын емес, оны бекітуді заңнама деңгейіне көшіруді білдіреді.

Сонымен бірге бұл өзгеріс толықтай бейтарап емес. Бұрын тікелей Конституциямен қамтамасыз етілген басымдық кепілдігі енді әлдеқайда оңай өзгертілетін кәдімгі заңға негізделеді. Соның салдарынан оның нормативтік қорғалу деңгейі төмендейді. Халықаралық шарттардың Республиканың құқық жүйесіндегі бұдан кейінгі жағдайы ең алдымен заңнаманың мазмұнымен айқындалатын болады, бұл өз кезегінде кейінгі зерттеудің дербес нысанын құрайды.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

Қазақстан Республикасының Конституциясы (1993 жылғы 28 қаңтар) // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K930001000_ (қаралған күні: 11.09.2026).

Шенгельбаев Б.Р. Роль и место международного права в правовой системе Казахстана // Вестник Карагандинского университета, Серия «Право». № 3(107), 2022. – С. 7–15. DOI: 10.31489/2022 L3/7-15. URL: https://law-vestnik.buketov.edu.kz/law/article/view/213 (қаралған күні: 11.09.2026).

Қазақстан Республикасының Конституциясы (1995 жылғы 30 тамыз) // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_ (қаралған күні: 11.09.2026).

Қазақстан Республикасы Конституциясының 4-бабының нормаларын халықаралық ұйымдар мен олардың органдарының шешімдерін орындау тәртібіне қатысты қолданыста ресми түсіндіру туралы Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің 2009 жылғы 5 қарашадағы № 6 нормативтік қаулысы // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/S090000006_ (қаралған күні: 11.09.2026).

1969 жылғы Халықаралық шарттардың құқығы туралы Вена конвенциясына Қазақстан Республикасының қосылуы туралы Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің 1993 жылғы 31 наурыздағы қаулысы // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/B930004700_ (қаралған күні: 11.09.2026).

Қазақстан Республикасы Конституциясының 54-бабының 7) тармақшасын ресми түсіндіру туралы Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің 2006 жылғы 18 мамырдағы № 2 қаулысы // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/S060000002_ (қаралған күні: 11.09.2026).

Франция Республикасының Конституциясы (1958 жылғы 4 қазан) // Франция Республикасының ресми құқықтық порталы «Légifrance». URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000571356/ (қаралған күні: 11.09.2026).

Ресей Федерациясының Конституциясы (1993 жылғы 12 желтоқсан) // ТМД елдерінің заңнамасы дерекқоры «СоюзПравоИнформ». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1409 (қаралған күні: 11.09.2026).

Нидерланд Корольдігінің Конституциясы // Нидерланд Корольдігінің Үкіметі (Government of the Netherlands). URL: https://www.government.nl/documents/2019/02/28/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands (қаралған күні: 11.09.2026).

Қазақстан Республикасының Конституциясына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының 2017 жылғы 10 наурыздағы № 51-VI Заңы // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000051 (қаралған күні: 11.09.2026).

Қазақстан Республикасының Конституциясы (2026 жылғы 15 наурыз) // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000000 (қаралған күні: 11.09.2026).

Данельян А.А., Канцеров К.В. Конституционная реформа и международное право в правовой системе Республики Казахстан // Московский журнал международного права. № 2, 2026. – С. 239–250. DOI: 10.24833/0869-0049-2026-2-239-250. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/2991 (қаралған күні: 11.09.2026).

Abylaiuly A. Constitutional Reform and Kazakhstan's International Obligations: a Step Back? // Право и государство. № 1(110), 2026. – С. 43-51. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_1_43. URL: https://km.mnu.kz/ru/archiv/110/4 (қаралған күні: 11.09.2026).

Абашидзе А.Х. Конституции государств о статусе международных договоров (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Юридические науки. № 5, 2012 – С. 60-65. URL: https://mgimo.ru/library/publications/1003124/ (қаралған күні: 11.09.2026).

References

Constitution of the Republic of Kazakhstan (January 28, 1993) // information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K930001000_ (accessed: 11.09.2026).

Shengelbaev B.R. The role and place of international law in the legal system of Kazakhstan // Bulletin of Karaganda University, Series "Law". № 3(107), 2022. – Pp. 7-15. DOI: 10.31489/2022 L3/7-15. URL: https://law-vestnik.buketov.edu.kz/law/article/view/213 (accessed: 09/11/2026).

Constitution of the Republic of Kazakhstan (August 30, 1995) // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_ (accessed: 11.09.2026).

Normative resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated November 5, 2009 No. 6 on the official interpretation of the norms of Article 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in force regarding the procedure for implementing decisions of international organizations and their bodies // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/S090000006_ (accessed: 11.09.2026).

Resolution of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan dated March 31, 1993 on the accession of the Republic of Kazakhstan to the Vienna Convention on the law of international treaties of 1969 // information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/B930004700_ (accessed: 11.09.2026).

Resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated May 18, 2006 No. 2 on the official interpretation of subparagraph 7) of Article 54 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan // information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/S060000002_ (accessed: 11.09.2026).

Constitution of the French Republic (October 4, 1958) // official legal portal of the French Republic "Légifrance". URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000571356 / (accessed: 11.09.2026).

Constitution of the Russian Federation (December 12, 1993) // database of legislation of the CIS countries "Soyuzpravoinform". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1409 (accessed: 11.09.2026).

Constitution of the kingdom of the Netherlands // Government of the Kingdom of the Netherlands. URL: https://www.government.nl/documents/2019/02/28/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands (accessed: 11.09.2026).

Law of the Republic of Kazakhstan dated March 10, 2017 No. 51-VI on amendments and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan // information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000051 (accessed: 11.09.2026).

Constitution of the Republic of Kazakhstan (March 15, 2026) // information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000000 (accessed: 11.09.2026).

Danelyan A.A., Kanzerov K.V. Constitutional reform and international law in the legal system of the Republic of Kazakhstan // Moscow Journal of International Law. No. 2, 2026. – pp. 239-250. DOI: 10.24833/0869-0049-2026-2-239-250. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/2991 (accessed: 09/11/2026).

Abylaiuly A. Constitutional Reform and Kazakhstan's International Obligations: a Step Back? // Law and the State. № 1(110), 2026. – Pp. 43-51. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_1_43. URL: https://km.mnu.kz/ru/archiv/110/4 (accessed: 09/11/2026).

Abashidze A.H. Constitutions of States on the status of international treaties (comparative legal analysis) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Legal Sciences. No. 5, 2012 – pp. 60-65. URL: https://mgimo.ru/library/publications/1003124 / (accessed: 09/11/2026).

Поступила: 15.08.2026. Одобрена: 29.09.2026. Доступна онлайн: 30.09.2026

МРНТИ 10.89.47
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-66-85

Механизм защиты имущественных и неимущественных прав сторон договора суррогатного материнства в Республике Казахстане и некоторых штатах США

Аблаева Эльвира Бекболатовна
кандидат юридических наук, ассоциированный профессор кафедры медицинского права Школы «Общественное здравоохранение имени Х. Досмухамедова» Казахского Национального Медицинского Университета имени С.Д. Асфендиярова, Алматы, Казахстан
e-mail: ablaeva_1981@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-3124-1248

Аннотация: Исследуются механизмы защиты прав суррогатной матери и биологических родителей в американской модели регулирования суррогатного материнства. В частности, юридические, финансовые и страховые инструменты обеспечения надлежащего исполнения ими обязательств, применяемые в штатах Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Невада, Нью-Йорк, Флорида. Актуальность темы связана с тем, что соглашение о вынашивании беременности и родов представляется гражданским договором со сложными и противоречивыми элементами, соблюдение которых в ряде случаев не представляется возможным в силу объективных факторов. Научная новизна заключается в систематизации механизма защиты прав сторон договора суррогатного материнства в американской и казахстанской правовых системах, выделении в его структуре финансового, юридического и страхового инструментов, а также разработке авторской типологии правовых моделей в зависимости от их характера, содержания и объема правового регулирования. В результате сравнительно-правового анализа выявлены существенные различия в правовом регулировании прав суррогатных матерей и биологических родителей в рассматриваемых юрисдикциях, а также определены возможности адаптации отдельных подходов американского опыта к законодательству РК и договорной практике в сфере суррогатного материнства. Вносятся предложения, направленные на обеспечение надлежащего исполнения сторонами обязательств по договору суррогатного материнства, социальную защиту суррогатных матерей, справедливое распределение между сторонами рисков и последствий применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий, а также юридическую исполнимость и защищенность договора в последующем от оспаривания его законности в суде. Теоретическая значимость состоит в том, что в юридической компаративистике недостаточно разработаны вопросы обеспечения защиты имущественных и неимущественных прав сторон договора суррогатного материнства. Настоящее исследование восполняет пробел, существующий в сравнительно-правовых исследованиях. Практическая значимость состоит в том, что научные результаты можно использовать при совершенствовании законодательства, разработке механизмов обеспечения защиты прав биологических родителей и суррогатной матери, составлении проекта договора суррогатного материнства.

Ключевые слова: договор суррогатного материнства, суррогатная мать, биологические родители, депонирование денежных средств, медицинское страхование, социальное страхование, договорные обязательства.

Қазақстан Республикасында және АҚШ-тың кейбір штаттарында құрсақ аналық мәміле тараптарының мүліктік және мүліктік емес құқықтарын қорғау тетіктері

Аблаева Эльвира Бекболатқызы
заң ғылымдарының кандидаты, С.Ж. Асфендияров атындағы Қазақ Ұлттық Медицина Университетінің «Х. Досмұхамедов атындағы қоғамдық денсаулық сақтау» мектебінің медициналық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Алматы, Қазақстан
e-mail: ablaeva_1981@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-3124-1248

Аңдатпа: Құрсақ аналықты реттеудің американдық үлгісіндегі құрсақ ана мен биологиялық ата-аналардың құқықтарын қорғау тетіктері зерттеледі. Атап айтқанда, Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Невада, Нью-Йорк, Флорида штаттарында қолданылатын міндеттемелердің тиісті орындалуын қамтамасыз етудің құқықтық, қаржылық және сақтандыру құралдары. Тақырыптың өзектілігі жүктілік және босану туралы келісім күрделі және қарама-қайшы элементтері бар азаматтық мәміле болып табылатындығына байланысты, кейбір жағдайларда оларды объективті факторлардың әсерінен орындау мүмкін емес. Ғылыми жаңалық – американдық және қазақстандық құқықтық жүйелердегі құрсақ аналық мәміле тараптарының құқықтарын қорғау тетігін жүйелеу, оның құрылымында қаржылық, құқықтық және сақтандыру құралдарын жіктеу, сондай-ақ олардың сипатына, мазмұнына және құқықтық реттеу көлеміне қарай құқықтық үлгілердің авторлық типологиясын әзірлеу. Салыстырмалы-құқықтық талдау нәтижесінде қарастырылып отырған юрисдикциялардағы құрсақ аналық мәміле бойынша құрсақ аналар мен биологиялық ата-аналардың құқықтарын құқықтық реттеуде елеулі айырмашылықтар анықталды және американдық тәжірибенің жекелеген тәсілдерін ҚР заңнамасына және құрсақ аналық саласындағы шарттық тәжірибеге бейімдеу мүмкіндіктері айқындалды. Авторлар тараптардың құрсақ аналық мәміле бойынша міндеттемелерін тиісінше орындауын, жүктілік, босану және босанғаннан кейінгі кезеңде құрсақ аналарды әлеуметтік қорғауды, қосалқы репродуктивті әдістер мен технологияларды қолданудың тәуекелдері мен салдарларын тараптар арасында әділ бөлуді, сондай-ақ кейіннен мәміленің сотта оның заңдылығына дау айтудан заңды түрде орындалуы мен қорғалуын қамтамасыз етуге бағытталған ұсыныстар енгізеді. Теориялық маңыздылығы салыстырмалы құқықтануда құрсақ аналық мәміле тараптарының мүліктік және мүліктік емес құқықтарын қорғауды қамтамасыз ету мәселелері жеткіліксіз зерттелуіне байланысты. Бұл зерттеу салыстырмалы құқықтық зерттеулердегі олқылықтың орнын толтырады. Тәжірибелік маңыздылығы – ғылыми нәтижелерді заңнаманы жетілдіруде, биологиялық ата-аналар мен құрсақ аналардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз ету тетіктерін әзірлеуде, құрсақ аналық мәміле жобасын жасауда қолдануға болады.

Түйінді сөздер: құрсақ аналық мәміле, құрсақ ана, биологиялық ата-аналар, ақшалай қаражатты депозитке салу, медициналық сақтандыру, әлеуметтік сақтандыру, шарттық міндеттемелер.

The mechanism for protecting the property and non-property rights of the parties to a surrogacy agreement in the Republic of Kazakhstan and some states of the USA

Ablaeva Elvira Bekbolatovna
Candidate's degree in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Medical Law, School of Public Health named after H. Dosmukhamedov, Kazakh National Medical University named after S.D. Asfendiyarov,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: ablaeva_1981@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-3124-1248

Abstract: The mechanisms for protecting the rights of the surrogate mother and the biological parents in the American model of surrogacy regulation are examined. In particular, the legal,

financial, and insurance tools used to ensure the proper fulfillment of their obligations, as applied in the states of Illinois, California, Colorado, Nevada, New York, and Florida. The relevance of the topic is due to the fact that the agreement on carrying a pregnancy and giving birth is a civil contract containing complex and contradictory elements, compliance with which is in some cases impossible due to objective factors. The scientific novelty lies in the systematization of the mechanism for protecting the rights of the parties to a surrogacy agreement in the American and Kazakhstani legal systems, the identification of financial, legal, and insurance instruments within its structure, as well as the development of the author's typology of legal models depending on their nature, content, and scope of legal regulation. The comparative legal analysis revealed significant differences in the legal regulation of the rights of surrogate mothers and biological parents in the jurisdictions under consideration, and also identified the possibilities for adapting certain approaches from the American experience to the legislation of the Republic of Kazakhstan and contract practice in the field of surrogacy. The authors put forward proposals aimed at ensuring the proper performance of obligations by the parties under a surrogacy agreement, the social protection of surrogate mothers during pregnancy, childbirth, and postpartum, the fair distribution of risks and consequences of the use of assisted reproductive methods and technologies among the parties, as well as the legal enforceability and protection of the agreement from subsequent challenges to its legality in court. The theoretical significance lies in the fact that in legal comparative studies, the issues of ensuring the protection of the property and non-property rights of the parties to a surrogacy agreement have not been sufficiently developed. This study fills the gap that exists in comparative legal research. The practical significance lies in the fact that the scientific results can be used to improve legislation, develop mechanisms to ensure the protection of the rights of biological parents and the surrogate mother, and draft a surrogacy agreement.

Keywords: surrogacy agreement, surrogate mother, biological parents, deposit of funds, health insurance, social insurance, contractual obligations.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сегодня в условиях роста мужского, женского и смешанных форм бесплодия во всем мире вспомогательные репродуктивные методы и технологии, в том числе суррогатное материнство, пользуются глобальным спросом среди казахстанского населения и ряда зарубежных государств. Острая востребованность в суррогатном материнстве вызвана тем, что, во-первых, оно представляется одним из разновидностей вспомогательных репродуктивных методов и технологий, посредством которого преодолеваются тяжелые формы дисфункций анатомического, физиологического, эндокринного, аутоимунного состояния репродуктивной системы женщин, неподдающихся традиционному лечению. Среди них – абсолютное бесплодие и привычное невынашивание беременности.

Во-вторых, оно характеризуется как сложное социально-правовое явление, функционирующее в междисциплинарной сфере права, медицины и биоэтики. При этом, суррогатное материнство затрагивает не только имущественные интересы сторон, связанные с выплатой биологическими родителями денежного вознаграждения за вынашивание и роды ребенка, компенсаций на оздоровление и восстановление суррогатной матери при пренатальных или репродуктивных потерях, финансированием вспомогательных репродуктивных практик и медицинских манипуляций. Суррогатное материнство напрямую затрагивает личные неимущественные права сторон, как: право на жизнь и охрану репродуктивного здоровья, неприкосновенность личности и тела, уважение чести и достоинства, репродуктивная автономия, материнство, отцовство, воспроизводство потомства, продолжение рода, сохранение семейной и врачебной тайны и т. п. Учитывая перечисленное, большинство стран запрещают применение на своей территории суррогатного материнства. До сего времени Республика Казахстан являлась одним из немногих государств,

разрешавших иностранным гражданам применение на своей территории почти всех видов вспомогательных репродуктивных методов и технологий.

Кроме того, суррогатное материнство занимает особое место в отраслях гражданского, семейного, медицинского и репродуктивного права. Здесь важно подчеркнуть, что конституционное право граждан РК на охрану здоровья (Конституция РК, 2026), корреспондирует репродуктивные права граждан на свободный репродуктивный выбор и лечение бесплодия с применением вспомогательных репродуктивных методов и технологий, включая суррогатное материнство (Кодекс РК о здоровье народа и системе здравоохранения, 2020). Поэтому казахстанские граждане, у которых диагностировано «бесплодие», посредством суррогатного материнства реализуют свое конституционное право на охрану репродуктивного здоровья.

Применение суррогатного материнства на территориях стран, в которых оно разрешено, допускается при наличии медицинских показаний и соглашения о вынашивании беременности. Как правило, такое соглашение заключается между биологическими родителями (родителем) – заказчиками и гестационным курьером-женщиной – суррогатной матерью. Заключение договора суррогатного материнства не гарантирует наступление беременности, рождение ребенка, надлежащее исполнение сторонами своих договорных обязательств. В частности, риски и последствия применения суррогатного материнства связаны со спецификой предмета и субъектного состава договора суррогатного материнства, с физиологическими особенностями человеческого организма, а также объективной обусловленностью исходного результата искусственного оплодотворения и трансфера эмбриона в полость матки от биомедицинских факторов, неподдающихся полному контролю и не зависящих от воли и действий лиц, участвующих в суррогатном материнстве.

По указанным выше причинам большинство авторов сходятся во мнении о том, что договор суррогатного материнства относится к алеаторным (рисковым) договорам, так как исполнение его условий не во всех случаях зависят от сторон, а зависят от непредвиденных обстоятельств, за наступление которых они не несут ответственности (Агеева, 2016, с. 24). Стороны, предполагая вероятность наступления выгод или потерь, совместными усилиями стремятся снизить риски осложнений беременности и родов, увеличить шансы нормального течения беременности и родов, надеясь на благоприятный исход трансфера эмбриона, завершившегося родами жизнеспособного ребенка (Шабанова, 2016, с. 183).

Биологических родителей или суррогатную мать по этическим и правовым соображениям невозможно понудить к заключению договора суррогатного материнства и принудить к исполнению всех его условий. В отличие от других договоров гражданско-правового характера, в договорах суррогатного материнства исключены перемена лиц в обязательствах и перевод долга, возмещение убытков и неустоек в связи с недостижением результата, для достижения которого был заключен договор, замена надлежащим ответчиком, изменение предмета договора, прекращение отступным или новацией, исполнение в натуре.

Согласно нашим исследованиям, в отличие от нашего казахстанского законодательства, законодательство штата Иллинойс, Калифорния, Невада, Нью-Йорк, Флориды в сфере семейного права и вспомогательной репродуктивной медицины, предъявляет строгие требования к форме, содержанию и порядку заключения договора суррогатного материнства. Объективный взгляд на законодательство и практику перечисленных зарубежных юрисдикций в рассматриваемой сфере правоотношений показывает, что они отличились еще наличием обязательных финансовых, юридических, страховых инструментов обеспечения надлежащего исполнения сторонами договорных обязательств. В своей совокупности они представляют из себя надежный комплексный механизм защиты имущественных и личных неимущественных интересов биологических родителей и суррогатной матери.

Современные исследования охватывают различные аспекты суррогатного материнства. Так, казахстанские ученые исследуют понятие договора суррогатного материнства, его существенные и иные условия, субъективные права и юридические обязанности сторон

(Musayeva, p.32–40, 2022), а также пробелы в правовом регулировании суррогатного материнства (Seidinova, Ilyassova, p.109-127, 2023). Зарубежные ученые уделяют внимание проблемам родительского статуса, автономии суррогатной матери (Lima, p.245-266, 2024), а также биоэтическим аспектам суррогатного материнства и эпигенетического влияния организма суррогатной матери на гены будущего ребенка (Mulligan. p.674–683, 2024). Тем не менее, комплексное исследование финансовых, страховых и юридических инструментов как взаимосвязанных структурных элементов механизма защиты имущественных и неимущественных прав сторон договора суррогатного материнства в современной литературе отсутствует, что определяет исследовательский пробел. Анализ и оценка исследуемых механизмов в американской правовой системе представляют интерес для развития казахстанского законодательства в сфере гражданского, семейного, медицинского и репродуктивного права, а также совершенствования договорной практики в сфере суррогатного материнства. Выбор темы исследования обусловлен тем, что изложенные обстоятельства требуют выработки эффективных механизмов обеспечения надлежащего исполнения сторонами своих обязательств с учетом социальной и правовой природы договора суррогатного материнства, специфики его предмета и субъектного состава.

Научная новизна заключается в том, что впервые на основе законодательства и договорной практики в сфере суррогатного материнства зарубежных правопорядков проводится сравнительно-правовое исследование механизмов защиты имущественных и личных неимущественных прав биологических родителей и суррогатной матери.

Настоящее исследование опирается на применяемых в штатах Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Невада, Нью-Йорк, Флориды финансовых, юридических и страховых инструментов, способствующие реальному и личному исполнению сторонами взятых на себя договорных обязательств.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие при заключении договора суррогатного материнства и исполнения его условий сторонами.

Предмет исследования – финансовые, юридические и страховые инструменты, обеспечивающие надлежащее исполнение сторонами договорных обязательств, которые в своей совокупности образует комплексный механизм защиты имущественных и личных неимущественных прав биологических родителей и суррогатной матери.

Цель исследования – комплексное и всестороннее исследование механизмов защиты имущественных и личных неимущественных прав биологических родителей и суррогатной матери, успешно реализуемые в зарубежных странах, а также в определении перспектив их имплементации в наше национальное законодательство и договорную практику в сфере суррогатного материнства.

Задачи исследования:

1) Раскрыть характер и содержание обязательств, а также пределы и объем ответственности биологических родителей и суррогатной матери, предусмотренных законодательством зарубежных стран и договорной практикой в сфере суррогатного материнства;

2) Изучить существующие в американской правовой системе инструменты обеспечения надлежащего исполнения сторонами договора суррогатного материнства своих обязательств;

3) Рассмотреть юридические, финансовые и страховые инструменты на предмет их соответствия законным интересам биологических родителей и суррогатной матери;

4) Сравнительно-правовой анализ механизмов защиты имущественных и неимущественных прав биологических родителей и суррогатной матери в штатах Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Невада, Нью-Йорк, Флорида;

5) Сформулировать предложения по совершенствованию казахстанского законодательства и договорной практики в сфере суррогатного материнства.

Материалы и методы

С учетом характера и специфики изучаемого явления в настоящем исследовании были применены общенаучные и специальные юридические методы. В частности, применены сравнительно-правовой, формально-юридический, логический и метод системного анализа.

В ходе исследования механизма защиты прав сторон договора суррогатного материнства анализу подверглись три составляющих его инструмента: финансовый, страховой и юридический. Так, при анализе финансового инструмента учитывалось наличие или отсутствие условного депонирования денежных средств; при анализе страхового инструмента учитывался вид, субъекты и объекты страхования; при анализе юридического инструмента учитывались характер и объем требований, предъявляемых к форме, содержанию договора, порядку и условиям его заключения, а также процедуры установления родительских прав.

На основе полученных результатов исследуемые юрисдикции классифицированы в зависимости от характера, содержания и объема защиты прав сторон договора суррогатного материнства, что позволило выделить среди них комплексный, процедурно-процессуальный, рамочный типы моделей механизма защиты прав сторон. К комплексному типу отнесены модели, в которых представлены все инструменты. Процедурно-процессуальный тип составляют модели, которые преимущественно основаны на юридическом инструменте. Рамочный тип образуют модели, в которых механизм защиты прав имеет общий характер и ограниченный объем правового регулирования.

Материал исследования составили нормативные правовые акты Республики Казахстан и шести исследуемых штатов США: Иллинойса, Калифорнии, Колорадо, Невады, Нью-Йорка и Флориды. Анализу подверглись нормы, регулирующие порядок заключения и исполнения соглашений о суррогатном материнстве, обеспечивающие защиту прав сторон таких соглашений, а также устанавливающие основания определения их родительского статуса.

Нормативную базу исследования составили законодательство государства Казахстана, штатов Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Невада, Нью-Йорк, Флориды в области здравоохранения и репродукции человека, а также брачно-семейных и гражданско-правовых отношений.

Эмпирическую базу исследования составили нотариально удостоверенные договора суррогатного материнства, заключенные на территории Республики Казахстан. В настоящей работе не раскрываются сведения, позволяющие идентифицировать участников программ суррогатного материнства, включая фамилии, имена и отчества сторон договора, а также наименование медицинских организаций.

Теоретическую базу исследования составили научные труды казахстанских и зарубежных ученых-теоретиков, юристов-практиков, медицинских работников, посвященных суррогатному материнству.

Результаты и обсуждение

Штат Иллинойс. Единые правила и гарантии прав лиц, участвующих в договоре суррогатного материнства, заключенного на территории штата Иллинойс, а также правовой статус детей, рожденных суррогатной матерью, установлены Gestational Surrogacy Act (Illinois Gestational Surrogacy Act). В соответствии со ст. 25 Gestational Surrogacy Act, действующей в редакции Public Act № 104-448 от 25.12.2025 г., если договор суррогатного материнства заключен на условиях выплаты суррогатной матери вознаграждения и компенсации, все денежные средства до осуществления медицинского вмешательства в организм суррогатной матери должны быть размещены на *«Escrow Account»*, а управление ими передано в Escrow Agent (Illinois Gestational Surrogacy Act).

Напомним, что ранее ст. 25 *Gestational Surrogacy Act* ставила условие о финансовой гарантии Escrow Agent в 1 000 000 у. е. В отличие от California Family Code, Illinois Gestational Surrogacy Act не содержит в себе условий о размещении денежных средств, расходуемых на программу суррогатного материнства, на доверительном счете адвоката *«Trust Account»*.

Напротив, *Illinois Gestational Surrogacy Act* требует, чтобы Escrow Agent был независим от адвоката суррогатной матери или биологических родителей (Illinois Gestational Surrogacy Act).

По аналогии с брачно-семейным законодательством РК, в соответствии с *Illinois Gestational Surrogacy Act* биологические родители, чьи дети рождены с применением суррогатного материнства в штате Иллинойс, автоматически признаются его законными родителями при соблюдении установленных законом требований (ст.15, ст.35). Закон предусматривает еще возможность установления родительских прав в судебном порядке на основании соглашения о гестационном суррогатном материнстве (ст. 36). Даже в тех случаях, когда по результатам генетической экспертизы будет выявлено об отсутствии генетической связи ребенка с одним из биологических родителей или донором, чьи половые клетки были использованы в искусственном оплодотворении, биологические родители признаются законными родителями ребенка, если иное не будет определено судом (Illinois Gestational Surrogacy Act). Тем самым, законодательство штата Иллинойс руководствуется принципом международного права об обеспечении наилучших интересов ребенка независимо от его происхождения, закрепленного в Конвенции о правах ребенка (Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.).

Как и во всех штатах, где законодательно разрешено суррогатное материнство, в штате Иллинойс на весь период действия договора суррогатного материнства законные интересы сторон представляют адвокаты. Особенно важно их присутствие при обсуждении условий договора суррогатного материнства и разъяснении юридических последствий его заключении. Помимо этого, стороны предоставляют свое письменное заявление о том, что они информированы о своих правах и обязанностях, финансовых условиях, юридических последствиях заключения договора, а также неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязательств. Так, согласно условиям договора суррогатного материнства, заключаемого на территории штата Иллинойс, суррогатная мать дает свое письменное согласие на трансфер эмбриона в полость ее матки, вынашивание беременности и передачу ребенка его родителям. В свою очередь, биологические родители дают свое письменное согласие на принятие ребенка после рождения, его содержание и опеку над ним.

Отметим, что по законодательству штата Иллинойс суррогатная мать обладает весьма широкими правами на свободный репродуктивный выбор и телесную неприкосновенность вплоть до самостоятельного принятия ею решения о сохранении или прерывании беременности, а также редукции плода. В соответствии с положениями *Gestational Surrogacy Act* считается подлежащим исполнению суррогатной матерью таких обязательств, как: пройти медицинские осмотры, воздержаться от любых действий, угрожающих плоду, в том числе неупотребление алкоголя, сигарет, а также лекарств без назначения врача. Несмотря на прописанные обязательства ввиду того, что действует принцип свободы договора и суррогатная мать обладает личными неимущественными правами, американские законы или суды не могут принудить ее выносить и родить ребенка, или запретить ей употреблять какие-либо средства. Хотя законодательство штата Иллинойс признает недействительным и ничтожным отказ суррогатной матери от права на прерывание беременности, ст. 25 *Gestational Surrogacy Act* содержит оговорку, согласно которой в договоре суррогатного материнства одним из юридических последствий неисполнения сторонами своих договорных обязательств могут выступать штрафные санкции (Illinois Gestational Surrogacy Act).

Одним из критериев отбора суррогатной матери в штате Иллинойс является наличие у нее полиса медицинского страхования, действующего на весь период беременности и послеродовой период в течении 8 недель. Отметим, что законодательство Иллинойс не обязывает биологических родителей оформлять суррогатной матери медицинскую страховку, а оставляет на их усмотрение.

Штат Калифорния. В штате Калифорния отсутствует специальный нормативный правовой или подзаконный акт, регулирующий порядок и условия применения на его территории суррогатного материнства. Единственным кодифицированным актом,

регулирующим вопросы суррогатного материнства, представляется *California Family Code*, в котором §12 Главы 7 предусматривает интересующие нас финансовые, юридические и страховые инструменты обеспечения надлежащего исполнения сторонами суррогатной матерью и биологическими родителями договорных обязательств (California Family Code).

Итак, ст. 7961 *California Family Code* обязывает агентов, оказывающих услуги по поиску, подбору и сопровождению суррогатных матерей или доноров обеспечить надлежащее исполнение Биологическими родителями-Заказчиками своих финансовых обязательств по договору. Оно осуществляется двумя альтернативными на выбор вариантами. В первом случае, они открывают в Escrow company или Escrow depository застрахованный счет *«Escrow Account»*. Во втором случае, они открывают на имя адвоката доверительный счет *«Trust Account»*. Договорная практика суррогатного материнства в штате Калифорния показывает, что большим спросом пользуется *«Escrow Account»*. Алгоритм такой: до начала программы суррогатного материнства, общая итоговая сумма соглашения о вынашивании, включающая стоимость услуг медицинской организации, применяющей вспомогательные репродуктивные методы и технологии, по медицинскому обслуживанию суррогатной матери в период беременности, родов и после родов, а также вознаграждение, компенсации и ежемесячное содержание суррогатной матери перечисляется на один из счетов, за исключением расходов, связанных с медицинским обследованием суррогатной матери перед вступлением в программу суррогатного материнства. Денежные средства, размещенные на *«Escrow Account»* или *«Trust Account»* блокируются до подтверждения суррогатной матерью факта выполнения ею условий соглашения. Агентам и адвокатам доступ к указанным счетам категорически воспрещен. Согласно графику выплат, предусмотренных соглашением о вынашивании, со счетов *«Escrow Account»* или *«Trust Account»* на основании документов, подтверждающих факт исполнения суррогатной матерью своих договорных обязательств, ей выделяются денежные средства, расходуемые на одежду, проезд, питание, лекарственные средства, медицинские обследования и пр. (California Family Code).

Кроме того, ст. 7962 *California Family Code* содержит условие о том, что договор суррогатного материнства должен включать сведения об источниках финансирования, условиях и порядке покрытия медицинских расходов Суррогатной матери во время беременности, родов и после родов, а также новорожденного ребенка. Несмотря на наличие медицинской страховки, законодатель штата Калифорния настаивает на том, чтобы биологические родители выяснили: распространяется ли он на все медицинские расходы; не имеются ли в нем исключения для суррогатного материнства; покрывает ли он все страховые случаи, которые могут наступить при беременности и родах Суррогатной матери. Не выяснение ими перечисленных обстоятельств грозит тем, что финансовые и страховые риски могут лечь на Суррогатную мать. Во избежание таких конфликтных ситуаций *California Family Code* рекомендует сторонам предусмотреть в договоре суррогатного материнства пункт, согласно которому непокрытые страховым полисом страховые случаи покрывают Биологические родители (California Family Code).

Согласно *California Family Code* как принято во всех штатах, где разрешено суррогатное материнство, до подписания договора суррогатного материнства законные интересы сторон должны представлять независимые адвокаты. Однако в *California Family Code* отсутствует норма, обязывающая биологических родителей возмещать представительские расходы суррогатной матери, затраченные на юридические услуги адвоката. Несмотря на это, по сложившейся практике биологические родители по умолчанию оплачивают все расходы суррогатной матери. В штате Калифорния договор суррогатного материнства как в Казахстане подлежит нотариальному удостоверению.

California Family Code определяет процедуры признания в судебном порядке родительских прав на ребенка, зачатого и рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий. Родительские права устанавливаются судом до или после рождения ребенка посредством вынесения судом

приказа *judgment or order establishing the parent and child relationship* на основании соглашения о суррогатном материнстве (§ 7962).

Штат Колорадо. Законодательство штата Колорадо крайне отличилось тем, что не предусматривает страховые и финансовые инструменты обеспечения надлежащего исполнения сторонами договора суррогатного материнства своих обязательств. *Colorado Surrogacy Agreement Act* уделяет особое внимание процедурам заключения и расторжения договора суррогатного материнства, юридическим последствиям нарушения его условий, средствам правовой защиты при существенном нарушении прав (*«common law», «equality law»*), установления происхождения ребенка, отцовства и материнства, а также определения алиментных обязательств родителей (Colorado Surrogacy Agreement Act 2021).

К юридическим инструментам обеспечения надлежащего исполнения договорных обязательств законодательство штата Колорадо относится весьма строго. Интересы биологических родителей и суррогатной матери представляют независимые адвокаты. Договор суррогатного материнства заключается в письменной форме до осуществления медицинских вмешательств в организм и проведения медицинских процедур. Сторонами договора являются также супруг суррогатной матери, если она состоит в законном браке. Подписи сторон удостоверяются нотариусом. Биологические родители не освобождаются от обязательств по содержанию ребенка даже в случаях нарушения суррогатной матерью условий договора. Они признаются законными родителями ребенка даже в тех случаях, если будет установлено, что ребенок не имеет генетического родства с ними или имеет отклонения в своем физическом или психическом развитии. В случаях установления генетической связи ребенка с суррогатной матерью родительство определяется в соответствии со ст. 4 Uniform Parentage Act (Uniform Parentage Act).

Colorado Surrogacy Agreement Act не обязывает биологических родителей депонировать денежные средства, расходуемые на применение вспомогательных репродуктивных методов и технологий, а также на содержание суррогатной матери у банков или эксроу агентов. В штате Колорадо отсутствуют также страховые инструменты, обеспечивающие суррогатную мать медицинским страхованием на период беременности, родов или после родов, а также страхованием ее жизни и здоровья на случай осложнения течения беременности или родов (Colorado Surrogacy Agreement Act 2021).

Штат Нью-Йорк. Суррогатное материнство в штате Нью-Йорк регулируется Семейным кодексом (Family Court Act), закрепленным в нем Биллем о правах суррогатных матерей (Gestational Surrogates' Bill of Rights), законом об общественном здравоохранении (Public Health (PBH). Социальные отпуска и пособия, предоставляемые суррогатной матери, регулируются трудовым законодательством штата Нью-Йорк. *New York Paid Family Leave Law* предусматривает возможность предоставления предполагаемым родителям оплачиваемого семейного отпуска – *Paid Family Leave* (New York Paid Family Leave Law), *New York Labor Law §196-b (4-a)* оплачиваемый дородовой отпуск суррогатной матери – *Prenatal Leave* (New York Labor Law), а *New York Disability Benefits Law* оплачиваемый отпуск по ее нетрудоспособности в связи с беременностью и родами – *Pregnancy Disability Leave* (New York Paid Family Leave Law).

Как разъясняет американский адвокат Ralph M. Tsong в сфере суррогатного материнства, *Paid Family Leave* предоставляется биологической матери или биологическому отцу сроком на 12 недель для ухода за новорожденным ребенком с сохранением места работы и заработной платы в размере не более 67% среднего недельного заработка по штату, что по состоянию на 2025 год составляет 1,177,32 у.е. *Pregnancy Disability Leave* предоставляется беременной женщине, в том числе суррогатной матери, для прохождения ею до родов медицинского обследования или получения ею медицинской помощи в количестве 20 часов в течение 52-недельного периода. *Prenatal Leave* – краткосрочный отпуск предоставляется беременной женщине и роженице, в том числе суррогатной матери, до предполагаемых родов на 4 недели

и после родов на 6 недель, а при осложненных родах на 8 недель в течение 52-недельного периода (Ralph M. Tsong, 2023).

В соответствии с §581-403 *New York Family Court Act*, если договор суррогатного материнства предусматривает выплату суррогатной матери вознаграждения и компенсацию материальных расходов, денежные средства до начала программы суррогатного материнства размещаются на *«Escrow Account»* счету независимого Escrow Agent (Family Court Act (FCT) of New York, Chapter 686, Article 5-C, Part 4: Requirements of surrogacy agreement). Все споры, связанные с исполнением и управлением *«Escrow Account»,* разрешаются в судах штата Нью-Йорк.

Почти как во всех штатах по законодательству штата Нью-Йорк суррогатные матери вправе прервать беременность, редуцировать плод, расторгнуть договор в одностороннем порядке, что исключено в договорной практике Казахстана. Казахстанское законодательство не запрещает прерывание беременности и не обязывает исключить многоплодную беременность. Однако вопрос о прерывании беременности и редукции плода в рамках договора суррогатного материнства обстоит иначе. Ответственность за беременность, наступившую по условиям договора суррогатного материнства в результате искусственного оплодотворения и трансфера эмбриона, брачно-семейное законодательство РК возложило на суррогатную мать. В случаях прерывания беременности и редукции плода без согласия биологических родителей, а также преждевременных родов и мертворождения по вине суррогатной матери, она, согласно договору, несет имущественную ответственность в виде выплат штрафа биологическим родителям.

Gestational Surrogates' Bill of Rights закрепил за суррогатной матерью право на медицинское страхование в период подготовки к зачатию, ведения беременности, госпитализации, родов, после родов или прерывания беременности в течении 12 месяцев. Медицинская страховка покрывает все расходы, связанные с медицинским обследованием и обслуживанием суррогатной матери, в том числе с оказанием ей психологической помощи (Gestational Surrogates' Bill of Rights).

Наряду с обеспечением суррогатной матери медицинского страхования, ее жизнь и здоровье подлежит обязательному страхованию. Минимальная сумма страхового возмещения составляет 750 тыс. у. е. Страховой полис действует в период зачатия, беременности, родов, после родов в течении 12 месяцев. К страховым случаям относятся также мертворождение, выкидыш, прерывание беременности, инвалидность и т. п. (Gestational Surrogates' Bill of Rights).

На весь период действия договора суррогатной матери законные интересы суррогатной матери должен представлять адвокат, юридические услуги которого оплачивают биологические родители.

Родительские права на ребенка, зачатого и рожденного в результате вспомогательных репродуктивных методов и технологий, возникают в силу закона, если форма, содержание и порядок заключения договора соответствует требованиям, установленным *Family Court Act* (§581-406). Одновременно закон предоставляет возможность обратиться в суд за вынесением судебного приказа о родительстве – *judgment of parentage*, в том числе до рождения ребенка (§581-203). Установление родительских прав в судебном порядке не является обязательной процедурой. Обращение в суд возможно для упрощения порядка оформления свидетельства о рождении ребенка и регистрации прав на него. Если договор не соответствует требованиям закона или между сторонами возникает спор, вопрос о родительских правах разрешается судом, а при отсутствии договора на основании иных норм законодательства штата Нью-Йорк (§§ 581-407–409).

Штат Флорида. Суррогатное материнство в штате Флорида не регулируется специальными нормативными правовыми актами. Свод законов Флорида определяет правила о происхождении ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий, содержит в себе общие требования, предъявляемые к

договору суррогатного материнства, а также устанавливает порядок ускоренного получения судебного приказа о родительских правах на ребенка, рожденного суррогатной матерью. Так, Глава *742 Florida Statuses* в § 742.15 прописало положение о том, что в рамках договора о гестационном суррогатном материнстве супружеская пара может согласиться возместить суррогатной матери разумные расходы, затрачиваемые на проживание, юридические и психологические консультации, медицинские услуги во время беременности, родов и после родов (Florida Statutes).

Отдельного вида страхования жизни и здоровья суррогатной матери на случай осложнения течения беременности и родов в штате Флорида нет. Единственной нормой, затрагивающей вопросы страхования, является п. 7 ст. 627.659 *Florida Statutes*. Она допускает оформление для доноров, реципиентов и суррогатных матерей группового медицинского страхования – *Blanket health insurance*. Страхователями по ним выступают медицинские учреждения и репродуктивные агентства. Важно подчеркнуть, что данная норма не обязывает оформлять групповое медицинское страхование. Использование формулировки «*may be offered*» указывает на возможность обеспечения суррогатных матерей медицинской страховкой в системе группового медицинского страхования. Отсюда вытекает, что на биологических родителей не возлагается обязанность по возмещению расходов, связанных с медицинским страхованием суррогатной матери.

В отличие от других штатов, законы штата Флориды до сего времени не требовало открывать специальные *«Escrow Account»* или *«Trust Account»* счета. Ситуация стала меняться вначале 2026 г. с принятием нового законопроекта, содержащего существенные изменения и дополнения в действующее законодательство, регулирующие вопросы, связанные с применением на территории штата Флориды суррогатного материнства. Отметим, что ст. 402.89 нового законодательства Флориды предлагала установить обязанность агентств суррогатного материнства требовать от сторон договора суррогатного материнства получения юридической консультации у адвокатов об условиях договора и последствиях его заключения; хранить денежные средства, предназначенные для оплаты вознаграждения суррогатной матери на счете отдельного от своих текущих счетов; обеспечить сохранность денежных средств путем перечисления их на *«Escrow Account», созданный* в банке, ссудно-сберегательной ассоциации, трастовой компании или на доверительном счете адвоката, которым управляет Escrow agent (House Bill 1487 «Surrogacy and Assisted Reproduction»).

По мнению юристов, специализирующихся на семейном и репродуктивном праве, преимущества «Escrow Account» перед «Self-Pay» в том, что на них не налагаются аресты, расходные операции по ним не приостанавливаются или не ограничиваются, находящиеся в них денежные средства расходуются строго по назначению, компенсационные и материальные выплаты суррогатной матери производятся без задержки (Tate Healey Webster).

Однако, несмотря на вносимые новшества законопроект не был одобрен.

Штат Невада. *Nevada Revised Statutes* является основным законом, которым руководствуются при применении в штате Невада суррогатного материнства. Закон определил форму и содержание договора суррогатного материнства, условия и порядок его заключения, юридические последствия несоблюдения обязательств, предоставил сторонам использовать все предусмотренные законом способы правовой защиты, а также признал за суррогатной матерью право на получение компенсационных выплат (Nevada Revised Statutes).

Останавливаться на описании и раскрытии содержания *Nevada Revised Statutes* не стоит, поскольку во многих вопросах он имеет много общих черт с моделью правового регулирования суррогатного материнства в штате Колорадо, за исключением медицинского страхования в период беременности, родов и после родов, а также процедур оспаривания или признания отцовства или материнства. Так, с вступлением в силу *Assembly Bill 472* от 2020 года в отношении страховщиков установлен запрет отказывать в страховом покрытии медицинских расходов застрахованному лицу по причине того, что роженица является суррогатной матерью (Assembly Bill 472, 2020).

По мнению репродуктивного юриста Kim Surratt, закон Невады о страховании суррогатного материнства является первым законом США, который предотвратил дискриминацию женщин, рожающих генетически чужих детей по договору суррогатного материнства (Kim Surratt, 2019, p.25).

Nevada Revised Statutes устанавливает 60-дневный срок, в течении которого один или оба генетических родителей вправе со дня рождения ребенка обратиться в суд с иском об установлении происхождении ребенка и законных прав на него. При этом закон не дает однозначного ответа на вопрос, как быть в тех ситуациях, когда генетической матерью ребенка оказалась суррогатная мать. В отличие от него, *Colorado Surrogacy Agreement Act* прямо указало, что в таких ситуациях происхождение ребенка и родительские права на него определяются в порядке, установленном ст. 4 *Uniform Parentage Act.*

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить три типа моделей механизма защиты имущественных и неимущественных прав сторон договора суррогатного материнства. Итак, к **комплексному типу** относятся модели Иллинойса, Калифорнии и Нью-Йорка, в которых представлены все инструменты, различающиеся по характеру, содержанию и объему правового регулирования. В рассматриваемых штатах дополнительно урегулированы родительские права, устанавливаемые посредством предусмотренных законом процедур. В Иллинойсе и Нью-Йорке при соблюдении установленных законом требований родительские права предполагаемых родителей возникают в силу закона с момента рождения ребенка. Кроме них, законодательство предусматривает еще судебные процедуры определения родительского статуса. В Калифорнии родительский статус устанавливаются судом на основании соглашения о гестационном суррогатном материнстве до или после рождения ребенка. В Нью-Йорке страховой инструмент имеет более широкий спектр предусмотренных законом мер защиты, включающий медицинское страхование, страхование жизни и здоровья суррогатной матери, а также дополнительные социальные гарантии. В Иллинойсе и Калифорнии действуют финансовый, юридический и страховые инструменты, но страхование жизни и здоровья суррогатной матери, аналогично законодательству Нью-Йорка, в *Illinois Gestational Surrogacy Act* и *California Family Code* самостоятельно не закреплено. При этом в Калифорнии финансовый инструмент предлагает альтернативные на выбор варианты – *Escrow Account* или *Trust Account*, тогда как страховой инструмент имеет ограниченный характер.

Процедурно-процессуальный тип образуют модели Колорадо и Невады, преимущественно основанные на юридическом инструменте защиты прав, содержащего требования, предъявляемые к форме, содержанию и порядку заключению соглашения, юридическому сопровождению сторон, согласию супруга суррогатной матери в предусмотренных законом случаях и процедуре признания родительского статуса заказчиков. Финансовый инструмент в данных моделях отсутствует. Страховой инструмент в Неваде предусмотрен в виде специальных законодательных гарантий доступа к медицинским услугам, связанным с вынашиванием и родоразрешением, включая запрет страховщику отказывать в страховом покрытии, ограничивать его или требовать возмещения расходов на медицинскую помощь в связи со статусом гестационного носителя, тогда как в Колорадо специального страхового инструмента не предусмотрено. В обоих штатах родительские права возникают непосредственно в силу закона с момента рождения ребенка при соблюдении установленных законом требований. Законодательство также предусматривает судебные процедуры, связанные с подтверждением родительства.

Рамочный тип образует Флорида, законодательством которой закреплены общие правила заключения соглашения, требования к возрасту и брачному статусу биологических родителей, форме и содержанию договора, медицинских показаний к суррогатному материнству, без необходимости участия независимых адвокатов. Финансовый инструмент в данной модели отсутствует. Страховой инструмент ограничен групповым медицинским страхованием медицинскими учреждениями или посредническими агентствами. Отдельное

страхование жизни и здоровья суррогатной матери законодательство не предусматривает. Признание родительского прав осуществляется в упрощенном судебном порядке, установленном законодательством штата.

Хотелось бы отметить, что в выделенных типах, прежде всего, отражены структурные элементы механизма защиты прав, определяемые наличием в нем финансового, юридического, страхового инструментов. Между тем, различия внутри каждого типа определяются содержанием и объемом правового регулирования, а по характеру правового регулирования они в основном имеют смешанный характер, сочетая в себе императивные требования законодательства с возможностью определения отдельных условий договора сторонами.

Казахстан. Существенным пробелом считается отсутствие страховых, финансовых, юридических инструментов по обеспечению надлежащего исполнения суррогатной матерью и биологическими родителями своих договорных обязательств. Страхование жизни и здоровья суррогатной матери при осложнении течения беременности и родов, юридическое консультирование с разъяснением сторонам существенных условий договора, правовых последствий его заключения, изменения или расторжения, их прав и обязанностей, порядка, оснований и размера выплат компенсаций и вознаграждений, а также механизм защиты их имущественных интересов остался вне правового регулирования.

Требования, предъявляемые к форме, содержанию договора суррогатного материнства и его сторонам, а также юридические последствия его заключения оговорены брачно-семейным законодательством РК (Кодекс РК о браке (супружестве) и семье, 2011). Договор суррогатного материнства относится к разновидностям договоров гражданско-правового характера. К нему применимы нормы и правила, установленные в отношении договоров об оказании услуг (ГК РК (Особенная часть), 1999). Заключаемые на территории РК договора суррогатного материнства подлежат удостоверению нотариусом (Правила совершения нотариальных действий, 2012). Адвокаты или юрисконсультанты не участвуют в составлении проекта договора, не присутствуют в момент заключения договора или обсуждений его условий, не консультируют стороны. Согласно устоявшейся договорной практике в сфере суррогатного материнства, нотариус составляет проект договора и только лишь в редких случаях при изготовлении сторонами проекта договора самостоятельно он проверяет его содержание на соответствие требованиям законодательства РК и волеизъявлениям сторон (Договора суррогатного материнства). Общая сумма договора, включающая стоимость медицинских услуг и препаратов, размер компенсаций, вознаграждений и ежемесячного содержания остаются в распоряжении биологических родителей до наступления предусмотренных договором условий и оснований для их выплат.

Кодекс РК о браке (супружестве) и семье в п. 34) ст. 1 при определении понятия суррогатного материнства использует термин «вознаграждение», однако Глава 9 не предусматривает обязанность биологических родителей по выплате суррогатной матери вознаграждения за вынашивание беременности и роды ребенка. Кодекс требует, чтобы договор содержал пункт о размерах и порядке компенсаций, предусмотренных п. 1 ст. 57, под которыми имеются в виду только медицинские расходы. Следовательно, биологические родители не обязаны осуществлять иные выплаты в качестве вознаграждения или компенсации, не предусмотренных законом. Согласно Кодексу, они несут все материальные расходы, связанные с применением вспомогательных репродуктивных методов и технологий, прохождением суррогатной матерью медицинского обследования, с медицинским обслуживанием ее в период подготовки к зачатию, беременности, родов и после родов, ее ежемесячным содержанием (Кодекс РК о браке (супружестве) и семье, 2011). Кодекс возлагает на суррогатную мать обязанность наблюдаться у врача и следовать его рекомендациям, информировать биологических родителей о состоянии беременности и передать им рожденного ребенка (детей).

Законодатель не требует, чтобы биологические родители обеспечили суррогатной матери полис медицинского страхования в период беременности, родов или после родов, а также полис страхования ее жизни и здоровья на случай осложнений течения беременности или родов. Освобождение биологических родителей от перечисленных обязательств связано с тем, что по законодательству РК, случаи беременности и родов подлежат обязательному социальному медицинскому страхованию государством (ОСМС). Казахстанский страховой рынок не предлагает страховых продуктов по обязательному или добровольному страхованию жизни и здоровья беременных женщин и рожениц, в том числе суррогатных матерей (Закон РК о страховой деятельности, 2000). Исследование казахстанского страхового рынка показало, что на территории РК единственным страховщиком, предлагающим страховые продукты по добровольному страхованию жизни и здоровья суррогатных матерей, оказалась страховая компания – Polis.Re (Программа страхования, 2025).

Справедливо, что в соответствии с условиями нотариально удостоверенных договоров суррогатного материнства, заключенных на территории РК, прерывание беременности, редукция плода и выбор врача признаются исключительными правами биологических родителей. Подчеркнем, что при своей беременности женщина самостоятельно принимает решения, связанные с ее здоровьем и жизнью будущего ребенка, в пределах, установленных законом. Однако при беременности, наступившей в результате применения суррогатного материнства, ситуация имеет иной характер, поскольку беременность предусмотрена договором суррогатного материнства, предметом которого является вынашивание беременности, рождение жизнеспособного ребенка и передача его законным родителям. Закон обязывает граждан, в том числе суррогатную мать, соблюдать права, свободы и законные интересы других лиц при осуществлении своих репродуктивных прав (Кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения). Поэтому репродуктивная автономия суррогатной матери не может рассматриваться изолированно от прав и законных интересов биологических родителей и их будущего ребенка. В силу изложенного договором могут устанавливаться определенные обязанности суррогатной матери, связанные с сохранением беременности. Законодатель обоснованно возложил на суррогатную мать нести бремя ответственности за наступившую в результате искусственного оплодотворения и трансфера эмбриона беременность. Согласно устоявшейся в договорной практике суррогатного материнства обычаям в случаях прерывания беременности, редукции плода и отказа от врача при отсутствии медицинских показаний и без согласия биологических родителей к суррогатной матери применяются штрафы в крупном размере (Договора суррогатного материнства). По аналогии с американским законодательством суррогатную мать нельзя понудить к заключению договора и исполнению его условий. До наступления беременности она имеет право отказаться от участия в программе суррогатного материнства с условием возмещения биологическим родителям понесенных ими всех материальных расходов, что обеспечивает защиту их имущественных прав (Договор на предоставление платных медицинских услуг (ВРТ-суррогатная мать), 2025).

Как видим, в казахстанской модели правового регулирования суррогатного материнства имеется пробел в механизме защиты имущественных и неимущественных прав сторон договора суррогатного материнства. В частности, отсутствует финансовый инструмент как условное депонирование денежных средств, страховой инструмент представлен в виде ОСМС беременных женщин и рожениц, в том числе суррогатных матерей, а страхование жизни и здоровья суррогатной матери не является обязательным продуктом страхового рынка. Тем не менее, следует отметить, что сравнении с ними юридический инструмент достаточно развит. Он включает обязательную письменную и нотариально удостоверенную форму договора суррогатного материнства, а также установленные законом требования к его содержанию, порядку и условиям заключения, сторонам, в том числе к семейному положению и гражданству биологических родителей. Более того, биологические родители и суррогатная мать заключают отдельные договора с репродуктивной клиникой на оказание им медицинских

услуг. Юристы репродуктивных клиник консультируют стороны, разъясняют им содержание договоров, а также их права и обязанности. Особенностью казахстанской модели является отсутствие необходимости в установлении родительских прав в судебном порядке. Основанием для признания родительских прав на ребенка, рожденного суррогатной матерью, является договор суррогатного материнства. Таким образом, при отсутствии условного депонирования денежных средств и страхования жизни и здоровья механизм защиты прав сторон преимущественно основан на юридическом инструменте, что позволяет отнести данную модель к рамочному типу.

Заключение

Анализ законодательства американской и казахстанской юрисдикций в области здравоохранения, репродуктивной медицины, страхования, семейного, гражданского, трудового права и права социального обеспечения выявило инструменты обеспечения надлежащего исполнения сторонами своих договорных обязательств, вытекающих из соглашений о вынашивании беременности, заключенных на территории соответствующего штата. В их числе финансовые, юридические и страховые инструменты, которые в совокупности представляют комплексный механизм защиты имущественных и неимущественных интересов суррогатной матери и биологических родителей.

В частности, сравнительно-правовое исследование механизмов защиты имущественных и неимущественных прав биологических родителей и суррогатной матери в РК и штатах Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Нью-Йорк, Невада, Флорида показало следующее. Существующий в американской модели правового регулирования суррогатного материнства финансовый механизм условного депонирования денежных средств на независимых *«Escrow Account»* или *«Trust Account»*, расходуемых на применение вспомогательных репродуктивных методов и технологий, защищает имущественные интересы биологических родителей и суррогатной матери, обеспечивает надлежащее исполнение ими договорных обязательств, исключает риски недобросовестного поведения суррогатной матери, вызванных предъявлением ею дополнительных имущественных требований, непредусмотренных соглашением о вынашивании, а также невыплат вознаграждений и компенсаций суррогатной матери вследствие неплатежеспособности биологических родителей.

Установленное законодательством штата Нью-Йорк обязательное требование о страховании жизни и здоровья суррогатной матери в период подготовки к зачатию, вынашивания беременности, родов и после родов, обеспечивает справедливое распределение между участниками суррогатного материнства рисков и последствий применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий. Страхование жизни и здоровья суррогатной матери отвечает взаимным интересам сторон. С одной стороны, страховой полис обеспечивает социальную защиту неимущественных интересов – жизнь и здоровье суррогатной матери от несчастных случаев и заболеваний, которые могут наступить в период зачатия, беременности, родов и после родов, предоставляя ей гарантии материальной поддержки. А с другой стороны, обеспечивает финансовую защиту имущественных интересов биологических родителей при неблагоприятном исходе беременности и родов, минимизируя риски и последствия применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий. Например, в случаях ампутации матки, фаллопиевой труб, яичников суррогатной матери страховая компания выплачивает ей денежную компенсацию, а в случаях ее смерти – супругу, детям, близким родственникам или выгодоприобретателю.

Медицинское страхование в зависимости от вида полиса обеспечивает финансирование расходов медицинского обследования и обслуживания, медикаментозного лечения, плановой, экстренной и неотложной госпитализации, родовспоможения, реабилитации, послеродового наблюдения.

В завершении исследования вносятся следующие предложения.

Во-первых, исходя из выявленного в ходе исследования комплексного типа модели механизма защиты прав сторон договора суррогатного материнства, в целях обеспечения надлежащего исполнения обязанностей предусмотреть в Кодексе РК «О браке (супружестве) и семье» возможность использования финансового инструмента условного депонирования денежных средств биологическими родителями для оплаты расходов, связанных с применением вспомогательных репродуктивных методов и технологий, медицинским обследованием суррогатной матери, а также ее медицинским обслуживанием в период беременности, родов и после родов в случаях и сроки, предусмотренные законодательством. Условное депонирование денежных средств должно носить диспозитивный характер и применяться в порядке и на условиях, предусмотренных договором суррогатного материнства.

Во-вторых, с учетом опыта штата Нью-Йорк в целях обеспечения социальной защищенности беременных и рожениц в программе суррогатного материнства предлагается предусмотреть в законодательстве РК обязательное страхование жизни и здоровья суррогатной матери на случай осложнений беременности и родов. Соответствующий вид обязательного страхования предлагается закрепить в Законе РК «О страховой деятельности». В Кодексе РК «О браке (супружестве) и семье» предлагается установить обязанность биологических родителей обеспечить страхование жизни и здоровья суррогатной матери в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством о страховой деятельности.

В-третьих, опираясь на процедурно-процессуальный тип модели механизма защиты прав сторон договора суррогатного материнства, в целях обеспечения юридической исполнимости договора и защищенности договора в последующем от оспаривания его законности в суде необходимо предусмотреть обязательное юридическое консультирование сторон адвокатами, специализирующимися на отраслях семейного, медицинского и репродуктивного права, до заключения договора суррогатного материнства, с разъяснением его существенных условий, правовых последствий заключения, изменения или расторжения, прав и обязанностей сторон, порядка, оснований и размера выплат компенсаций и вознаграждений.

Список использованной литературы

Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (дата обращения: 01.07.2026).

Кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения в Республике Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360 (дата обращения: 01.07.2026).

Агеева, К.А. (2016). *«Проблемы надлежащего исполнения договора суррогатного материнства в современной России»*, № 2, Юридический Вестник молодых ученых, С. 20-25.

Шабанова, А.С. (2019). *«Рисковый характер договора суррогатного материнства»,* № 3, Право и практика, С. 182-188.

Musayeva, A.Y. (2022). *«The essence of the surrogacy contract and its legal features»,* No. 1(101), Journal of Actual Problems of Jurisprudence, P. 32–40.

Seidinova, M., Ilyassova, G. (2023). *«Surrogacy in the Republic of Kazakhstan: A theoretical and legal perspective on legislative regulation improvements»*, No. 1(13), Rivista di Studi sulla Sostenibilità. P. 109–127.

Lima, D. (2024). *«Legal parenthood in surrogacy: shifting the focus to the surrogate's negative intention»*, Journal of Social Welfare and Family Law. No. 2(46), P. 245–266.

Mulligan, A. (2024). *«Surrogacy and the significance of gestation: Implications for law and policy»,* No. 8(38), Bioethics. P. 674–683.

2005 Illinois Code – Chapter 750 Families 750 ILCS 47/ Gestational Surrogacy Act // URL: https://law.justia.com/codes/illinois/chapter-750/act-750-ilcs-47/ (date of request: 10.07.2026).

Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, принятая Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

California Family Code, July 13, 1992. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=FAM&division=12.&title=&part=7.&chapter=&article= (date of request: 10.07.2026).

Family Court Act (FCT) Chapter 686, Article 5-C, Part 4. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/FCT/581-403 (date of request: 10.07.2026).

Gestational Surrogates' Bill of Rights. URL: https://health.ny.gov/community/pregnancy/surrogacy/surrogate_bill_of_rights.htm (date of request: 10.07.2026).

Public Health (PBH) Chapter 45, Article 25-B. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PBH/2599-CC (date of request: 10.07.2026).

New York Workers' Compensation Law. Article 9. Disability Benefits and Paid Family Leave Benefits Law (§§ 200–213). URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/WKC/A9 (date of request: 10.07.2026).

New York Workers' Compensation Law. Article 9, §§ 203-A–211. Paid Family Leave Benefits Law. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/WKC/204 (date of request: 10.07.2026).

New York State Labor Law. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/LAB (date of request: 10.07.2026).

Ralph, M. (2023), *«Tsong Paid Time Off for New York Surrogates and Intended Parents».* URL: https://www.tsonglaw.com/post/paid-time-off-for-new-york-surrogates-and-intended-parents (date of request: 30.06.2026).

Florida Statutes. Title XLIII «Domestic Relations». Chapter 742 «Determination of Parentage». § 742.15 «Gestational surrogacy contract» (2025). URL: https://www.flsenate.gov/laws/statutes/2025/742.15 (date of request: 30.06.2026).

House Bill 1487 «Surrogacy and Assisted Reproduction». – Florida Legislature, 2026 Session. URL: https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2026/1487/BillText/Filed/PDF#page=19 (date of request: 10.07.2026).

Why Escrow is Important in Florida Surrogacy: The Risks of "Self-Pay". URL: https://floridaadoptionattorney.com/blog/why-escrow-is-important-in-florida-surrogacy-the-risks-of-self-pay/

Nevada Revised Statutes. Chapter 126 «Parentage». § 126.770 «Marriage or domestic partnership of gestational carrier after executing gestational agreement does not affect validity of agreement» (2025). URL: https://law.justia.com/codes/nevada/chapter-126/statute-126-770/ (date of request: 30.06.2026).

Assembly Bill No. 472—Committee on Health and Human Services (A.B. 472). URL: https://legiscan.com/NV/bill/AB472/2019?utm_source (date of request: 30.06.2026).

Kim, Surratt, (2025). *«Surrogacy in Nevada»,* Nevada Lawyer. pp. 24-25. URL: https://nvbar.org/wp-content/uploads/NevadaLawyer_Nov2019_Surrogacy.pdf (date of request: 30.06.2026).

Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 года № 518-IV. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518 (дата обращения: 25.06.2026).

Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (дата обращения: 25.06.2026).

Приказ министра юстиции Республики Казахстан от 31 января 2012 года № 31 «Об утверждении Правил совершения нотариальных действий нотариусами». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1200007447 (дата обращения: 25.06.2026).

Договор суррогатного материнства от 2021 года № 39.

Договор суррогатного материнства от 2021 года № 2253.

Договор суррогатного материнства от 2023 года № 2319.

Договор суррогатного материнства от 2025 года № 3947.

Закон Республики Казахстан об обязательном социальном медицинском страховании от 16 ноябрь 2015 года № 405-V ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000405 (дата обращения: 25.06.2026).

Закон Республики Казахстан от 18 декабря 2000 года № 126 «О страховой деятельности». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000126_ (дата обращения: 25.06.2026).

Программа добровольного индивидуального страхования жизни и здоровья суррогатных матерей в рамках Правил добровольного индивидуального страхования жизни и здоровья суррогатных матерей АО «Компания по страхованию жизни «STANDARD LIFE» с Приложением 1 «Таблица страховых выплат по телесным травмам» // АО «КСЖ «STANDARDLIFE». – Алматы, 2025. – 17 с.

Приложение № 1 «Информированное согласие суррогатной матери» к Типовому Договору «Договор на предоставление платных медицинских услуг (ВРТ-суррогатная мать)», Институт Репродуктивной медицины, Алматы. 2025. – 8 с.

References

Konstitucija Respubliki Kazahstan ot 15 marta 2026 goda. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (data obrashhenija: 01.07.2026).

Kodeks o zdorov'e naroda i sisteme zdravoohranenija v Respublike Kazahstan. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360 (data obrashhenija: 01.07.2026).

Ageeva, K.A. (2016). «Problemy nadlezhashhego ispolnenija dogovora surrogatnogo materinstva v sovremennoj Rossii», № 2, Juridicheskij Vestnik molodyh uchenyh, S. 20-25.

Shabanova, A.S. (2019). «Riskovyj harakter dogovora surrogatnogo materinstva», № 3, Pravo i praktika, S. 182-188.

Musayeva, A.Y. (2022). *«The essence of the surrogacy contract and its legal features»,* No. 1(101), Journal of Actual Problems of Jurisprudence, P. 32–40.

Seidinova, M., Ilyassova, G. (2023). *«Surrogacy in the Republic of Kazakhstan: A theoretical and legal perspective on legislative regulation improvements»*, No. 1(13), Rivista di Studi sulla Sostenibilità. P. 109–127.

Lima, D. (2024). *«Legal parenthood in surrogacy: shifting the focus to the surrogate's negative intention»*, Journal of Social Welfare and Family Law. No. 2(46), P. 245–266.

Mulligan, A. (2024). *«Surrogacy and the significance of gestation: Implications for law and policy»,* No. 8(38), Bioethics. P. 674–683.

2005 Illinois Code – Chapter 750 Families 750 ILCS 47/ Gestational Surrogacy Act // URL: https://law.justia.com/codes/illinois/chapter-750/act-750-ilcs-47/ (date of request: 10.07.2026).

Konvencija o pravah rebenka ot 20 nojabrja 1989 goda, prinjataja Rezoljuciej 44/25 General'noj Assamblei. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (data obrashhenija: 01.07.2026).

California Family Code, July 13, 1992. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=FAM&division=12.&title=&part=7.&chapter=&article= (date of request: 10.07.2026).

Family Court Act (FCT) Chapter 686, Article 5-C, Part 4. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/FCT/581-403 (date of request: 10.07.2026).

Gestational Surrogates' Bill of Rights. URL: https://health.ny.gov/community/pregnancy/surrogacy/surrogate_bill_of_rights.htm (date of request: 10.07.2026).

Public Health (PBH) Chapter 45, Article 25-B. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PBH/2599-CC (date of request: 10.07.2026).

New York Workers' Compensation Law. Article 9. Disability Benefits and Paid Family Leave Benefits Law (§§ 200–213). URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/WKC/A9 (date of request: 10.07.2026).

New York Workers' Compensation Law. Article 9, §§ 203-A–211. Paid Family Leave Benefits Law. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/WKC/204 (date of request: 10.07.2026).

New York State Labor Law. URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/LAB (date of request: 10.07.2026).

Ralph, M. (2023), *«Tsong Paid Time Off for New York Surrogates and Intended Parents».* URL: https://www.tsonglaw.com/post/paid-time-off-for-new-york-surrogates-and-intended-parents (date of request: 30.06.2026).

Florida Statutes. Title XLIII «Domestic Relations». Chapter 742 «Determination of Parentage». § 742.15 «Gestational surrogacy contract» (2025). URL: https://www.flsenate.gov/laws/statutes/2025/742.15 (date of request: 30.06.2026).

House Bill 1487 «Surrogacy and Assisted Reproduction». – Florida Legislature, 2026 Session. URL: https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2026/1487/BillText/Filed/PDF#page=19 (date of request: 10.07.2026).

Why Escrow is Important in Florida Surrogacy: The Risks of "Self-Pay". URL: https://floridaadoptionattorney.com/blog/why-escrow-is-important-in-florida-surrogacy-the-risks-of-self-pay/

Nevada Revised Statutes. Chapter 126 «Parentage». § 126.770 «Marriage or domestic partnership of gestational carrier after executing gestational agreement does not affect validity of agreement» (2025). URL: https://law.justia.com/codes/nevada/chapter-126/statute-126-770/ (date of request: 30.06.2026).

Assembly Bill No. 472—Committee on Health and Human Services (A.B. 472). URL: https://legiscan.com/NV/bill/AB472/2019?utm_source (date of request: 30.06.2026).

Kim, Surratt, (2025). *«Surrogacy in Nevada»,* Nevada Lawyer. pp. 24-25. URL: https://nvbar.org/wp-content/uploads/NevadaLawyer_Nov2019_Surrogacy.pdf (date of request: 30.06.2026).

Kodeks Respubliki Kazahstan o brake (supruzhestve) i sem'e ot 26 dekabrja 2011 goda № 518-IV. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518 (data obrashhenija: 25.06.2026).

Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Osobennaja chast') ot 1 ijulja 1999 goda № 409. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (data obrashhenija: 25.06.2026).

Prikaz ministra justicii Respubliki Kazahstan ot 31 janvarja 2012 goda № 31 «Ob utverzhdenii Pravil sovershenija notarial'nyh dejstvij notariusami». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1200007447 (data obrashhenija: 25.06.2026).

Dogovor surrogatnogo materinstva ot 2021 goda № 39.

Dogovor surrogatnogo materinstva ot 2021 goda № 2253.

Dogovor surrogatnogo materinstva ot 2023 goda № 2319.

Dogovor surrogatnogo materinstva ot 2025 goda № 3947.

Zakon Respubliki Kazahstan ob objazatel'nom social'nom medicinskom strahovanii ot 16 nojabr' 2015 goda № 405-V ZRK. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000405 (data obrashhenija: 25.06.2026).

Zakon Respubliki Kazahstan ot 18 dekabrja 2000 goda № 126 «O strahovoj dejatel'nosti». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000126_ (data obrashhenija: 25.06.2026).

Programma dobrovol'nogo individual'nogo strahovanija zhizni i zdorov'ja surrogatnyh materej v ramkah Pravil dobrovol'nogo individual'nogo strahovanija zhizni i zdorov'ja surrogatnyh materej AO «Kompanija po strahovaniju zhizni «STANDARD LIFE» s Prilozheniem 1 «Tablica strahovyh vyplat po telesnym travmam» // AO «KSZh «STANDARDLIFE». – Almaty, 2025. – 17 s.

Prilozhenie № 1 «Informirovannoe soglasie surrogatnoj materi» k Tipovomu Dogovoru «Dogovor na predostavlenie platnyh medicinskih uslug (VRT-surrogatnaja mat')», Institut Reproduktivnoj mediciny, Almaty. 2025. – 8 s.

Received: 21.08.2026. Accepted: 29.09.2026. Available online: 30.09.2026.

GRSTI 10.21.63
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-86-99

Legal aspects of taxing foreign digital companies in the Republic of Kazakhstan

Karlygash Nurseiit
Master of Laws in the Educational Program "International Law",
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: nurseitova_k.h@mail.ru,
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-7297-8348

Lyazzat Nyssanbekova*
PhD, Assistant Professor of the Department of International Law,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: lazzat_nb9@mail.ru,
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1547-6816

Zhuldyz Umbetbayeva
PhD, Acting Associate Professor of the Department of Civil Law, Civil Procedure and Labour Law,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: umbetbaevazhuldyz@gmail.com,
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0291-7405

Abstract. The article examines the legal regulation of taxation of foreign digital companies in the Republic of Kazakhstan in the context of the digital economy. The relevance of the study is determined by the rapid growth of cross-border digital services and the need to adapt national tax legislation to new business models that operate without a physical presence in the state where services are consumed. The purpose of the research is to analyze Kazakhstan's current legislation governing the taxation of foreign digital companies, identify existing regulatory challenges, and develop proposals for improvement based on international experience. The study employs comparative legal, systemic, and formal-logical methods, as well as an analysis of international approaches to digital taxation.

The scientific novelty of the research lies in the comprehensive assessment of Kazakhstan's digital taxation framework in light of the new Tax Code of 2025 and international initiatives such as BEPS, Pillar One, and Pillar Two. The findings reveal challenges related to the identification of non-resident taxpayers, transparency of digital transactions, and cross-border exchange of tax information. The study concludes that Kazakhstan should establish a legal definition of digital services, improve tax administration, and harmonize national legislation with international standards. The findings may contribute to the development of tax policy and the further improvement of Kazakhstan's digital taxation framework.

Keywords: digital economy, international taxation, foreign digital companies, digital services tax, e-commerce, value added tax.

Қазақстан Республикасында шетелдік цифрлық компанияларға салық салудың құқықтық аспектілері

Нұрсейіт Қарлығаш Хайроллақызы
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Халықаралық құқық» білім беру бағдарламасының заң ғылымының магистры

e-mail: nurseitova_k.h@mail.ru,
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-7297-8348

Нысанбекова Ляззат Бегимжановна
PhD докторы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
халықаралық құқық кафедрасының ассистент-профессоры
e-mail: lazzat_nb9@mail.ru,
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1547-6816

Умбетбаева Жұлдыз Баймұратқызы
PhD докторы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
азаматтық құқық, азаматтық іс жүргізу және еңбек құқығы кафедрасы доцентінің міндетін атқарушы
e-mail: umbetbaevazhuldyz@gmail.com,
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0291-7405

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы шетелдік цифрлық компаниялардың қызметіне салық салудың құқықтық тәртібі және оны реттеудегі негізгі мәселелер қарастырылған. Авторлар цифрлық экономиканың қарқынды дамуы жағдайында дәстүрлі салық тетіктерінің шетелдік цифрлық компаниялардың қызметін реттеудегі жеткіліксіздігін атап көрсетеді. Қазіргі цифрлық модельдер қызмет көрсетілетін мемлекетте шетелдік цифрлық компаниялардың физикалық түрде қатысуын талап етпейді. Зерттеуде 2022 жылдан бастап енгізілген «Google салығы» деп аталатын салық салудың жаңа қағидаларына, сондай-ақ 2025 жылғы жаңа Салық кодексіндегі өзгерістерге ерекше назар аударылған. Еуропалық одақ, Франция, Үндістан және Қытайдың тәжірибесі назарға алынды. Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамадағы салық заңнамасын кешенді талдау және олқылықтарды анықтау, халықаралық стандарттар негізінде нақты жетілдіру бағыттарын ұсыну. Зерттеу барысында салыстырмалы-құқықтық талдау, жүйелік және формальды-логикалық әдістер құрылымдық-функционалдық және әлеуметтік-мәдени әдістер, сондай-ақ халықаралық тәжірибені талдау қолданылды. Сонымен қатар, шетелдік юрисдикциялардың аталған мәселені реттеу үлгілері қарастырылды. Зерттеу нәтижесінде бейрезиденттерді сәйкестендіру, транзакциялардың ашықтығы және мемлекетаралық ақпарат алмасу бойынша реттеудің тиімсіздігі бюджет кірісінің толық есептелмеуіне алып келетіндігі анықталды. Бұл жергілікті бизнестің бәсекелік жағдайына да, ұлттық валюта балансына да теріс әсер етеді. Авторлар «цифрлық қызметтер» ұғымын Салық кодексінде ашып көрсету және ұлттық реттеуді BEPS, Pillar one, Pillar two халықаралық стандарттарымен үйлестіру қажеттілігін тұжырымдайды. Нәтижелерді мемлекеттік салық саясатын әзірлеуде және цифрлық қызметтерді реттейтін нормативтік актілерді жетілдіруде пайдалануға болады.

Кілт сөздер: цифрлық экономика, халықаралық салық салу, шетелдік цифрлық компаниялар, цифрлық қызметтерге салық, электрондық сауда, қосымша құн салығы.

Правовые аспекты налогообложения иностранных цифровых компаний в Республике Казахстан

Нұрсейіт Қарлығаш Хайроллақызы
магистр юридических наук образовательной программы
«Международное право»
Казахского национального университета имени аль-Фараби
e-mail: nurseitova_k.h@mail.ru,

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-7297-8348

Нысанбекова Ляззат Бегимжановна
доктор PhD, ассистент-профессор
кафедры международного права
Казахского национального университета имени аль-Фараби
e-mail: lazzat_nb9@mail.ru,
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1547-6816

Умбетбаева Жұлдыз Баймұратқызы
доктор PhD, и. о. доцента
кафедры гражданского права, гражданского процесса и трудового права
Казахского национального университета имени аль-Фараби
e-mail: umbetbaevazhuldyz@gmail.com,
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0291-7405

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты налогообложения иностранных цифровых компаний в Республике Казахстан в условиях развития цифровой экономики. Актуальность темы обусловлена ростом трансграничных цифровых услуг и необходимостью адаптации национального налогового законодательства к новым бизнес-моделям, не требующим физического присутствия компании в государстве потребления услуг. Цель исследования заключается в комплексном анализе действующего законодательства Республики Казахстан в сфере налогообложения иностранных цифровых компаний, выявлении существующих проблем правового регулирования и разработке предложений по его совершенствованию с учетом международного опыта. В работе использованы сравнительно-правовой, формально-логический, системный методы исследования, а также анализ международной практики и нормативных правовых актов.

Научная новизна исследования состоит в комплексной оценке механизма налогообложения цифровых услуг в Казахстане с учетом положений нового Налогового кодекса Республики Казахстан 2025 года, а также международных инициатив BEPS, Pillar One и Pillar Two. В результате исследования установлено, что существующие механизмы налогового администрирования не обеспечивают в полной мере идентификацию нерезидентов, прозрачность цифровых транзакций и эффективный международный обмен налоговой информацией. Проведенный анализ опыта Европейского союза, Франции, Индии и Китая позволил выявить наиболее эффективные инструменты регулирования цифровых услуг. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления понятия «цифровые услуги», совершенствования налогового администрирования и гармонизации национального законодательства с международными стандартами цифрового налогообложения. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании налоговой политики Республики Казахстан.

Ключевые слова: цифровая экономика, международное налогообложение, иностранные цифровые компании, налог на цифровые услуги, электронная торговля, налог на добавленную стоимость.

Introduction

The rapid development of the digital economy has fundamentally changed traditional models of international trade and service delivery. Digital platforms, cloud services, online marketplaces, streaming services, and other types of electronic services are increasingly operating across national borders without establishing a physical presence in the countries where their consumers are located. These changes create serious challenges for national tax systems, especially when it comes to collecting value-added tax (VAT) from foreign suppliers of digital services.

As President Kassym-Jomart Tokayev noted at the 6th meeting of the National Public Trust Council: 'Digitalization must not slow down under any circumstances; it must encompass all spheres of life' [1]. As Sarsembaev and other authors point out, in global rankings that assess countries' digital competitiveness, Kazakhstan also shows good results, and for more effective measures to develop the digital economy, it is necessary, in particular, to prioritize policies aimed at improving digital literacy and expanding broadband infrastructure to support and accelerate economic growth [2]. This course also requires the tax system to adapt to the new forms of digital business.

The Republic of Kazakhstan is increasingly recognized as a regional leader in digital development, particularly in such domains as financial technology (fintech), information technology exports, digitalization of public services, and artificial intelligence [3]. Nevertheless, the rapid integration of digital technologies into the economy necessitates a corresponding and timely revision of tax policy. Given the distinctive characteristics of digital services, the tax system must evolve in response to contemporary demands. This requirement is especially pertinent in the case of foreign digital enterprises, as it is essential to establish a tax regime that is adaptable, transparent, and equitable with respect to emerging business models.

International practice demonstrates a variety of approaches to taxing digital services, with models predominantly adopting the principle of taxation in the jurisdiction of consumption. The European Union, France, India and China have introduced specific mechanisms to ensure the transparency of digital transactions and to bring non-resident entities into the tax reporting system. These models contribute to the development of global standards under the Base Erosion and Profit Shifting (BEPS) initiatives, as well as to the creation of multilateral instruments such as Pillar One and Pillar Two.

The primary challenge for Kazakhstan is to ensure the fair taxation of foreign digital companies while maintaining a competitive environment and the stability of the national tax system. Despite the application of value-added tax (VAT) rules to electronic services, several issues remain unresolved, including the identification of non-residents, disclosure of transaction-related information, coordination with international tax authorities, and the integration of digital technologies into tax control processes.

In this context, a comprehensive analysis of the legal regulation governing the taxation of digital services, a comparison of the Kazakhstani model with foreign approaches and an assessment of its alignment with global trends in the development of the digital economy have become objective necessities. Such an analysis helps identify priorities for legislative modernization and improve the effectiveness of national tax policy.

The purpose of this study is to analyze the legal regulation of taxation of foreign digital companies in the Republic of Kazakhstan, identify existing legal and administrative challenges, and develop proposals for improving national legislation based on international standards and foreign experience.

The objectives of the study are:

– to examine the current legal framework governing the taxation of foreign digital companies in the Republic of Kazakhstan;

– to analyse international approaches to the taxation of digital services, including the experience of the European Union, France, India and China;

– to identify existing problems in tax administration and the regulation of digital services;

As of today, a comprehensive assessment of Kazakhstan's legal framework regarding VAT on foreign digital services is both timely and necessary. Such an assessment helps evaluate the effectiveness of existing regulatory mechanisms, compare national approaches with international practices, identify remaining legal and administrative gaps, and formulate recommendations for improving tax regulation amid ongoing digital transformation.

Methods and materials

In this study, a comparative-legal analysis method was employed. It enabled a comparison of the national tax legislation of the Republic of Kazakhstan with the approaches to taxing digital services implemented in France, China, India and the member states of the European Union.

For the historical-legal assessment of the study, the provisions of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan (2017 edition), which regulate the taxation of electronic services provided by foreign companies, were employed. This approach enabled the identification of the prerequisites and directions for subsequent reform. Special attention is given to the provisions of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan, adopted on July 18, 2025, which came into force in 2026 and introduced updated VAT rules for foreign digital service providers. The code does not put these rules in a separate section; rather, it weaves them into the existing value-added tax system for non-residents doing business through the internet. So, the guidelines fit within the broader tax practices for digital transactions.

The study utilized the provisions of existing normative legal acts of foreign states, as well as documents from international organizations that establish digital taxation standards. The study employed a comprehensive combination of content analysis and formal-logical research methods. The study also relied on scientific publications by domestic and foreign scholars, expert commentaries, analytical materials from international organizations and statistical data from the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. The comprehensive application of these methods enabled an objective assessment of the current state of taxing digital services, the identification of existing shortcomings, and the determination of prospective directions for further development. To improve the language quality and readability of the manuscript when preparing the final version of the article, AI-based text editing tools were used. These tools were used solely for language enhancement and were not involved in the development, legal analysis of the article, or in formulating the conclusions.

Results

The development of a Kazakhstani model for taxing foreign digital companies. Over the last decade, digital technologies have fundamentally changed the traditional methods of providing goods and services. Intangible digital products, such as subscription services, online learning, cloud computing, have become objects of economic turnover. In this context, the issue of fair taxation for foreign digital companies that generate income within Kazakhstan without a physical presence is of particular importance. The activities of transnational internet corporations such as Google, Apple, Amazon, Meta and Netflix are poorly subject to the classic mechanisms of tax regulation and objectively necessitate a rethinking of traditional fiscal approaches.

Global digitalization has changed the structure of international services trade. In other words, forms of economic activity have emerged that do not fit the taxation model based on the permanent establishment criterion. Foreign online platforms, marketplaces, cloud services and streaming services can provide remote services to Kazakhstani consumers without establishing a legal or physical presence in Kazakhstan. This requires adapting national tax legislation and developing new mechanisms for tax administration aimed at the digital economy.

From a national legislative standpoint, the obligation to pay tax may arise not only for residents but also for non-residents receiving income from sources in the Republic of Kazakhstan. This principle is enshrined in the tax legislation and remains significant even in the context of digitalization. At the same time, the traditional rules based on a company's physical presence are insufficient to effectively regulate digital business models. This refers to major digital platforms such as Google, Apple, Huawei, Netflix, and Aliexpress. Payments for their services are made in foreign currency, and the funds effectively bypass domestic tax mechanisms and are transferred outside the national economy. This situation leads to lower tax revenues and negatively affects the balance of payments and competitiveness of local businesses. Since 1 January 2022, Kazakhstan has applied special VAT rules to foreign companies engaged in electronic trade in goods and in the provision of electronic services to individuals.

These rules were introduced by Law of the Republic of Kazakhstan No. 382-VI of 10 December 2020, which supplemented the Tax Code of the Republic of Kazakhstan of 25 December 2017 No. 120-VI with Chapter 90; the new provisions entered into force on 1 January 2022 [4, 5]. Thus, 2017 is the year of adoption of the Tax Code itself, whereas the rules on foreign electronic services became part of it only from 2022. These provisions impose on foreign electronic service providers the obligation to register on a conditional basis and to pay value-added tax at a rate of 12%. The rules take into account the specifics of digital commerce and are aimed at preventing tax evasion: the basic concepts (Article 777), the procedure for registering foreign companies (Article 778), general provisions (Article 779), and the mechanism for calculating and paying value-added tax (Article 780) were defined normatively [4]. These provisions laid the foundation for establishing a national model for taxing digital services and led to significant fiscal results. According to the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan, approximately 75 billion tenge was collected into the budget in the three years following the implementation of the "Google tax", of which 35 billion tenge was accounted for in the last year alone [6]. According to the State Revenue Committee of the Ministry of Finance, by the end of 2024 98 foreign companies had been registered under this mechanism, including Alibaba, AliExpress, Apple, Google, Huawei, Netflix, Pinduoduo and Temu [7], which testifies to the further expansion of the existing mechanism. All of this demonstrates the need for the continuous improvement of tax policy in the context of economic digitalization.

The new Tax Code of the Republic of Kazakhstan, dated 18 July 2025, marked a systematic phase in the reform of tax policy. It provides for raising the standard rate of value-added tax to 16% and further developing the mechanism for drawing non-residents operating through digital channels and online platforms into the indirect tax system. At the same time, the new Code does not provide a standalone statutory definition of the concept of "digital services"; the relevant provisions are incorporated into the value added tax section of the Code. Conditional registration of a foreign company as a taxpayer is governed by Article 102 (Chapter 7 "Tax registration"), while the specifics of taxation are set out in Chapter 95, which regulates the taxation of foreign companies engaged in electronic trade in goods and in the provision of services in electronic form to individuals. Chapter 95 consists of Article 826 (general provisions: a foreign company registered under Article 102 is recognised as a VAT payer; the place of supply is determined by criteria such as the buyer's place of residence in Kazakhstan, the location of the bank through which payment is made, the network address used for the purchase and the international code of the telephone number), Article 827 (the procedure for calculating and paying VAT at the standard rate established by paragraph 1 of Article 503, i.e. 16%, no later than the 25th day of the second month following the quarter) and Article 828 (transitional provisions) [8]. Unlike the former Chapter 90, which opened with Article 777 on basic concepts, Chapter 95 contains no separate article with definitions. This approach lays the groundwork for taxing the digital economy, but it may also create legal uncertainty when distinguishing between individual types of services.

Analysis of international regulatory practice. To prepare concrete legislative proposals, it is important to study international practices in digital taxation. Today, rules obliging foreign suppliers of digital services to register for and collect VAT/GST in the country of consumption (often referred to as the "Google tax") are applied in more than 110 jurisdictions [9], and the underlying OECD International VAT/GST Guidelines reflect a consensus of more than 100 jurisdictions [10]; separate turnover-based digital services taxes have been introduced by a much narrower group of states.

France was one of the first countries to develop and implement its own model for taxing digital companies. In accordance with Article 299 of the French Tax Code, a tax on digital services (GAFA Tax) was introduced, which applies to two main types of revenue: revenues from digital platforms (marketplaces, social networks) that enable users to interact, and revenues from targeted online advertising based on the processing of user data [11]. The tax is only paid by large companies with an annual global turnover exceeding €750 million, of which at least €25 million is attributable to France; the rate is set at 3% of the tax base as defined in the law [11, 12]. This model places a special

emphasis on taxing the most successful players in the digital market that operate without a physical presence.

India's approach is also noteworthy: digital services are regulated under the Goods and Services Tax (GST). Indian legislation distinguishes a separate category of services known as OIDAR (Online Information and Database Access or Retrieval Services). This includes electronic advertisements, cloud services, access to digital libraries, software, online games and other digital formats [12]. The main characteristic of these services is that they are provided automatically with minimal human involvement. The tax liability arises regardless of the foreign company's physical presence, provided the services are supplied to Indian consumers. Indian case law, in turn, illustrates the limits of traditional income tax concepts when applied to digital business. In the dispute Google India Private Limited v. Deputy Director of Income Tax, the Income Tax Appellate Tribunal (Bangalore), in its order of 23 October 2017, held that the distribution fees paid by Google India to Google Ireland under the AdWords programme constituted "royalty" subject to withholding tax in India [13]. However, in its order of 19 October 2022 the Tribunal reached the opposite conclusion, finding that these payments were neither royalty nor fees for technical services, and this approach was followed in 2024 [14]. The instability of such income tax characterisation explains why India relied on the indirect taxation of digital services (the OIDAR rules under the GST), which link the tax obligation to the place of consumption rather than to the characterisation of the foreign supplier's income.

In China, digital services are subject to value-added tax through the "Golden Tax System" – the system is in its fourth stage of development [15]. The system replaces paper invoices with electronic ones, enabling tax authorities to better monitor companies' obligations and exchange data with banks. Electronic invoices with unique numbers are issued, delivered and verified; usage limits are set according to credit rating and the nature of the company's activities. This approach enhances the transparency of tax administration. Thus, China is establishing a model that closely links digital taxation with the monitoring of financial flows and cross-border transactions.

The European Union has also introduced important mechanisms for digital taxation. Since 2015, the EU has applied rules requiring companies to charge value-added tax according to the consumer's location, not the seller's [16]. This means that, Digital providers without a physical presence in the EU member states are also obliged to comply with the VAT rules of the relevant member state if they sell digital products to citizens of those countries. According to Council Directive 2006/112/EC and its implementing rules, electronically supplied services include software downloads, mobile applications, streaming services, e-books, online courses and webinars; the sale of physical goods via the internet or the provision of services in person is not covered by these regulations [17]. The Court of Justice of the European Union, in its judgment of 19 December 2019 in Case C-390/18 Airbnb Ireland UC, held that an intermediation service provided through an electronic platform connecting hosts with guests constitutes an "information society service" within the meaning of Directive 2000/31/EC on electronic commerce, and that France could not enforce against Airbnb Ireland the requirements of its legislation on real estate professions (the so-called Hoguet Law), since it had not notified those measures as required by that Directive [18]. It should be emphasised that this is not a tax case: the dispute concerned the legal qualification of the platform's service under the E-Commerce Directive. Nevertheless, it is relevant to the present study, because the qualification of a digital intermediary's activity as an information society service is a preliminary legal question that also shapes the classification of platform services for regulatory and, potentially, tax purposes.

In this regard, international practice clearly demonstrates the intention of states to adapt tax regulation to the new conditions of the digital economy. The general trend is a shift from the principle of physical presence to taxing digital services based on the actual place of consumption, which ensures a fairer distribution of the tax burden and protects the interests of the state in the context of cross-border e-commerce.

Current state of legislative regulation in Kazakhstan. As of 1 January 2022, special rules for the taxation of foreign companies providing electronic services to individuals have been introduced in the Republic of Kazakhstan. These companies were required to register for value-added tax under a simplified procedure and to pay it at a rate of 12%. The rules are set out in Chapter 90 of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan (2017 edition): key concepts (Article 777), registration procedure (Article 778), general rules (Article 779) and the mechanism for calculating and paying value-added tax (Article 780) were defined [4, 5]. These provisions took into account the specifics of digital trade and were aimed at combating tax evasion.

The adoption of the new Tax Code of the Republic of Kazakhstan on 18 July 2025 marked a shift towards the systematic regulation of tax relations in the context of economic digitalization. The updated rules on value added tax, established in Chapter 95 (Articles 826–828) and Article 102 of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan [8], are aimed at expanding the state's tax jurisdiction over cross-border operations carried out through online platforms. Although the Code does not contain a legal definition of the term “digital services”, the introduced mechanisms allow for a significant part of the activities of foreign online platforms to be subject to tax regulation.

In addition, the legislation now provides for restricting access to the internet resources of foreign companies that fail to register as VAT payers: on the basis of a decision of the tax authority, the authorised body in the field of mass media issues an order to restrict access under Article 41-1 of the Law “On Communications” [19].In accordance with the introduced regulations, foreign legal entities operating through online platforms and interacting with consumers in Kazakhstan are obliged to submit a confirmation letter to the tax authority within one month from the date of the first payment received from a Kazakhstani buyer, after which they are included in the register of foreign companies (Article 102) [8]. This registration does not require the opening of a representative office or a permanent establishment in Kazakhstan, which is in line with the international trend of moving from the principle of territorial taxation to the principle of taxation at the place of consumption.

Despite all the advantages of the new Code, significant issues remain. Firstly, the lack of a clear definition of the concept of “digital services” in the legislation creates legal uncertainty for foreign providers when determining their tax obligations and their scope. Furthermore, the existing tax administration mechanisms complicate the identification of non-residents, the specifics of cross-border payment operations, the limited level of cross-border tax information exchange, as well as the lack of uniform standards for disclosing data on digital transactions. As a result, although the new Code lays the regulatory foundation for regulating cross-border digital transactions, the existing provisions require further clarification.

Applicability of the Pillar One and Pillar Two initiatives to Kazakhstan. Kazakhstan is a member of the OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS and has joined the Two-Pillar Solution to address the tax challenges arising from the digitalisation of the economy [20, 21]. However, the practical significance of the two pillars for Kazakhstan differs considerably, and they cannot be regarded as a direct continuation of the national model: both pillars concern corporate income tax, whereas the Kazakhstani “Google tax” is an indirect tax on consumption.

Pillar One (Amount A) is intended to reallocate to market jurisdictions a share of the profits of the largest and most profitable multinational groups regardless of their physical presence. It applies to groups with global turnover above €20 billion and profitability above 10%; 25% of residual profit, defined as profit in excess of 10% of revenue, is to be allocated to market jurisdictions using a revenue-based allocation key. A special nexus rule allows a market jurisdiction to receive an allocation if the in-scope group derives at least €1 million in revenue from it, while for jurisdictions with GDP below €40 billion this threshold is lowered to €250,000 [20]. Since Kazakhstan’s GDP considerably exceeds €40 billion, the general threshold of €1 million would apply to it. In practice, this means that Kazakhstan could qualify as a market jurisdiction for the largest digital groups already registered under the national VAT regime (Google, Apple, Alibaba Group and others), provided that their revenues from Kazakhstani users can be reliably sourced. It is here that the data accumulated through the conditional registration mechanism – the buyer’s place of residence, the location of the

bank, the network address and the telephone code – could become the evidentiary basis for revenue sourcing. At the same time, the implementation of Amount A presupposes that participating states withdraw digital services taxes and relevant similar measures and refrain from introducing new ones; the interaction of these commitments with national measures is especially sensitive for Asian market jurisdictions [22]. Because the Kazakhstani regime is a VAT on consumption rather than a turnover-based digital services tax, it is not affected by this commitment; however, a potential introduction of a separate digital services tax in Kazakhstan would be incompatible with Pillar One. The prospects of Amount A entering into force also remain uncertain, particularly after the United States declared in January 2025 that the OECD Global Tax Deal has no force or effect in the United States [23].

Pillar Two (the GloBE rules) establishes a global minimum effective tax rate of 15% for multinational groups with annual consolidated revenue of at least €750 million, implemented through the Income Inclusion Rule, the Undertaxed Profits Rule and qualified domestic minimum top-up taxes [20, 21]. For Kazakhstan, Pillar Two is relevant not as an instrument for taxing foreign digital companies, whose profits are generally taxed in their states of residence, but as a factor affecting Kazakhstani constituent entities of foreign multinational groups: if their effective tax rate falls below 15% (for example, because of investment preferences or special economic zone regimes), the top-up tax may be collected by other jurisdictions [21]. According to the State Revenue Committee, as of October 2024 the Pillar Two rules were still under review in Kazakhstan [24], and the text of the new Tax Code of 2025 does not contain GloBE rules. Therefore, the priority for Kazakhstan is to assess the feasibility of a qualified domestic minimum top-up tax, which would allow the top-up tax on low-taxed Kazakhstani profits to be collected in Kazakhstan rather than abroad.

Discussion

The comparative analysis demonstrates that Kazakhstan has largely adopted the international trend of taxing digital services according to the place of consumption rather than the place of establishment of the service provider. Nevertheless, the existing regulatory framework remains primarily focused on VAT collection and has not yet developed a comprehensive mechanism capable of ensuring full transparency of cross-border digital transactions. In this regard, Kazakhstan's experience reflects many of the challenges encountered by other jurisdictions during the early stages of digital tax regulation.

The research conducted has made it possible to identify systemic shortcomings in the legal regulation and administration of taxation for foreign companies in the digital sphere. During the analysis, the following key issues were identified:

– the actual scope of digital services provided by non-residents and the difficulty for tax authorities to exercise full oversight of their monetization;

– the practical difficulty of identifying non-residents providing electronic services in the absence of a physical presence in Kazakhstan;

– the insufficient level of interaction between the tax authorities and the payment systems and banks serving the relevant transactions;

– the absence of a mechanism for automated information exchange with foreign tax authorities, which significantly limits the monitoring of tax compliance.

A comparison with foreign legislation shows that such difficulties are not unique to Kazakhstan. For example, in Russia, since 2017 foreign companies providing services in electronic form have been subject to VAT under Article 174.2 of the Tax Code of the Russian Federation, and since 2019 these rules have also covered supplies to business customers; registration of such foreign companies with the tax authorities is mandatory under paragraph 4.6 of Article 83 of the Tax Code of the Russian Federation [25, 26]. The Russian experience is instructive for Kazakhstan in two respects. First, Article 174.2 of the Russian Tax Code contains a detailed list of services recognised as services in electronic form, whereas the Kazakhstani Code, as shown above, lacks such a catalogue. Second, the Russian model makes the foreign intermediary platform that participates in settlements with the buyer liable for VAT, which reduces the number of taxpayers the tax authority has to administer. In Kazakhstan, where about one hundred foreign platforms have already been registered,

clarifying the status of intermediary platforms would reduce the risk of double or omitted taxation in multi-level marketplace schemes.

According to Weiqun Xie and Xin Lin, 'in the context of the rapid development of the global digital economy, tax administration should focus on cross-border transactions. Facing unprecedented challenges due to the transfer of intangible assets and the growing importance of data as a factor of production. To address these challenges, institutional innovations are needed along three interconnected dimensions: standardization, cross-jurisdictional coordination and data compatibility" [27]. The authors propose establishing a multi-level law enforcement mechanism covering regional and global levels: conducting joint investigations, exchanging information on a risk-assessed basis, mutual recognition of compliance, and effective dispute resolution; only in this way can the effectiveness and transparency of transnational oversight be enhanced.

In our view, these three dimensions can be translated directly into the Kazakhstani agenda. Standardisation means, first of all, a statutory definition and an exhaustive list of services in electronic form. Cross-jurisdictional coordination implies for Kazakhstan not so much new multilateral instruments as the effective use of existing ones: the register of conditionally registered foreign companies, information exchange within the Eurasian Economic Union and under international tax agreements. Data compatibility requires linking the register of foreign companies with information from second-tier banks and payment organisations on payments made by individuals in favour of foreign online platforms; without such a link, the tax authority cannot verify whether the amounts declared by foreign companies correspond to the actual volume of payments made by Kazakhstani consumers.

On the one hand, an excessive tax burden could hinder the development of local digital innovations, particularly in relation to intermediary platforms that distribute content. On the other hand, the European Directive 2006/112/EC is aimed at harmonizing tax rules and ensuring a fair method of taxation for digital services, including those provided by non-residents [17, 28].

Applied to Kazakhstan, this dilemma is not purely theoretical. The increase in the standard VAT rate from 12% to 16% under the new Tax Code automatically applies to foreign electronic services, which raises the final price for consumers and, consequently, the incentives for non-compliance by smaller foreign providers for whom the Kazakhstani market is not significant enough to justify registration. At the same time, an equal rate for residents and non-residents is a precondition for tax neutrality: before the introduction of the “Google tax”, domestic digital companies were placed at a disadvantage compared with foreign platforms that did not charge VAT. Therefore, the key task for Kazakhstan is not to reduce the tax burden but to reduce compliance costs for foreign suppliers – through simplified electronic registration and declaration procedures, clear guidance in English and a predictable list of taxable services – following the logic of the EU One-Stop-Shop.

Some experts advocate the introduction of a universal digital tax that could operate within the framework of international agreements. As Alexandrov notes, digital transformation requires not only updating the tax base but also re-examining the principles of interaction between tax authorities and taxpayers in the areas of personal data protection and simplification of procedures [29].

At the same time, we consider the introduction of a separate digital services tax in Kazakhstan premature. First, such a tax would conflict with the commitments that Kazakhstan may assume under Pillar One. Second, the French experience shows that such taxes are designed for large markets with significant advertising and platform revenues, whereas in Kazakhstan the additional fiscal effect would be limited compared with the already functioning VAT mechanism, which has yielded about 75 billion tenge [6]. Third, a digital services tax creates risks of double taxation and of trade disputes with the states of residence of digital groups. Therefore, the Kazakhstani model should be developed by improving the VAT mechanism and its administration rather than by introducing a new turnover tax.

According to Sultanova and co-authors, "traditional methods of regulation in the digital economy, especially in the field of taxation, lose their effectiveness, this creates the need to develop new tax regulations that take into account the specifics of the technologies being used" [30]. The

analysis carried out in this study confirms this conclusion with respect to Kazakhstan: the most effective foreign models link the tax obligation to the actual place of consumption of the service, use automated systems for recording transactions and ensure advanced interaction between tax authorities and the financial and payment sector. Kazakhstan has already implemented the first of these elements, while the second and third remain the main reserves for improving the national model.

Conclusion

Based on the research conducted, the following key findings were identified:

– systemic gaps in the legal regulation and administration of the taxation of foreign digital companies were identified;

– the need for a comprehensive modernization of tax administration and the further strengthening of international cooperation was confirmed, with a particular focus on developing agreements with foreign states for the exchange of information on digital services within the framework of the BEPS, Pillar One and Pillar Two initiatives;

– risks of lost budget revenues were identified due to the insufficient coverage of the existing mechanism for taxing digital services.

The study conducted confirms that the issue of taxing foreign digital companies remains one of the key challenges in the Republic of Kazakhstan's tax policy system. Despite the significant progress achieved through the introduction of the conditional registration mechanism and a digital value-added tax, the issues of the effectiveness of tax control, international coordination, and the further harmonization of national legislation with international standards remain as pressing as ever.

The effective implementation of digital taxation is not limited to legislative reform but also requires the introduction of modern technological tools for tax administration. The research findings provide the basis for formulating the following practical recommendations:

– to establish the concept of “digital services” with an independent normative definition and an exhaustive list of services in electronic form in the Tax Code of the Republic of Kazakhstan, aligning it with the approaches in EU directives and India's OIDAR system;

– developing effective mechanisms for identifying foreign online providers: legislating for information exchange with banks, strengthening cooperation with payment systems;

– Concluding bilateral and multilateral agreements to automate international tax information exchange under the OECD's CRS standard and BEPS initiatives;

– developing an electronic invoicing system, modelled on China's “Golden Tax System”, to ensure the transparency of cross-border digital transactions;

– assessing the feasibility of a qualified domestic minimum top-up tax under Pillar Two and preparing the revenue-sourcing data needed for Kazakhstan’s participation as a market jurisdiction under Pillar One, while refraining from introducing a separate digital services tax.

The systematic implementation of these measures will pave the way for the improvement of the digital taxation model in Kazakhstan, an increase in budget revenues, the levelling of the competitive position for local businesses, and the country's active participation in international tax cooperation.

Overall, Kazakhstan has created a functional legal framework for taxing VAT on foreign digital services and has made significant progress by introducing conditional registration mechanisms for non-resident suppliers. Nevertheless, the country's economy, in the context of growing digitalization, requires further improvement of tax legislation and its administration to ensure stable government revenue and create more balanced conditions for competition.

References

Tokaev, K.Zh. (2019). Vystuplenie Glavy gosudarstva K.Zh. Tokaeva na VI zasedanii Natsionalnogo soveta obshchestvennogo doveriya [Speech of President K. Tokayev at the VI meeting of the National Council of Public Trust]. Almaty, 20 December 2019. [Electronic resource] –2019– URL: https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-ulttyk-kogamdyk-senim-kenesinin-vi-otyrysyna-katysty-16101620 (Date of request: 15.06.2025) [in Kazakh].

Sarsembayev, M., Hoang, T. L. ., & Nguyen, A. T. . (2026). Personal data governance in the digital economies of Vietnam and Kazakhstan: implementation challenges, cybersecurity risks and bilateral cooperation. *Eurasian Journal of International Law*, *18*(2), 26–42. https://doi.org/10.32523/2791-0954-2026-18-2-26-42

Kazakhstan voshel v top-10 v mire po urovnyu razvitiya tsifrovykh uslug [Kazakhstan entered the top 10 in the world for digital services development]. Kazinform Agency. 09.07.2025. [Electronic resource] – 2025 – URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstan-voshel-v-top-10-v-mire-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovih-uslug-f606f5 (Date of request: 15.07.2025) [in Russian].

Republic of Kazakhstan Code No. 120-VI dated 25 December 2017 "On Taxes and Other Mandatory Payments to the Budget (Tax Code)". [Electronic resource] –2017– URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000120#z16431 (accessed: 14.10.2025).

Zakon Respubliki Kazakhstan ot 10 dekabrya 2020 goda No. 382-VI «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Kodeks Respubliki Kazakhstan «O nalogakh i drugikh obyazatelnykh platezhakh v byudzhet» (Nalogovyy kodeks) i Zakon Respubliki Kazakhstan «O vvedenii v deystvie Kodeksa Respubliki Kazakhstan «O nalogakh i drugikh obyazatelnykh platezhakh v byudzhet» (Nalogovyy kodeks)» [Law of the Republic of Kazakhstan No. 382-VI of 10 December 2020 on amendments and additions to the Tax Code and to the Law on the enactment of the Tax Code]. [Electronic resource] – 2020 – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000382 (accessed: 29.09.2026) [in Russian].

Ministerstvo finansov Respubliki Kazakhstan (2025). Skolko nalogov inostrannye kompanii zaplatili v byudzhet Kazakhstana [How many taxes foreign companies paid to Kazakhstan's budget]. Kursiv.media. 10.02.2025. [Electronic resource] –2025– URL: https://kz.kursiv.media/2025-02-10/lngr-nalog-na-google/ (Date of request: 15.05.2025) [in Russian].

Plan po nalogu na Google perevypolnili v neskolko raz [The plan for the "Google tax" was exceeded several times]. Baq.kz. 26.12.2024. [Electronic resource] – 2024 – URL: https://rus.baq.kz/plan-po-nalogu-na-google-perevypolnili-v-neskolko-raz_300004305/ (accessed: 29.09.2026) [in Russian].

Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 18 iyulya 2025 goda No. 214-VIII «O nalogakh i drugikh obyazatelnykh platezhakh v byudzhet» (Nalogovyy kodeks) [Code of the Republic of Kazakhstan No. 214-VIII of 18 July 2025 "On Taxes and Other Mandatory Payments to the Budget (Tax Code)"]. [Electronic resource] – 2025 – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214 (accessed: 29.09.2026) [in Russian].

VAT & GST on Digital Services: Global Guide to 110+ Countries. Fonoa. 26.08.2024 (updated 04.03.2026). [Electronic resource] – URL: https://www.fonoa.com/resources/blog/global-vat-and-gst-on-digital-services (accessed: 29.09.2026).

OECD (2024). Consumption Tax Trends 2024: VAT/GST and Excise, Core Design Features and Trends. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/dcd4dd36-en

Law No. 2019-759 of France of 24 July 2019 on the Creation of a Tax on Digital Services and the Modification of the Trajectory of Corporate Tax Reduction. [Electronic resource] – 2019 – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038811588 (accessed: 14.10.2025) [in French].

Karina, A.P. (2023). Sravnitelnyy analiz opyta vvedeniya naloga na tsifrovye uslugi v zarubezhnykh stranakh [Comparative analysis of digital service tax practices abroad]. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 16(4), 334–356 [in Russian].

Google India Private Limited v. Deputy Director of Income Tax (International Taxation). Income Tax Appellate Tribunal, Bangalore. Order of 23 October 2017. [Electronic resource] – URL: https://indiankanoon.org/doc/135412022/ (accessed: 29.09.2026).

Google AdWords program is not taxable as either "royalty" or "fee for technical services" in India. India Tax Law Blog (Cyril Amarchand Mangaldas). April 2024. [Electronic resource] – URL: https://tax.cyrilamarchandblogs.com/2024/04/google-adwords-program-is-not-taxable-as-either-royalty-or-fee-for-technical-services-in-india/ (accessed: 29.09.2026).

China's Golden Tax System Phase IV: An Explainer. [Electronic resource] –2025– URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-golden-tax-system-phase-iv-an-explainer/ (Date of request: 03.10.2025).

Koroleva, L.P. (2021). Nalogovaya strategiya ES v usloviyakh pandemii COVID-19 [Tax strategy of the EU in the context of the COVID-19 pandemic]. Sovremennaya Evropa, 7, 61–71 [in Russian].

Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax. Official Journal of the European Union, L 347, 11.12.2006, 1–118. [Electronic resource] – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2006/112/oj (accessed: 29.09.2026).

Judgment of the Court (Grand Chamber) of 19 December 2019, Case C-390/18, Airbnb Ireland UC (Document 62018CJ0390). [Electronic resource] –2019– URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62018CJ0390_RES (accessed: 03.10.2025).

Inostrannye marketpleysy budut blokirovat pri otsutstvii registratsii platelshchika NDS [Foreign marketplaces will be blocked if they are not registered as VAT payers]. Mybuh.kz. 09.01.2026. [Electronic resource] – URL: https://mybuh.kz/useful/inostrannye-marketpleysy-budut-blokirovat-pri-otsutstvii-registratsii-platelshchika-nds.html (accessed: 29.09.2026) [in Russian].

OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS (2021). Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. 8 October 2021. [Electronic resource] – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/beps/oecd-g20-inclusive-framework-members-joining-statement-on-two-pillar-solution-to-address-tax-challenges-arising-from-digitalisation-october-2021.pdf (accessed: 29.09.2026).

PwC Kazakhstan (2023). BEPS 2.0 Pillar 2 – Overview of rules and implementation status. Tax & Legal Alert, August 2023. [Electronic resource] – URL: https://www.pwc.com/kz/en/pwc-news/ta-reports/tax-legal-alert-fy19/199-august-2023.html (accessed: 29.09.2026).

An Asian Perspective on Pillar One Amount A and Digital Service Taxes. (2025). Intertax, 53(2). [Electronic resource]. – URL: https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Intertax/53.2/TAXI2025022 (Date of request: 15.07.2025)

Memorandum of January 20, 2025: The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) Global Tax Deal (Global Tax Deal). Federal Register, 30.01.2025, Document 2025-02043. [Electronic resource] – URL: https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/30/2025-02043/the-organization-for-economic-co-operation-and-development-oecd-global-tax-deal-global-tax-deal (accessed: 29.09.2026).

Kazakhstan izuchaet vvedenie globalnogo minimalnogo naloga dlya TNK [Kazakhstan is studying the introduction of a global minimum tax for multinational enterprises]. Nalogikz.kz. 24.10.2024. [Electronic resource] – URL: https://nalogikz.kz/docs/kazahstan-izuchaet-vvedenie-globaln.html (accessed: 29.09.2026) [in Russian].

Vasilyev, A.A., Remmikh, E.A., Borisov, V.A. (2020). Osobennosti nalogooblozheniya proizvoditeley kompyuternykh igr. Perspektivy ustanovleniya novogo «tsifrovogo naloga» [Taxation of computer game developers: prospects for a new digital tax]. Rossiyskoe pravo: istoriya i sovremennost. [Electronic resource] –2020– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nalogooblozheniya-proizvoditeley-kompyuternyh-igr-perspektivy-ustanovleniya-novogo-tsifrovogo-naloga (Date of request: 14.05.2025) [in Russian].

Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 31.07.1998 No. 146-FZ, st. 83; (chast vtoraya) ot 05.08.2000 No. 117-FZ, st. 174.2 [Tax Code of the Russian Federation, Part One, Article 83; Part Two, Article 174.2]. [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ae4f89299a9012dee14fc5628d79101eb39263f8/ (accessed: 29.09.2026) [in Russian].

Weiqun Xi, Xing Ling. (2025). Can the digitalization of tax administration promote corporate digital transformation? Empirical evidence from China. International Review of Economics &

Finance, 104, 104634. [Electronic resource].- URL: URL:https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104634 (Date of request: 21.07.2025)

Kogda i gde vzimat NDS ES s tsifrovykh uslug [When and where to charge EU VAT on digital services]. [Electronic resource].- URL: https://www.taxually.com/blog/when-and-where-to-charge-eu-vat-on-digital-services (Date of request: 14.05.2025) [in Russian].

Aleksandrov, S.N. (2023). Pravovoe regulirovanie tsifrovizatsii nalogovogo kontrolya [Legal regulation of tax control digitalisation]. Yuridicheskaya nauka, 6. [Electronic resource]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovizatsii-nalogovogo-kontrolya (Date of request: 15.05.2025) [in Russian].

Sultanova, B.B., Alimbekova, G.A., Yespaeva, D.N. (2021). Taxation in the digital economy. The Journal of Economic Research & Business Administration, 1(135), 79–83. [Electronic resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/350416408_Taxation_in_the_digital_economy (Date of request: 15.07.2025)

Поступила: 28.08.2026. Одобрена: 29.09.2026. Доступна онлайн: 30.09.2026

МРНТИ 10.87.75
DOI: https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2026-19-3-100-114

Национальное регулирование предоставления услуг связи посредством иностранных спутниковых систем: законодательство Республики Казахстан и ее обязательства перед всемирной торговой организацией

Ишкибаева Гульмира Маратовна - автор для корреспонденции, доктор философии (PhD), ученый-исследователь Жетысуского университета им. И. Жансугурова; Талдыкорган, Казахстан; e-mail: gulmira_marat@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7021-5627

Нұрмуханқызы Дания - доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, руководитель Аппарата Председателя Правления - Ректора Жетысуского университета имени И. Жансугурова; Талдыкорган, Казахстан; e-mail: daniyafmo@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3817-1975

Озенбаева Айгерим Тойлыбаевна - философия докторы (PhD), ассоциированный профессор Центрально-Азиатского инновационного университета; Шымкент, Казахстан; e-mail: Oaikoshat@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0703-3599

Аннотация

Развитие иностранных низкоорбитальных спутниковых систем связи (Starlink, One Web, Amazon Kuiper) заставило казахстанское законодательство догонять технологию, которая уже обгоняет привычные модели регулирования: спутник оказывает услуги связи пользователям напрямую, минуя национальных операторов и, зачастую, опережая нормотворческий процесс. Настоящая статья анализирует, насколько успешно право Республики Казахстан справляется с этой задачей, и, что не менее важно, насколько принятые решения согласуются с обязательствами страны перед Всемирной торговой организацией. Целью исследования является анализ казахстанского законодательства в данной сфере, выявление существующих пробелов и вопросов его соответствия положениям Генерального Соглашения по торговле услугами (ГАТС), а также разработка предложений по совершенствованию законодательства Республики Казахстан в области связи. Научная значимость работы обусловлена отсутствием в отечественной юридической науке комплексных исследований данной проблематики. При проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и функциональный методы; нормативную основу составили пять законов Республики Казахстан в области связи, космической деятельности, информатизации и национальной безопасности, а также обязательства Республики Казахстан в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), включая ее Перечень специфических обязательств по услугам. Анализ показал фрагментарность казахстанского законодательства, отсутствие единого понятийного аппарата и недостаточное развитие механизма государственного контроля. Предварительная оценка через призму базовых положений ГАТС показала, что отдельные требования к иностранным операторам требуют отдельной проверки их соответствия принципам недискриминационного доступа на рынок. Сформулированы предложения по устранению выявленных пробелов. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательства Республики Казахстан о связи.

Ключевые слова: иностранные спутниковые операторы; Всемирная торговая организация; торговля телекоммуникационными услугами; KazSat; государственный контроль; информационная безопасность.

Шетелдік серіктік байланыс жүйелері арқылы байланыс қызметтерін ұсынуды ұлттық реттеу: Қазақстан Республикасының заңнамасы және дүниежүзілік сауда ұйымы алдындағы міндеттемелері

Ишкибаева Гульмира Маратовна - хат-хабар авторы, философия докторы (PhD), И. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің ғылыми қызметкері; Талдықорған, Қазақстан; e-mail: gulmira_marat@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-7021-5627

Нұрмуханқызы Дания - философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, И. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің Басқарма Төрағасы - Ректоры аппаратының басшысы; Талдықорған, Қазақстан; e-mail: daniyafmo@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-3817-1975

Озенбаева Айгерим Тойлыбаевна - философия докторлары (PhD), Орталық Азия Инновациялық университетінің қауымдастырылған профессоры; Шымкент, Қазақстан; e-mail: Oaikoshat@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0703-3599

Аңдатпа

Шетелдік серіктік жүйелер арқылы байланыс қызметтерін ұсынуды ұлттық реттеу мен Қазақстан Республикасының Дүниежүзілік сауда ұйымы (ДСҰ) алдындағы міндеттемелерінің арақатынасы кешенді талдауды талап етеді. Зерттеудің мақсаты - осы саладағы қазақстандық заңнаманы талдау, анықталған олқылықтарды және оның ГАТС ережелеріне сәйкестігі мәселелерін анықтау, сондай-ақ заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Жұмыстың ғылыми маңыздылығы отандық құқықтану ғылымында бұл мәселеге арналған кешенді зерттеулердің болмауымен байланысты. Зерттеу барысында формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық және функционалдық әдістер қолданылды; зерттеудің нормативтік негізін Қазақстан Республикасының байланыс, ғарыш қызметі, ақпараттандыру және ұлттық қауіпсіздік саласындағы бес заңы, сондай-ақ Қазақстан Республикасының ДСҰ шеңберіндегі міндеттемелері, оның ішінде Қызметтер бойынша арнайы міндеттемелер тізбесі құрады. Талдау қазақстандық заңнаманың үзік-үзік сипатын, бірыңғай ұғымдық аппараттың болмауын және мемлекеттік бақылау тетігінің жеткіліксіз дамығанын көрсетті. ГАТС негізгі ережелері призмасы арқылы алдын ала бағалау шетелдік операторларға қойылатын жекелеген талаптардың нарыққа кемсітусіз қол жеткізу қағидаттарына сәйкестігін жеке тексеруді талап ететінін көрсетті. Анықталған олқылықтарды жою бойынша ұсыныстар тұжырымдалды. Зерттеу нәтижелері Қазақстан Республикасының байланыс саласындағы заңнамасын жетілдіруде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: шетелдік серіктік операторлар; Дүниежүзілік сауда ұйымы; телекоммуникациялық қызметтер саудасы; KazSat; мемлекеттік бақылау; ақпараттық қауіпсіздік.

National regulation of the provision of communication services through foreign satellite systems: the legislation of the Republic of Kazakhstan and its obligations to the world trade organization

Ishkibayeva Gulmira Maratovna - corresponding author, Doctor of Philosophy (PhD), Research Scientist at I. Zhansugurov Zhetysu University; Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: gulmira_marat@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-7021-5627

Nurmukhankyzy Daniya - Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Chief of Staff of the Chairman of the Board - Rector of Zhetysu University named after I. Zhansugurov; Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: daniyafmo@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-3817-1975

Ozenbayeva Aigerim Toylybaevna - Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor of the Central Asian Innovation University; Shymkent, Kazakhstan; e-mail: Oaikoshat@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0703-3599

Abstract

The national regulation of the provision of communication services through foreign satellite systems and its correlation with the obligations of the Republic of Kazakhstan to the World Trade Organization (WTO) require comprehensive analysis. The aim of the study is to analyze Kazakhstani legislation in this field, identify existing gaps and questions of its consistency with GATS provisions, and develop proposals for improving the legislation. The scientific significance of the study stems from the absence of comprehensive domestic research on this issue. The study employs formal-legal, comparative-legal, systemic-structural, and functional methods; its normative basis comprises five laws of the Republic of Kazakhstan in the fields of communications, space activity, informatization, and national security, as well as Kazakhstan's obligations under the WTO, including its Schedule of Specific Commitments on Services. The analysis revealed the fragmented character of Kazakhstani legislation, the absence of a unified conceptual apparatus, and the insufficient development of the state-control mechanism. A preliminary assessment through the lens of the core provisions of GATS showed that individual requirements imposed on foreign operators require separate verification of their consistency with the principles of non-discriminatory market access. Proposals are formulated to eliminate the identified gaps. The results may be used to improve Kazakhstani legislation on communications.

Keywords: foreign satellite operators; World Trade Organization; trade in telecommunications services; KazSat; state control; information security.

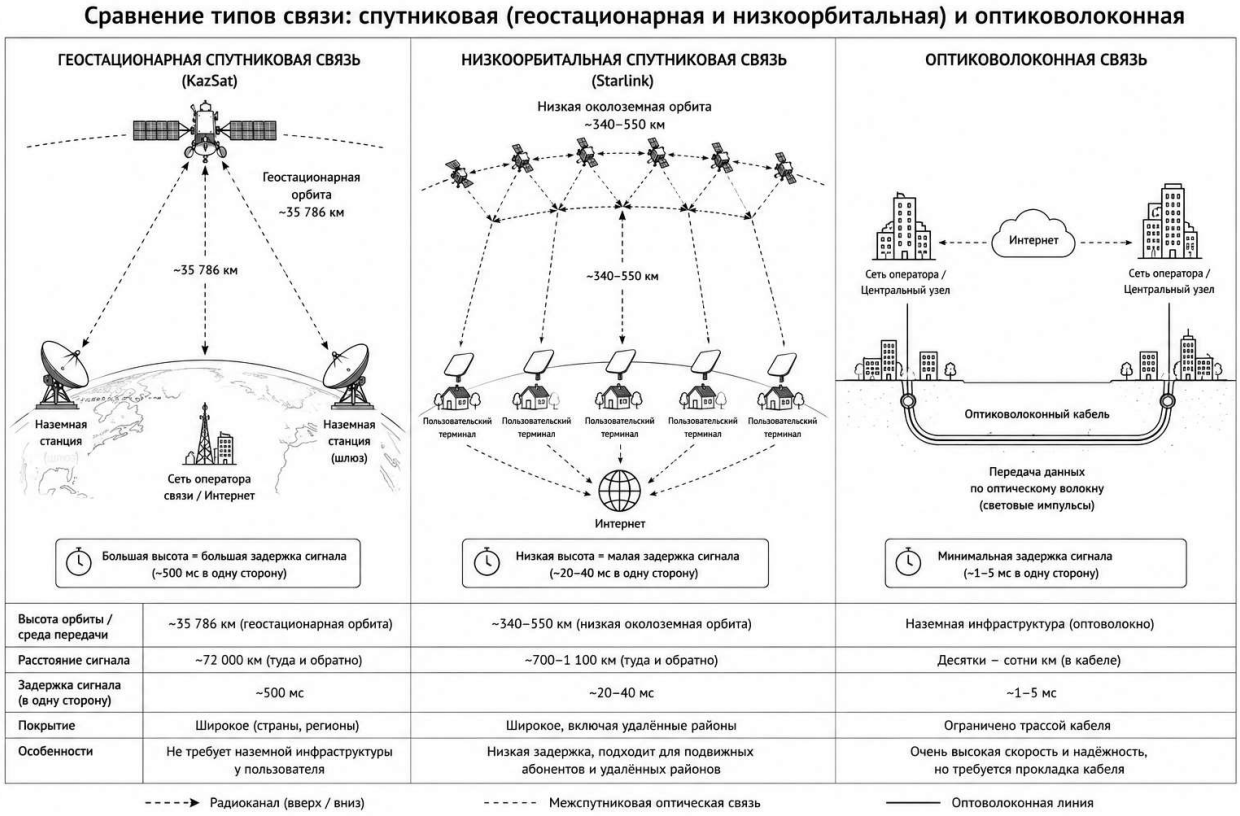
Введение

В Республике Казахстан обеспечение населения высокоскоростным доступом к сети Интернет определено одним из приоритетов государственной политики в рамках национального проекта в области связи «Доступный Интернет»[1]. Традиционно услуги связи в Республике Казахстан предоставляются посредством наземной инфраструктуры операторов связи, таких как АО «Казахтелеком», а также космической системы связи «KazSat», при которой передача сигнала осуществляется через спутник связи, находящийся на околоземной орбите. Такая технология особенно востребована в районах, где строительство и эксплуатация наземной инфраструктуры экономически затруднительны (Goh Escolar, 2017). Длительное время услуги спутниковой связи предоставлялись преимущественно через казахстанских операторов, и пользователь получал услуги связи именно от национального оператора, даже если при их оказании использовались иностранные спутниковые системы.

В настоящее время данная модель постепенно меняется. Развитие иностранных низкоорбитальных спутниковых группировок позволяет предоставлять услуги связи пользователям непосредственно на территории Республики Казахстан, минуя космическую систему связи «KazSat», что ставит перед государством новые задачи, связанные с определением условий деятельности иностранных операторов, осуществлением государственного контроля, обеспечением информационной и национальной безопасности, а также выполнением международных обязательств Республики Казахстан. Особую значимость спутниковая связь приобретает для сельских населенных пунктов, приграничных территорий и иных районов, куда попросту не «дотянется» АО «Казахтелеком»: есть населенные пункты из трех-четырех домов, для которых прокладка традиционной инфраструктуры экономически бессмысленна, но благодаря спутниковой связи доступ к интернету у них оказывается точно таким же, как у жителей крупного города. Международное космическое право и документы

[1] Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 октября 2023 года № 949 «Об утверждении национального проекта в области связи «Доступный Интернет». ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000949 (дата обращения: 4 августа 2026 г.)

Международного союза электросвязи закрепляют общие принципы использования космического пространства и радиочастотного спектра (Berry et al., 2024)[2], но не определяют порядок допуска иностранных операторов на национальные рынки, вследствие чего данный вопрос решается национальным законодательством каждого государства самостоятельно. Зарубежный опыт регулирования (США, Европейский союз, Великобритания) при этом показывает существенное разнообразие возможных национальных моделей такого регулирования. Настоящая статья обращается к тому, как соответствующий вопрос решен в законодательстве Республики Казахстан, и к тому, насколько избранное решение согласуется с торгово-правовыми обязательствами государства.



	ГЕОСТАЦИОНАРНАЯ СПУТНИКОВАЯ СВЯЗЬ (KazSat)	НИЗКООРБИТАЛЬНАЯ СПУТНИКОВАЯ СВЯЗЬ (Starlink)	ОПТИКОВОЛОКОННАЯ СВЯЗЬ
Высота орбиты / среда передачи	~35 786 км (геостационарная орбита)	~340–550 км (низкая околоземная орбита)	Наземная инфраструктура (оптоволокно)
Расстояние сигнала	~72 000 км (туда и обратно)	~700–1 100 км (туда и обратно)	Десятки – сотни км (в кабеле)
Задержка сигнала (в одну сторону)	~500 мс	~20–40 мс	~1–5 мс
Покрытие	Широкое (страны, регионы)	Широкое, включая удалённые районы	Ограничено трассой кабеля
Особенности	Не требует наземной инфраструктуры у пользователя	Низкая задержка, подходит для подвижных абонентов и удалённых районов	Очень высокая скорость и надёжность, но требуется прокладка кабеля

*Рисунок 1. Сравнение моделей передачи сигнала: геостационарная спутниковая связь (KazSat), низкоорбитальная спутниковая связь (Starlink) и оптоволоконная связь**

В последние годы в Республике Казахстан началось формирование специального правового механизма регулирования деятельности иностранных спутниковых операторов. Вместе с тем действующее законодательство пока не содержит комплексного регулирования всех отношений, возникающих при предоставлении услуг связи посредством иностранных спутниковых систем. Сохраняются вопросы, связанные с определением правового статуса иностранных операторов, механизмом государственного контроля, защитой прав пользователей и обеспечением баланса между развитием конкуренции, выполнением международных обязательств государства и защитой национальных интересов.

В отечественной юридической науке отсутствуют комплексные исследования, посвященные соотношению национального регулирования предоставления услуг связи

[2] International Telecommunication Union. Radio Regulations. 2024 Edition. Geneva: ITU, 2024. – URL: https://www.itu.int/pub/R-REG-RR-2024 (accessed: 27.08.2026)

* Составлено авторами с использованием Claude (Anthropic) URL: https://claude.ai/ (дата обращения: 27.08.2026)

посредством иностранных спутниковых систем в Республике Казахстан с ее торгово-правовыми обязательствами. Это определяет актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Настоящее исследование сознательно ограничено анализом законодательства Республики Казахстан и его соотношения с обязательствами государства по ГАТС; вопросы международно-правового регулирования использования космического пространства и радиочастотного спектра, а также зарубежный опыт регулирования деятельности иностранных спутниковых операторов, использованные в настоящей работе как результаты первой части исследования, самостоятельному анализу в рамках данной статьи не подвергаются.

Целью исследования является анализ законодательства Республики Казахстан, регулирующего деятельность иностранных спутниковых систем связи, выявление существующих проблем правового регулирования, оценка их соотношения с обязательствами Республики Казахстан в рамках ВТО, и разработка предложений по совершенствованию национального законодательства. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) проанализировать законодательство Республики Казахстан, регулирующее деятельность иностранных спутниковых систем связи, и выявить существующие проблемы правового регулирования;

2) оценить соответствие установленных требований к иностранным спутниковым операторам обязательствам Республики Казахстан в рамках Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС);

3) разработать предложения по совершенствованию национального законодательства с учетом международно-правовых и торгово-правовых обязательств Республики Казахстан.

Материалы и методы исследования

Нормативную основу исследования составили пять законов Республики Казахстан: «О связи»[3], «О космической деятельности»[4], «О кибербезопасности»[5], «О национальной безопасности Республики Казахстан»[6], «О разрешениях и уведомлениях»[7] и ряд подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих использование радиочастотного спектра и деятельность в сфере связи. Отдельную группу источников составили документы, определяющие торгово-правовые обязательства Республики Казахстан: Протокол о присоединении Республики Казахстан к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации[8], Доклад Рабочей группы по присоединению Республики Казахстан к ВТО (WT/ACC/KAZ/93)[9] и приложенный к нему Перечень специфических обязательств Республики Казахстан по услугам[10], а также текст Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) и Приложения по телекоммуникациям к нему[11]. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых, посвященные вопросам

---

[3] Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II «О связи». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_ (дата обращения: 27.08.2026)

[4] Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 528-IV «О космической деятельности». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000528 (дата обращения: 27.08.2026)

[5] Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК «О кибербезопасности». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418 (дата обращения: 27.08.2026)

[6] Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения: 27.08.2026)

[7] Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 года № 202-V ЗРК «О разрешениях и уведомлениях». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202 (дата обращения: 27.08.2026).

[8] Protocol on the Accession of the Republic of Kazakhstan to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, 27 July 2015 (WT/L/957) // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_kazakhstan_e.htm (accessed: 27.08.2026).

[9] Report of the Working Party on the Accession of the Republic of Kazakhstan to the World Trade Organization, 23 June 2015 (WT/ACC/KAZ/93) // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_kazakhstan_e.htm (accessed: 27.08.2026).

[10] Schedule of Specific Commitments on Services of the Republic of Kazakhstan, 23 June 2015 (WT/ACC/KAZ/93/Add.2) // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_kazakhstan_e.htm (accessed: 27.08.2026).

[11] General Agreement on Trade in Services (GATS), including Annex on Telecommunications // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gats_e.htm (accessed: 27.08.2026).

космического права, информационного права и государственного регулирования связи. При проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и функциональный методы научного познания. Исследовательский вопрос настоящей работы заключается в следующем: в какой мере законодательство Республики Казахстан обеспечивает комплексное регулирование отношений, возникающих при предоставлении услуг связи посредством иностранных спутниковых систем, и насколько установленные требования к иностранным операторам согласуются с торгово-правовыми обязательствами государства в рамках ВТО.

Гипотеза исследования состоит в том, что формирующийся в Республике Казахстан специальный правовой механизм регулирования деятельности иностранных спутниковых операторов создает основу для их деятельности, однако носит фрагментарный характер, не содержит единого понятийного аппарата и завершенного механизма государственного контроля, а отдельные установленные требования нуждаются в самостоятельной оценке на предмет соответствия обязательствам Республики Казахстан по ГАТС.

Обсуждение

В отечественной научной литературе комплексные правовые исследования, посвященные соотношению национального регулирования деятельности иностранных спутниковых операторов с торгово-правовыми обязательствами Республики Казахстан, практически отсутствуют. Технологические и организационные аспекты развития космической отрасли нашли отражение в трудах В.Д. Лефтера, М.М. Молдабекова, Т.М. Мусабаева, У.М. Султангазина; данные работы носят преимущественно естественнонаучный и инженерно-технический характер и не содержат правового анализа. Собственно правовые вопросы космической деятельности и международного космического права исследованы С.Ж. Айдарбаевым, Д.Л. Байдельдиновым, Т.К. Ерджановым, Ж.О. Кулжабаевой, М.Ж. Куликпаевой, Ж.Т. Сайрамбаевой, М.А. Сулейменовым, С.Ф. Ударцевым и другими учеными; данные исследования охватывают преимущественно общие институты космического права (правовой статус космических объектов, международная ответственность государств, режим осуществления космической деятельности) и не затрагивают специфику предоставления телекоммуникационных услуг конечным пользователям посредством иностранных спутниковых систем.

Отдельные вопросы коммерциализации космической деятельности исследованы А.Х. Абашидзе, Г.П. Жуковым, О.А. Волынской, С.М. Сылкиной, Е.М. Макаевой, Д.У. Байтукаевой, М.Р. Юзбашян; указанные работы сфокусированы на общих механизмах и зарубежном опыте коммерциализации космической деятельности. Отдельного анализа заслуживает и специальная зарубежная литература, посвященная международно-правовым аспектам функционирования больших спутниковых группировок (мега-группировок) с точки зрения космического права: соотношение принципов равного доступа и запрета присвоения применительно к орбитальным позициям, занимаемым такими группировками, а также адекватность существующих процедур распределения частотного ресурса Международного союза электросвязи новому масштабу спутниковой деятельности рассмотрены в работах Abashidze, Chernykh and Mednikova (2022) и Yang and Amongin (2024). Данные исследования, однако, посвящены преимущественно международно-правовому режиму использования орбитально-частотного ресурса и не затрагивают вопросы национально-правового регулирования допуска операторов таких группировок на рынки отдельных государств, которому посвящено настоящее исследование. Вопросы соотношения торговых обязательств государств-членов ВТО с регулированием телекоммуникационного сектора в общем виде рассматриваются в работах по международному экономическому праву (Monteiro, 2022), однако применительно к специфике спутниковой связи и к законодательству Республики Казахстан данный вопрос ранее не исследовался. Таким образом, соотношение национального регулирования деятельности иностранных спутниковых операторов в Республике Казахстан с ее обязательствами перед Всемирной торговой организацией до настоящего времени не

получило комплексного научного исследования, что и предопределило выбор темы настоящей работы.

Показательно также, что среди перечисленных работ отсутствуют исследования, специально посвященные соотношению казахстанского законодательства о критически важной информационно-коммуникационной инфраструктуре с регулированием допуска иностранных операторов связи на рынок: данные два института - защита критической инфраструктуры и регулирование конкуренции на рынке связи - как правило, рассматриваются в отечественной науке изолированно друг от друга, тогда как применительно к иностранным спутниковым операторам, деятельность которых одновременно затрагивает оба указанных института, требуется их согласованный анализ, что и предпринимается в настоящем исследовании.

Результаты

В рамках первой задачи исследования проанализировано законодательство Республики Казахстан, регулирующее деятельность иностранных спутниковых систем связи. Анализ показал, что правовое регулирование таких отношений носит фрагментарный характер и основывается на нормах нескольких отраслевых законодательных актов, каждый из которых регулирует лишь отдельные элементы соответствующих правоотношений.

Основу национального регулирования составляет Закон Республики Казахстан «О связи». В соответствии со статьей 4 государственное управление в области связи осуществляется Президентом Республики Казахстан, Правительством Республики Казахстан и уполномоченным органом, а статьями 7-8 определены полномочия Правительства Республики Казахстан и уполномоченного органа в сфере связи, включая реализацию государственной политики, выдачу разрешительных документов и осуществление государственного контроля. Законом Республики Казахстан от 19 июня 2026 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития рынка телекоммуникаций и центров обработки данных» были внесены изменения в Закон «О связи», направленные на регулирование деятельности операторов негеостационарных спутниковых систем связи: установлены требования о регистрации юридического лица на территории Республики Казахстан, создании точки присутствия и наземной станции приземления трафика, соблюдении законодательства о персональных данных, информационной и национальной безопасности, а также взаимодействии с уполномоченными государственными органами[12].

Правовые основы осуществления космической деятельности определены Законом Республики Казахстан «О космической деятельности». Согласно статье 4 Закона космическая деятельность включает исследование и использование космического пространства, создание, производство, эксплуатацию и использование космической техники и объектов космической инфраструктуры, создание и использование космических систем связи и т.д. Вместе с тем анализ положений Закона показывает, что его предметом является регулирование космической деятельности как технологического и организационного процесса; вопросы предоставления телекоммуникационных услуг посредством иностранных спутниковых систем конечным пользователям данным Законом не урегулированы. Таким образом, действующее законодательство Республики Казахстан регулирует деятельность в сфере связи, использования радиочастотного спектра и космической деятельности раздельно, однако не формирует единого правового механизма, определяющего условия предоставления услуг связи посредством иностранных спутниковых систем, порядок допуска иностранных поставщиков на национальный рынок, их права, обязанности и пределы государственного контроля.

[12] Закон Республики Казахстан от 19 июня 2026 года № 320-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития рынка телекоммуникаций и центров обработки данных». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000320 (дата обращения: 27.08.2026).

Определенное значение для регулирования указанных отношений имеет Закон Республики Казахстан «О кибербезопасности», регулирующий общественные отношения, возникающие при создании, развитии и эксплуатации объектов информатизации, обеспечении информационной безопасности, а также функционировании информационно-коммуникационной инфраструктуры; вместе с тем его положения не устанавливают особенностей предоставления услуг связи посредством иностранных спутниковых систем.

Вопросы защиты национальных интересов затрагиваются в Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан», закрепляющем обеспечение информационной безопасности и устойчивого функционирования критически важной информационно-коммуникационной инфраструктуры в качестве одного из направлений обеспечения национальной безопасности, однако данные нормы носят общий характер и не определяют правовой режим деятельности иностранных операторов спутниковой связи.

Отдельные требования к осуществлению отдельных видов деятельности установлены Законом Республики Казахстан «О разрешениях и уведомлениях», предусматривающим лицензирование отдельных видов деятельности в сфере связи, однако не содержащим специальных требований к предоставлению услуг связи посредством иностранных спутниковых систем.

Кроме того, анализ подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих использование радиочастотного спектра, регистрацию радиоэлектронных средств, присвоение радиочастот и эксплуатацию сетей связи[13], также не позволил выявить комплексный механизм правового регулирования деятельности иностранных спутниковых систем: действующие подзаконные акты ориентированы преимущественно на субъектов, осуществляющих деятельность на территории Республики Казахстан, и не учитывают особенности трансграничного оказания спутниковых услуг иностранными операторами[14]. Таким образом, в законодательстве отсутствуют специальные нормы, определяющие порядок допуска иностранных спутниковых операторов на рынок Республики Казахстан, требования к их деятельности, механизм государственного контроля, особенности защиты прав пользователей и меры по обеспечению национальной безопасности при оказании таких услуг.

Отдельного анализа заслуживает соотношение рассмотренных законодательных актов между собой. Формально каждый из них регулирует самостоятельный предмет: связь, космическую деятельность, информатизацию, национальную безопасность, разрешительную систему, однако деятельность иностранного спутникового оператора по своей природе одновременно затрагивает все перечисленные предметы регулирования: оператор осуществляет космическую деятельность (запуск и эксплуатацию спутников в космическом пространстве), предоставляет услуги связи, обрабатывает персональные данные пользователей и эксплуатирует объекты, потенциально относимые к критически важной информационно-коммуникационной инфраструктуре. Отсутствие координации между указанными законодательными актами применительно к данному специфическому виду деятельности и составляет, по существу, основную причину выявленной фрагментарности регулирования: каждый закон, действуя в пределах своего предмета, не учитывает пересечения с предметами регулирования иных законов применительно к деятельности именно иностранных спутниковых операторов.

---

[13] Приказ исполняющего обязанности Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 21 января 2015 года № 34 «Об утверждении Правил присвоения полос частот, радиочастот (радиочастотных каналов), эксплуатации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств, а также проведения расчета электромагнитной совместимости радиоэлектронных средств гражданского назначения». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010730 (дата обращения: 27.08.2026).

[14] Приказ исполняющего обязанности Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 20 января 2015 года № 22 «Об утверждении Таблицы распределения полос частот между радиослужбами Республики Казахстан в диапазоне частот от 3 кГц до 400 ГГц для радиоэлектронных средств всех назначений». Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 3 марта 2015 года № 10375. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010375 (дата обращения: 27.08.2026).

В рамках второй задачи исследования, установленные национальным законодателем требования к иностранным поставщикам услуг негеостационарных спутниковых систем связи рассмотрены с учетом торгово-правовых обязательств Республики Казахстан, вытекающих из членства во Всемирной торговой организации. Присоединившись к ВТО 30 ноября 2015 года на основании ратифицированного Протокола о присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации, Республика Казахстан приняла на себя обязательства по Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС), регулирующему в том числе вопросы доступа иностранных поставщиков услуг связи на национальный рынок; конкретный объем принятых обязательств по сектору связи закреплен в Перечне специфических обязательств Республики Казахстан по услугам, приложенном к Докладу Рабочей группы по присоединению (WT/ACC/KAZ/93). Приложение по телекоммуникациям к ГАТС закрепляет право иностранных поставщиков услуг на разумный и недискриминационный доступ к государственным сетям и средствам связи, необходимым для оказания услуг, включенных в перечень обязательств государства-члена (Van den Bossche and Zdouc, 2021; Tuthill, 1996).

Предварительная оценка через призму базовых положений ГАТС показывает, что установленные Республикой Казахстан требования к иностранным операторам - регистрация юридического лица, создание точки присутствия и наземной станции приземления трафика - сами по себе не составляют очевидного нарушения обязательств о недискриминационном доступе на рынок: статья XVI ГАТС относит к запрещенным ограничениям количественные квоты, требования к организационно-правовой форме и ограничения участия иностранного капитала, но не исключает недискриминационных требований презентационного характера, если они не создают фактического (de facto) барьера, эквивалентного количественному ограничению. Более чувствительным с точки зрения статьи VI ГАТС (внутреннее регулирование) представляется требование о создании наземной станции приземления трафика, поскольку оно возлагает на иностранного оператора существенные технические и финансовые издержки, отсутствующие у операторов, использующих исключительно национальную наземную инфраструктуру - схожая по существу проблема неравенства издержек доступа к инфраструктуре уже рассматривалась применительно к спутниковой связи в контексте регулирования ФКС США (Katkin, 2002). Насколько такое требование оправдано законной регуляторной целью и не выходит за пределы необходимого для ее достижения - вопрос, требующий отдельной оценки с учетом конкретного содержания Перечня специфических обязательств Республики Казахстан по сектору связи, что составляет самостоятельное направление для дальнейших исследований.

Указанная оценка осложняется тем обстоятельством, что Перечень специфических обязательств Республики Казахстан по услугам, зафиксированный по результатам переговоров о присоединении к ВТО, был согласован в период, предшествовавший массовому распространению низкоорбитальных спутниковых группировок прямого доступа к пользователю, вследствие чего он объективно не мог учитывать специфику соответствующей технологии. Данное обстоятельство, однако, не снимает вопроса о соответствии новых требований принятым обязательствам: согласно устоявшемуся подходу органов ВТО по разрешению споров, обязательства государства-члена применяются к соответствующему сектору услуг независимо от технологии, посредством которой услуга фактически оказывается (принцип технологической нейтральности обязательств) - способность многосторонней торговой системы поспевать за темпами развития телекоммуникационных технологий уже ставилась под сомнение применительно к более ранним технологическим сдвигам в данном секторе (Tuthill and Sherman, 2008), а вопросы классификации новых видов услуг связи применительно к структуре ГАТС отдельно проанализированы Tuthill and Roy (2012), если иное прямо не оговорено в самом перечне. Следовательно, включение сектора телекоммуникационных услуг в Перечень специфических обязательств Республики Казахстан само по себе является достаточным основанием для того, чтобы меры, регулирующие оказание

таких услуг с использованием спутниковых технологий, оценивались на предмет соответствия принятым обязательствам, даже если на момент присоединения к ВТО соответствующая технология не рассматривалась сторонами переговоров как самостоятельный предмет регулирования.

Данное торгово-правовое измерение тесно связано с вопросом обеспечения баланса между развитием конкуренции на рынке телекоммуникационных услуг и защитой государственных интересов, который проявляется и в промышленно-технологическом аспекте. Расширение деятельности глобальных низкоорбитальных спутниковых систем способствует повышению доступности современных услуг связи, особенно в удаленных районах страны. Вместе с тем использование иностранных спутниковых систем потенциально способно повлиять на конкурентные позиции космической системы связи «KazSat», созданной за счет государственных инвестиций; количественная оценка масштаба такого влияния выходит за рамки настоящего юридического исследования и требует отдельного экономического анализа. Независимо от степени фактического влияния на национального оператора, правовое регулирование должно учитывать не только интересы пользователей, но и задачи обеспечения технологической независимости, информационной безопасности и устойчивого функционирования национальной космической инфраструктуры.

Следует отметить, что задача защиты конкурентных позиций национального оператора и задача выполнения торгово-правовых обязательств государства не всегда согласуются между собой автоматически: мера, обоснованная с точки зрения промышленной политики (например, защита инвестиций, вложенных в национальную космическую систему связи), не обязательно будет признана допустимым исключением с точки зрения права ВТО, поскольку статья XIV ГАТС не содержит общего исключения для мер промышленной политики как таковых. Это означает, что при разработке мер защиты интересов национального оператора законодателю следует по возможности формулировать их через призму признаваемых ГАТС категорий (защита общественного порядка, обеспечение соблюдения непротиворечащего ГАТС законодательства, включая законодательство о персональных данных и о критически важной информационно-коммуникационной инфраструктуре), а не исключительно через призму защиты конкурентных интересов конкретного национального оператора. Данный вывод согласуется и с более широкой дискуссией в зарубежной литературе о том, что унаследованные от доцифровой эпохи исключения торгового права нуждаются в более точном определении понятия критической инфраструктуры, позволяющем отличать обоснованные меры кибербезопасности от скрытого протекционизма (Peng, 2023).

Помимо этого, анализ законодательства показывает, что отдельные вопросы до настоящего времени остаются недостаточно урегулированными. Прежде всего отсутствует единый понятийный аппарат: законодательство использует различные термины, однако не содержит четкого определения иностранного спутникового оператора и не раскрывает его правовой статус как самостоятельного участника отношений в сфере связи. Ориентиром для формулирования соответствующих понятий может служить зарубежный опыт, рассмотренный в первой части настоящего исследования: законодательство США предусматривает специальный правовой режим для операторов негеостационарных спутниковых систем (NGSO), включая иностранные спутниковые системы, получившие разрешение Федеральной комиссии по связи (FCC) на доступ к рынку США (U.S. market access)[15], а регулирование Европейского союза строится вокруг понятия предоставления электронных коммуникационных услуг независимо от используемой технологии передачи,

[15] Code of Federal Regulations. Title 47 – Telecommunication. Part 25 – Satellite Communications. § 25.137 “Requests for U.S. market access through non-U.S.-licensed space stations” // Federal Communications Commission. – URL: https://www.ecfr.gov/current/title-47/chapter-I/subchapter-B/part-25 (accessed: 27.08.2026).

что позволяет распространять единые требования как на наземных, так и на спутниковых операторов[16].

Кроме того, дальнейшего развития требует механизм государственного контроля. Законодательством установлены основные требования к иностранным операторам, однако отдельные вопросы контроля за их исполнением, взаимодействия с уполномоченными органами, а также применения отдельных мер государственного воздействия нуждаются в дополнительной правовой детализации. Заслуживает внимания подход, применяемый Федеральной комиссией по связи США, которая предоставляет разрешения на развертывание спутниковых группировок поэтапно, с сохранением за собой права пересматривать условия по мере расширения группировки (Unadkat, 2025); аналогичная модель поэтапного и пересматриваемого разрешения позволила бы казахстанскому регулятору соотносить объем предъявляемых требований с фактическим масштабом деятельности конкретного оператора на рынке. Аналогичным образом, предложенная в зарубежной литературе модель «стека регулирования» спутниковой широкополосной связи подчеркивает необходимость координации между уровнями распределения частот, лицензирования наземных терминалов и допуска на рынок как самостоятельными, но взаимосвязанными регуляторными звеньями (Alhasan, 2026).

С учетом изложенного целесообразно следующее развитие законодательства Республики Казахстан.

Во-первых, в законодательстве необходимо закрепить понятия «иностранный спутниковый оператор» и «иностранная спутниковая система связи», что позволит более четко определить круг субъектов, на которых распространяются соответствующие требования.

Во-вторых, механизм государственного контроля нуждается в конкретизации по нескольким направлениям. Целесообразно закрепить обязанность иностранного оператора периодически (например, ежегодно) представлять уполномоченному органу в области связи сведения об объеме и территориальной структуре оказываемых услуг, что позволит регулятору отслеживать фактический масштаб присутствия оператора на рынке и своевременно выявлять расхождение между показателями, заявленными при регистрации, и реальной деятельностью. Заслуживает внедрения и поэтапная (ярусная) модель допуска, при которой объем предъявляемых требований - в том числе требований к наземной инфраструктуре - соотносится с масштабом деятельности оператора на начальном этапе, с пересмотром условий по мере расширения абонентской базы, по аналогии с практикой Федеральной комиссии по связи США (Unadkat, 2025). Наконец, законодательству недостает дифференцированной шкалы мер реагирования на выявленные нарушения - от предупреждения и предписания об устранении нарушения до приостановления и прекращения действия разрешения, - тогда как в настоящее время соответствующая санкция выражена преимущественно отказом в предоставлении разрешения либо его отзывом, что не всегда соразмерно характеру и последствиям конкретного нарушения.

В-третьих, особое внимание следует уделить вопросам обеспечения национальной и информационной безопасности; при этом применяемые меры должны соответствовать международным обязательствам Республики Казахстан и не создавать необоснованных ограничений для развития современных спутниковых технологий и добросовестной конкуренции.

В-четвертых, представляется целесообразным дальнейшее совершенствование правового регулирования в части защиты прав пользователей услуг спутниковой связи, включая обеспечение доступности информации об условиях предоставления услуг,

[16] Directive (EU) 2018/1972 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 establishing the European Electronic Communications Code (Recast) // Official Journal of the European Union. – 2018. – L 321. – P. 36–214. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1972/oj (accessed: 27.08.2026).

механизмы рассмотрения обращений потребителей и ответственность операторов за нарушение принятых обязательств.

Наконец, учитывая торгово-правовые обязательства Республики Казахстан в рамках Всемирной торговой организации, представляется целесообразным проведение отдельной оценки соответствия установленных требований к иностранным спутниковым операторам принципам недискриминационного доступа на рынок и национального режима, закрепленным в Генеральном соглашении по торговле услугами, с учетом конкретного содержания Перечня специфических обязательств Республики Казахстан по сектору связи. Такая оценка позволит обеспечить согласованность национального регулирования с международными торговыми обязательствами государства при сохранении необходимого уровня государственного контроля. Таким образом, дальнейшее развитие законодательства Республики Казахстан должно быть направлено на формирование сбалансированного правового механизма, который, с одной стороны, обеспечит выполнение международных обязательств государства и развитие современных спутниковых технологий, а с другой - позволит эффективно защищать национальные интересы, права пользователей и устойчивое функционирование отечественной системы связи.

Практическая реализация указанной оценки предполагает, как минимум, три последовательных шага: сопоставление формулировок Перечня специфических обязательств Республики Казахстан по сектору связи с формулировками требований, установленных Законом от 19 июня 2026 года, с точки зрения их отраслевой и технологической сферы действия; определение того, создает ли совокупность установленных требований - в их взаимном сочетании - барьер, эквивалентный по своему экономическому эффекту количественному ограничению допуска на рынок, запрещенному статьей XVI ГАТС; и, наконец, при выявлении признаков такого барьера - оценку возможности его обоснования исключениями, предусмотренными статьей XIV ГАТС (в частности, необходимостью защиты общественного порядка или обеспечения соблюдения законодательства, не являющегося несовместимым с ГАТС, включая законодательство о защите персональных данных). Применение изложенной методики к наиболее чувствительному из установленных требований - созданию наземной станции приземления трафика - позволяет сформулировать предварительный вывод уже в рамках настоящего исследования. Указанное требование применяется формально одинаково к любому оператору негеостационарной спутниковой связи независимо от страны его происхождения и потому не составляет нарушения принципа национального режима (статья XVII ГАТС). Вместе с тем оно возлагает на иностранного оператора издержки, отсутствующие у оператора, использующего исключительно наземную инфраструктуру, что дает основания для его проверки на соответствие статье VI:4 ГАТС, обязывающей государства-члены не делать меры внутреннего регулирования более обременительными, чем необходимо для обеспечения качества услуги. Поскольку заявленная цель требования - обеспечение возможности государственного контроля за трафиком, физически проходящим через национальную территорию, и защита критически важной информационно-коммуникационной инфраструктуры, - соотносится с основаниями, признаваемыми статьей XIV ГАТС, требование, по всей видимости, в принципе может быть обосновано данным изъятием. Наиболее уязвимым местом действующего регулирования при этом оказывается не сам факт установления требования, а отсутствие соразмерности: поскольку законодательство Республики Казахстан не дифференцирует объем требований в зависимости от масштаба деятельности оператора, для оператора, обслуживающего ограниченный сегмент рынка, издержки создания наземной станции оказываются непропорционально выше, чем для оператора с развитой абонентской базой, что повышает риск признания требования выходящим за пределы необходимого для достижения заявленной цели в значении статьи XIV ГАТС. Данный предварительный вывод нуждается в подтверждении посредством детального сопоставления с точным текстом Перечня

специфических обязательств Республики Казахстан по сектору связи, что составляет самостоятельное направление дальнейших исследований.

Заключение

Проведенный анализ законодательства Республики Казахстан показал, что в последние годы сформированы правовые основы регулирования деятельности иностранных спутниковых операторов, однако данное регулирование носит фрагментарный характер: соответствующие вопросы регулируются нормами нескольких отраслевых законодательных актов, каждый из которых охватывает лишь отдельные элементы возникающих правоотношений, а единого правового механизма, определяющего условия предоставления услуг связи посредством иностранных спутниковых систем в целом, законодательство не содержит.

Оценка установленных требований к иностранным операторам через призму обязательств Республики Казахстан по Генеральному соглашению по торговле услугами показала, что сами по себе такие требования, как регистрация юридического лица и создание точки присутствия, не составляют очевидного нарушения принципа недискриминационного доступа на рынок, тогда как требование о создании наземной станции приземления трафика нуждается в отдельной оценке соразмерности с учетом конкретного содержания Перечня специфических обязательств Республики Казахстан по сектору связи.

Проведенное исследование также показало, что выявленная фрагментарность казахстанского законодательства не является следствием невнимания законодателя к соответствующим отношениям как таковым - напротив, за последние годы принят ряд точечных изменений, направленных на регулирование деятельности иностранных спутниковых операторов, - а является следствием отсутствия координации между отраслевыми законодательными актами применительно к этому специфическому виду деятельности, одновременно затрагивающему предметы регулирования связи, космической деятельности, информатизации и национальной безопасности. Устранение данной фрагментарности не обязательно требует принятия отдельного закона: оно может быть достигнуто и путем последовательного согласования уже принятых точечных изменений между собой, при условии, что законодатель будет учитывать соответствующие пересечения предметов регулирования как единую задачу, а не как ряд изолированных друг от друга задач.

Таким образом, гипотеза исследования в целом подтвердилась: формирующийся в Республике Казахстан специальный правовой механизм создает основу для деятельности иностранных спутниковых операторов, однако требует дальнейшего развития - в части унификации понятийного аппарата, развития механизма государственного контроля, защиты прав пользователей и обеспечения согласованности с торгово-правовыми обязательствами государства. Совместно с результатами первой части настоящего исследования, посвященной международно-правовым основам и зарубежному опыту регулирования, настоящая работа формирует комплексную основу для дальнейшего совершенствования законодательства Республики Казахстан о связи и космической деятельности.

Список использованной литературы

Abashidze A., Chernykh I., Mednikova M. Satellite constellations: International legal and technical aspects // Acta Astronautica. – 2022. – Vol. 196. – P. 176–185.

Alhasan T.K. From coverage to permission: Governing starlink and satellite broadband mega-constellations // Telecommunications Policy. – 2026. – Vol. 50. – Iss. 8. – Art. 103277.

Berry R., Bustamante P., Guo D., Hazlett T., Honig M., Murtazashvili I., Palo S., Weiss M.B.H. Spectrum Rights in Outer Space: Interference Management for Low Earth Orbit (LEO) Broadband Constellations // Journal of Information Policy. – 2024. – Vol. 14. – P. 747–784.

Goh Escolar G.M. Satellite Communications: Regulatory, Legal and Trade Issues // *Handbook of Satellite Applications* / eds. J.N. Pelton, S. Madry, S. Camacho-Lara. – Cham: Springer, 2017. – P. 507–532.

Katkin K. Open Access to Monopoly Cable Platforms Versus Direct Access to Competitive International Telecommunications Satellite Facilities: A Study in Contrasts // *Telecommunications Policy Research Conference (TPRC).* – Washington, DC, 2002.

Monteiro J.A. Typology of Telecommunications Provisions in Regional Trade Agreements. – Geneva: World Trade Organization, 2022. – WTO Staff Working Paper ERSD-2022-02.

Peng S. Digital Economy and National Security: Contextualizing Cybersecurity-Related Exceptions // American Journal of International Law. – 2023. – Vol. 117. – P. 122–127.

Tuthill L. Users' Rights? The Multilateral Rules on Access to Telecommunications // *Telecommunications Policy.* – 1996. – Vol. 20, No. 2. – P. 89–99.

Tuthill L., Roy M. GATS Classification Issues for Information and Communication Technology Services // *Trade Governance in the Digital Age* / eds. M. Burri, T. Cottier. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 159–180.

Tuthill L., Sherman L.B. Telecommunications: Can Trade Agreements Keep Up with Technology? // *Opening Markets for Trade in Services: Countries and Sectors in Bilateral and WTO Negotiations* / eds. J.A. Marchetti, M. Roy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 151–183.

Unadkat H. Starlink Spectrum Wars: Examining the FCC's Role in Regulating the New Space Age // *Princeton Legal Journal.* – 2025. – Vol. 4, No. 1.

Van den Bossche P., Zdouc W. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials.* – 5th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

Yang K., Amongin S. Assessing the Principle of Equitable Access versus Non-Appropriation in the Era of Mega-Constellations // Aerospace. – 2024. – Vol. 11. – Iss. 10. – Art. 842.

References

Abashidze, A., Chernykh, I. and Mednikova, M. (2022). Satellite constellations: International legal and technical aspects. Acta Astronautica, 196, pp. 176–185.

Alhasan, T.K. (2026). From coverage to permission: Governing starlink and satellite broadband mega-constellations. Telecommunications Policy, 50(8), 103277.

Berry, R., Bustamante, P., Guo, D., Hazlett, T., Honig, M., Murtazashvili, I., Palo, S. and Weiss, M.B.H. (2024). Spectrum Rights in Outer Space: Interference Management for Low Earth Orbit (LEO) Broadband Constellations. Journal of Information Policy, 14, pp. 747–784.

Goh Escolar, G.M. (2017). Satellite Communications: Regulatory, Legal and Trade Issues. In J.N. Pelton, S. Madry and S. Camacho-Lara (Eds.), *Handbook of Satellite Applications*. Cham: Springer, pp. 507–532.

Katkin, K. (2002). Open Access to Monopoly Cable Platforms Versus Direct Access to Competitive International Telecommunications Satellite Facilities: A Study in Contrasts. *Telecommunications Policy Research Conference (TPRC)*, Washington, DC.

Monteiro, J.A. (2022). *Typology of Telecommunications Provisions in Regional Trade Agreements*. WTO Staff Working Paper ERSD-2022-02. Geneva: World Trade Organization.

Peng, S. (2023). Digital Economy and National Security: Contextualizing Cybersecurity-Related Exceptions. American Journal of International Law, 117, pp. 122–127.

Tuthill, L. (1996). Users' Rights? The Multilateral Rules on Access to Telecommunications. *Telecommunications Policy*, 20(2), pp. 89–99.

Tuthill, L. and Roy, M. (2012). GATS Classification Issues for Information and Communication Technology Services. In M. Burri and T. Cottier (Eds.), *Trade Governance in the Digital Age*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 159–180.

Tuthill, L. and Sherman, L.B. (2008). Telecommunications: Can Trade Agreements Keep Up with Technology? In J.A. Marchetti and M. Roy (Eds.), *Opening Markets for Trade in Services: Countries and Sectors in Bilateral and WTO Negotiations*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 151–183.

Unadkat, H. (2025). Starlink Spectrum Wars: Examining the FCC's Role in Regulating the New Space Age. *Princeton Legal Journal*, 4(1).

Van den Bossche, P. and Zdouc, W. (2021). *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials*. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Yang, K. and Amongin, S. (2024). Assessing the Principle of Equitable Access versus Non-Appropriation in the Era of Mega-Constellations. Aerospace, 11(10), 842.

Вклад авторов:

Ишкибаева Г.М. – разработала концептуальную основу исследования, определила ключевую научную проблему и сформулировала цели и задачи исследования. Подготовила разделы «введение» и «заключение», обосновала научную и практическую значимость темы и провела всесторонний анализ теоретических и правовых источников, имеющих отношение к проблеме исследования.

Нұрмуханкызы Д. - разработала методологии исследования, сбор и систематизацию эмпирических данных, а также аналитическую обработку и интерпретацию полученных результатов. Автор основного раздела статьи «Результаты и обсуждение».

Озенбаева А.Т. - осуществила анализ как научной, так и нормативной литературы, относящейся к теме, обеспечила составление списка литературы в соответствии с установленными стандартами, а также отвечала за транслитерацию, подготовку тезисов, точное указание информации об авторе и соблюдение формальных требований к публикации.

Авторлардың қосқан үлесі:

Ишкибаева Г.М. – зерттеудің тұжырымдамалық негізін әзірледі, негізгі ғылыми мәселені айқындады, зерттеудің мақсаты мен міндеттерін қалыптастырды. «Кіріспе» және «Қорытынды» бөлімдерін дайындап, тақырыптың ғылыми және практикалық маңыздылығын негіздеді, сондай-ақ зерттеу мәселесіне қатысты теориялық және құқықтық дереккөздерге кешенді талдау жүргізді.

Нұрмуханқызы Д. – зерттеу әдіснамасын әзірледі, эмпирикалық деректерді жинау мен жүйелеуді, сондай-ақ алынған нәтижелерді талдау мен интерпретациялауды жүзеге асырды. «Нәтижелер және талқылау» атты негізгі бөлімнің авторы.

Озенбаева А.Т. – тақырыпқа қатысты ғылыми және нормативтік әдебиеттерге талдау жүргізді, әдебиеттер тізімін белгіленген талаптарға сәйкес рәсімдеуді қамтамасыз етті, сондай-ақ транслитерацияға, түйіндемелерді дайындауға, авторлар туралы мәліметтердің дәл көрсетілуіне және жарияланымның формальды талаптарының сақталуына жауапты болды.

Contribution of the authors:

Ishkibayeva G.M. - developed the conceptual framework of the study, identified the key scientific problem, and formulated the research objectives and tasks. She prepared the Introduction and Conclusion sections, substantiated the scientific and practical relevance of the topic, and carried out a comprehensive analysis of theoretical and legal sources relevant to the research problem.

Nurmukhankyzy D. - was responsible for designing and detailing the research methodology, collecting and systematizing empirical data, and performing analytical processing and interpretation of the results obtained. She authored and structured the main section of the article, Results and Discussion.

Ozenbayeva A.T. - conducted the analysis of both scientific and normative literature related to the topic, ensured the compilation of the reference list in accordance with the established standards, and was responsible for transliteration, preparation of abstracts, accurate indication of author information, and compliance with formal publication requirements.

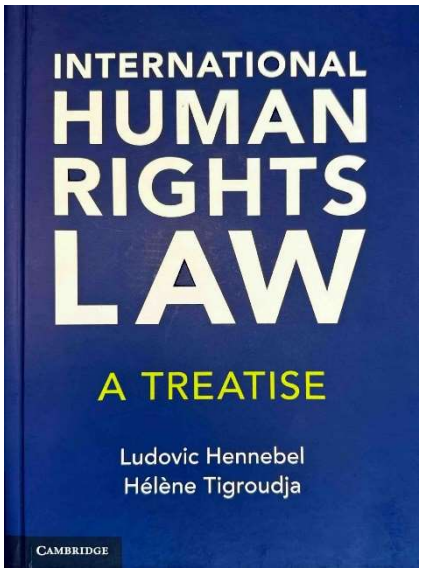
Review

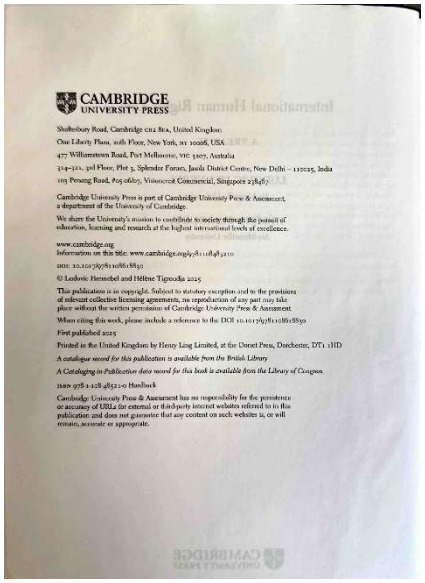
Dear colleagues!

I would like to draw your attention to the publication of an important textbook, "International Human Rights Law: A Treatise", written by my colleagues, experts in the UN Committee on Economic, Social, and Cultural Rights and the Human Rights Committee, Ludovic Hennebel and Hélène Tigroudja. It offers a comprehensive and in-depth analysis of international human rights law.

I believe the review, prepared by the Department of International Law at the RUDN Law Institute (in Russian and English – attached), deserves publication in the Eurasian Journal of International Law. This publication will be of interest not only to specialists but also to students studying international human rights law, and will also draw their attention to the textbook itself.

Sincerely,
Director of the Law Institute of RUDN University named after P. Lumumba,
Doctor of Law, Professor **A.Kh. Abashidze**




CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS

Shaftesbury Road, Cambridge CB2 8EA, United Kingdom
One Liberty Plaza, 20th Floor, New York, NY 10006, USA
477 Williamstown Road, Port Melbourne, VIC 3207, Australia
314–321, 3rd Floor, Plot 3, Splendor Forum, Jasola District Centre, New Delhi – 110025, India
103 Penang Road, #05-06/07, Visioncrest Commercial, Singapore 238467

Cambridge University Press is part of Cambridge University Press & Assessment, a department of the University of Cambridge.

We share the University's mission to contribute to society through the pursuit of education, learning and research at the highest international levels of excellence.

www.cambridge.org
Information on this title: www.cambridge.org/9781108485210
DOI: 10.1017/9781108618859
© Ludovic Hennebel and Hélène Tigroudja 2025

This publication is in copyright. Subject to statutory exception and to the provisions of relevant collective licensing agreements, no reproduction of any part may take place without the written permission of Cambridge University Press & Assessment.
When citing this work, please include a reference to the DOI 10.1017/9781108618859

First published 2025

Printed in the United Kingdom by Henry Ling Limited, at the Dorset Press, Dorchester, DT1 1HD

A catalogue record for this publication is available from the British Library

A Cataloging in Publication data record for this book is available from the Library of Congress.

ISBN 978-1-108-48521-0 Hardback
Cambridge University Press & Assessment has no responsibility for the persistence or accuracy of URLs for external or third-party internet websites referred to in this publication and does not guarantee that any content on such websites is, or will remain, accurate or appropriate.

"International Human Rights Law: A Treatise"
Ludovic Hennebel and Hélène Tigroudja
Book review

Ludovic Hennebel and Hélène Tigroudja's treatise "International Human Rights Law: A Treatise", published in 2025 by Cambridge University Press, represents an exceptionally ambitious and systematic contribution to contemporary scholarship on international human rights law. The work offers an exhaustive analysis based on a rigorous and systematic methodology, combining theoretical originality with a detailed knowledge of international human rights law.

The particular value of the book lies in the fact that the authors do not present international human rights law as a mere catalogue of rights contained in universal and regional international treaties. Their approach is considerably broader. Human rights law is viewed as a complex normative system in which philosophical foundations, sources of law, international institutions, judicial and quasi-judicial practice, rules of interpretation, the substantive rights of individuals, state responsibility, and mechanisms of reparation are intertwined.

The very beginning of the book demonstrates the seriousness of the authors' approach. Hennebel and Tigroudja do not proceed from the assumption that the theoretical foundations of human rights are in themselves indisputable. On the contrary, they consider various religious, jusnaturalist, positivist, and sociological foundations of human rights, as well as historical and philosophical critiques of international human rights law, including ideological, anti-imperialist, feminist, Third World, and relativist critiques of contemporary human rights discourse. This enables the reader to understand human rights law not only in normative terms, but also within its broader intellectual and historical context.

Such a methodology deserves a particularly positive assessment. The authors do not avoid the question of the universality of human rights, while at the same time recognising the complexity of their application in societies belonging to different cultural, historical, and legal traditions. The fact that cultural differences and the problem of universal definition of human rights are seriously considered in the theoretical part gives the work significantly greater scholarly value.

Another major strength of the treatise is its highly systematic character. The discussion of theoretical foundations is followed by an analysis of normative sources and of the relationship between international human rights law and other branches of public international law. The authors examine its relationship with international humanitarian law, international criminal law, collective security law, the law of immunities, the law of diplomatic and consular relations, international counter-terrorism law, the law of international judicial cooperation, international development law, international refugee law, and international labour and social security law. This approach corresponds very well to the contemporary reality of international law. Today, human rights can hardly be studied in isolation from questions of state sovereignty, security, migration, international cooperation, or state responsibility. The authors successfully demonstrate precisely this interdependence among different legal regimes.

The institutional and procedural dimensions of the book deserve particular attention. The treatise covers universal and regional mechanisms of protection and analyses in detail the role of international and national courts and quasi-judicial bodies. It is particularly useful that the authors do not confine themselves to a single regional model, but instead provide the reader with a comparative perspective on different systems of protection. Such an approach is of great value to both scholars and practitioners. International human rights law does not exist solely in the texts of treaties; its actual content is shaped to a considerable extent through the application and interpretation of those texts. The authors therefore devote substantial attention to the role of the various institutions involved in the interpretation of international norms. In doing so, they provide the reader with the tools necessary to understand how international human rights law operates in practice, including questions concerning the limits of judicial and quasi-judicial interpretation.

The substantive-law part of the treatise is equally impressive. It covers the principle of equality and the right to non-discrimination, the right to life and personal integrity, the prohibition of slavery, servitude, forced labour, and trafficking in human beings, rights relating to personal freedom, the right to effective domestic judicial protection, as well as other rights that form the core of the contemporary international system for the protection of the individual. These issues are analysed not only through the prohibition of particular forms of conduct, but also through the positive obligations of the state, the requirement of effective investigation, responsibility for violations, and the protection of victims. In this respect, the book confirms one of its fundamental methodological principles: individual rights are not merely declaratory standards, but entail concrete obligations on the part of the state.

Another major strength of the work is its final part on the enforcement and implementation of international decisions. The authors analyse different models of supervision over the implementation of such decisions. This part is particularly important because the ultimate value of a system of human rights protection is measured not merely by the number of rights proclaimed or decisions adopted, but by the capacity of the legal system to remedy the consequences of an established violation. In this way, the book successfully connects the theoretical question of the existence of rights with the practical question of their effective protection.

Alongside the highly positive assessment of the book's overall scholarly contribution, it is necessary to point out certain areas in which the contemporary international legal approaches analysed by the authors do not fully reflect the constitutional, legal, and value framework of all countries of the world. This primarily concerns contemporary interpretations of the rights to privacy, family life and marriage, as well as non-discrimination and individual autonomy. The legal and state-policy framework of some countries places particular emphasis on the preservation of the traditional family, continuity between generations, and traditional spiritual and moral values, whereas

contemporary international discourse on individual autonomy and non-discrimination may approach some of these issues from a different perspective.

These differences, however, do not diminish the scholarly value of the treatise. On the contrary, they confirm the importance of studying international human rights law through a constant comparison of international standards with the constitutional identity, legal traditions, and positive law of a particular state. For students who study at universities in the CIS countries, this type of comparative reading may be particularly valuable.

"International Human Rights Law: A Treatise" by Ludovic Hennebel and Hélène Tigroudja is an exceptionally serious, thorough, and methodologically well-conceived work. Its quality lies not only in the volume of material examined, but above all in the authors' ability to connect theoretical foundations, positive international law, institutional mechanisms, judicial practice, methods of interpretation, and the practical implementation of international decisions.

Particular emphasis should be placed on the breadth of the jurisprudence examined, the comparative approach to different international and regional systems, and the authors' willingness to engage with theoretical problems that do not lend themselves to simple solutions. The book can therefore be highly valuable to professors and researchers in international law, doctoral and PhD candidates and advanced students from CIS countries, as well as judges, lawyers, and other professionals engaged in the protection of human rights.

The value of the treatise also lies in the fact that it provides an extensive account of contemporary international legal discourse, including concepts with which the CIS legal order need not fully agree. Its scholarly value does not necessarily presuppose agreement with every legal or interpretative conclusion discussed within it. On the contrary, high-quality legal scholarship should enable a critical comparison of different legal concepts and approaches.

In this sense, "International Human Rights Law: A Treatise" deserves a highly positive assessment. It is a modern, comprehensive, and intellectually demanding work that can serve as an important reference source for further research in international human rights law. Its greatest strengths lie in its systematic character, the richness of its legal material, and the authors' ability to present complex theoretical and practical problems within a unified and coherent legal framework.

Milica Popovic,
PhD in Law, Assistant of the Department of International Law of RUDN Law Institute

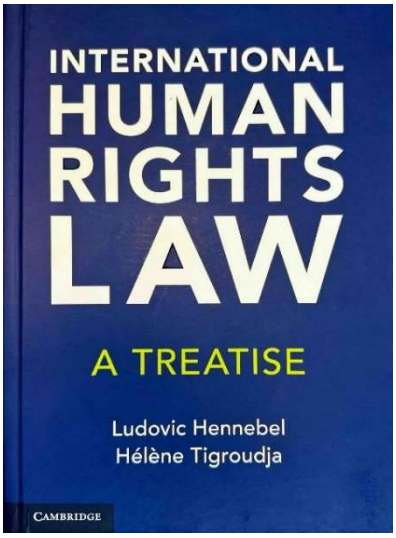
Обзор

Уважаемые коллеги!

Хочу обратить ваше внимание, что вышел в свет важный учебник “International Human Rights Law: A Treatise”, написанный моими коллегами, экспертами в Комитете ООН по экономическим, социальным и культурным правам и Комитете по правам человека, Людовик Хеннебель и Элен Тигруджа, представляющий собой комплексный и всесторонний анализ международного права прав человека.

Полагаю, что рецензия, подготовленная на кафедре международного права Юридического института РУДН (на русском и английском языках), заслуживает публикации в Евразийском журнале международного права. Данная публикация будет интересна не только специалистам, но и студентам, изучающим международное право прав человека, и позволит также привлечь их внимание к изучению самого учебника.

С уважением,
директор Юридического института РУДН,
д.ю.н., профессор **А.Х. Абашидзе**



Рецензия на книгу «Международное право прав человека: трактат» Людовик Хеннебель и Элен Тигруджа

Трактат Людовика Хеннебеля и Элены Тигруджа «Международное право прав человека: трактат»[17], опубликованный в 2025 году издательством *Cambridge University Press*, представляет собой исключительно амбициозный и систематический вклад в современные исследования международного права прав человека. Работа предлагает исчерпывающий анализ, основанный на строгой и систематической методологии, сочетающий теоретическую оригинальность с подробным знанием международного права прав человека.

Особая ценность книги заключается в том, что авторы не представляют международное право в области прав человека как простой каталог прав, содержащихся в универсальных и региональных международных договорах. Их подход значительно шире. Право прав человека рассматривается как сложная нормативная система, в которой переплетаются философские основы, источники права, международные институты, судебная и квазисудебная практика, правила толкования, материальные права личности, ответственность государства и механизмы возмещения ущерба.

Уже само начало книги демонстрирует серьезность подхода авторов. Л.Хеннебель и Э. Тигруджа не исходят из того, что теоретические основы прав человека сами по себе бесспорны. Напротив, они рассматривают различные религиозные, юснатуралистические, позитивистские и социологические основы прав человека, а также историческую

[17] Hennebel L., Tigroudja H. International human rights law: a treatise / L. Hennebel, H. Tigroudja. Cambridge University Press, 2025.

и философскую критику международного права прав человека, включая идеологическую, антиимпериалистическую, феминистскую, критику третьего мира и релятивистскую критику современного дискурса прав человека. Это позволяет читателю понять право прав человека не только в нормативном плане, но и в более широком интеллектуальном и историческом контексте.

Такая методика заслуживает особенно положительной оценки. Авторы не избегают вопроса об универсальности прав человека, в то же время признавая сложность их применения в обществах, принадлежащих к разным культурным, историческим и правовым традициям. Значительно большую научную ценность работе придает тот факт, что в теоретической части серьезно рассматриваются культурные различия и проблема универсального определения прав человека.

Еще одним важным достоинством трактата является его в высшей степени систематический характер. За обсуждением теоретических основ следует анализ нормативных источников и взаимосвязей между международным правом прав человека и другими отраслями международного публичного права. Авторы рассматривают его взаимосвязь с международным гуманитарным правом, международным уголовным правом, правом коллективной безопасности, правом иммунитетов, правом дипломатических и консульских сношений, международным правом борьбы с терроризмом, правом международного судебного сотрудничества, правом международного развития, международным правом беженцев, а также международным трудовым правом и правом социального обеспечения. Такой подход очень хорошо соответствует современной реальности международного права. Сегодня права человека не представляется возможным изучать в отрыве от вопросов государственного суверенитета, безопасности, миграции, международного сотрудничества или ответственности государств. Авторы успешно демонстрируют именно эту взаимозависимость различных правовых режимов.

Особого внимания заслуживают институциональные и процедурные аспекты книги. В трактате рассматриваются универсальные и региональные механизмы защиты, а также подробно анализируется роль международных и национальных судов и квазисудебных органов. Особенно полезно то, что авторы не ограничиваются одной региональной моделью, а вместо этого предоставляют читателю сравнительный взгляд на различные системы защиты. Такой подход представляет большую ценность как для ученых, так и для практиков. Международное право прав человека существует не только в текстах договоров; его фактическое содержание в значительной степени формируется за счет применения и интерпретации этих текстов. Поэтому авторы уделяют значительное внимание роли различных институтов, участвующих в толковании международных норм. При этом они предоставляют читателю инструменты, необходимые для понимания того, как международное право в области прав человека действует на практике, включая вопросы, касающиеся пределов судебного и квазисудебного толкования.

Не менее впечатляет и материально-правовая часть трактата. Он охватывает принцип равенства и право на недискриминацию, право на жизнь и личную неприкосновенность, запрет рабства, подневольного состояния, принудительного труда и торговли людьми, права, связанные с личной свободой, право на эффективную внутреннюю судебную защиту, а также другие права, которые составляют ядро современной международной системы защиты личности. Эти вопросы анализируются не только через запрет отдельных форм поведения, но и через позитивные обязательства государства, требование эффективного расследования, ответственности за нарушения и защиты потерпевших. В этом отношении книга подтверждает один из ее фундаментальных методологических принципов: права личности являются не просто декларативными стандартами, а влекут за собой конкретные обязательства со стороны государства.

Еще одним важным преимуществом работы является ее заключительная часть, посвященная обеспечению соблюдения и реализации международных решений. Авторы

анализируют различные модели надзора за реализацией подобных решений. Эта часть особенно важна, поскольку конечная ценность системы защиты прав человека измеряется не просто количеством провозглашенных прав или принятых решений, но и способностью правовой системы устранить последствия установленного нарушения. Таким образом, книга удачно соединяет теоретический вопрос существования прав с практическим вопросом их эффективной защиты.

Наряду с весьма положительной оценкой общего научного вклада книги необходимо указать на отдельные области, в которых анализируемые авторами современные международно-правовые подходы не в полной мере отражают конституционно-правовые и ценностные рамкам всех стран мира. В первую очередь это касается современных интерпретаций прав на неприкосновенность частной жизни, семейную жизнь и брак, а также недискриминацию и индивидуальную автономию. В правовой и государственной политике некоторых стран мира особое внимание уделяется сохранению традиционной семьи, преемственности поколений и традиционных духовно-нравственных ценностей, тогда как современный международный дискурс об индивидуальной автономии и недискриминации может подойти к некоторым из этих вопросов с иной точки зрения.

Эти различия, однако, не умаляют научной ценности трактата. Напротив, они подтверждают важность изучения международного права прав человека посредством постоянного сопоставления международных стандартов с конституционной идентичностью, правовыми традициями и позитивным правом конкретного государства. Для студентов, обучающихся в вузах стран СНГ, этот тип сравнительного чтения может быть особенно ценным.

«Международное право прав человека: трактат» Людовика Хеннебеля и Элены Тигруджа представляет собой исключительно серьезный, обстоятельный и методологически продуманный труд. Его качество заключается не только в объеме рассмотренного материала, но, прежде всего, в умении авторов соединить теоретические основы, позитивное международное право, институциональные механизмы, судебную практику, методы толкования и практическую реализацию международных решений.

Особый акцент следует сделать на широте рассмотренной судебной практики, сравнительном подходе к различным международным и региональным системам, а также на готовности авторов заняться теоретическими проблемами, которые не поддаются простым решениям. Поэтому книга может быть очень ценной для профессоров и исследователей международного права, докторантов, аспирантов и студентов старших курсов вузов стран СНГ, а также судей, юристов и других специалистов, занимающихся защитой прав человека.

Ценность трактата также заключается в том, что он дает обширное описание современного международного правового дискурса, включая концепции, с которыми правовые системы государств СНГ не обязательно должны полностью согласовываться. Его научная ценность не обязательно предполагает согласие с каждым юридическим или толковательным выводом, обсуждаемым в нем. Напротив, высококачественная юридическая наука должна позволять критически сравнивать различные правовые концепции и подходы.

В этом смысле книга «Международное право прав человека: трактат» заслуживает весьма положительной оценки. Это современная, всеобъемлющая и интеллектуально сложная работа, которая может служить важным справочным источником для дальнейших исследований в области международного права прав человека. Его самые сильные стороны заключаются в систематическом характере, богатстве правового материала и способности авторов представлять сложные теоретические и практические проблемы в единой и последовательной правовой системе.

Милица Попович,

к.ю.н., ассистент кафедры международного права Юридического института РУДН имени Патриса Лумумбы

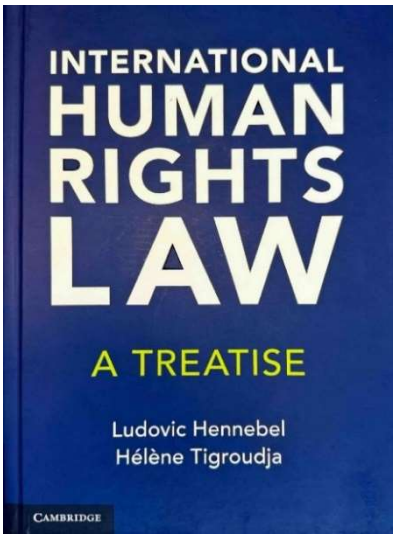
Шолу

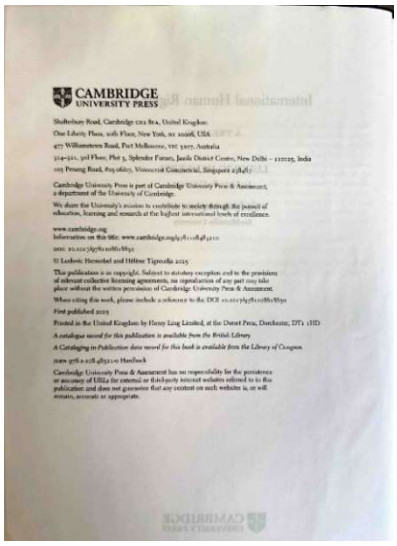
Құрметті әріптестер!

Сіздердің назарларыңызды менің әріптестерім, БҰҰ Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар жөніндегі комитеті мен Адам құқықтары жөніндегі комитеттің сарапшылары Людовик Хеннбель мен Элен Тигруджа жазған «International Human Rights Law: A Treatise» атты маңызды оқу құралының жарық көргеніне аударғым келеді. Бұл еңбек адам құқықтарының халықаралық құқығына жан-жақты әрі кешенді талдау жасауға арналған.

Ресей халықтар достығы университеті Заң институтының халықаралық құқық кафедрасы орыс және ағылшын тілдерінде дайындаған пікірді «Еуразия халықаралық құқық журналында» жариялауға лайық деп санаймын. Бұл жарияланым тек мамандар үшін ғана емес, адам құқықтарының халықаралық құқығын оқитын студенттер үшін де қызығу тудырады және олардың оқу құралын өз беттерімен зерттеуге деген қызығушылығын арттыруға мүмкіндік береді.

Құрметпен,
Ресей халықтар достығы университеті Заң институтының директоры,
з.ғ.д., профессор **А.Х. Абашидзе**





Людовик Хеннебель мен Элен Тигруджаның «Адам құқықтарының халықаралық құқығы: трактат» кітабына пікір

2025 жылы *Cambridge University Press* баспасынан жарық көрген Людовик Хеннбель мен Элена Тигруджаның «Адам құқықтарының халықаралық құқығы: трактат» атты трактаты[18] адам құқықтарының халықаралық құқығын қазіргі заманғы зерттеуге қосылған аса ауқымды әрі жүйелі үлес десек болады. Бұл жұмыста қатаң және жүйелі әдіснамаға негізделген жан-жақты талдау ұсынылған, теориялық тұрғыдан өзіне тән бірегейлік адам құқықтарының халықаралық құқығын терең білумен ұштастырылған.

Авторлардың адам құқықтары саласындағы халықаралық құқықты әмбебап және өңірлік халықаралық шарттарда бекітілген құқықтардың жай ғана жиынтығы ретінде қарастырмайтындығы кітаптың айрықша құндылығын көрсетеді. Авторлардың бұл тақырыпты зерттеудегі ұстанған тәсілі анағұрлым кең. Трактатта адам құқықтары құқығы философиялық негіздер, құқық қайнар көздері, халықаралық институттар, сот және квазисот практикасы, құқықты түсіндіру қағидалары, адамның материалдық құқықтары, мемлекеттің жауапкершілігі және залалды өтеу тетіктері өзара тоғысатын күрделі нормативтік жүйе ретінде қарастырылады.

Кітаптың алғашқы бөлімдерінен-ақ авторлардың мәселеге байыпты көзқарасы айқын көрінеді. Л. Хеннбель мен Э. Тигруджа адам құқықтарының теориялық негіздері басынан даусыз деген тұжырымнан бастамайды. Керісінше, олар адам құқықтарының діни, табиғи-құқықтық, позитивистік және

[18] Hennebel L., Tigroudja H. International human rights law: a treatise / L. Hennebel, H. Tigroudja. Cambridge University Press, 2025.

социологиялық негіздерін, сондай-ақ адам құқықтарының халықаралық құқығына қатысты тарихи және философиялық сын-пікірлерді қарастырады. Олардың қатарында қазіргі адам құқықтары дискурсына қатысты идеологиялық, антиимпериалистік, феминистік, үшінші әлемнің сын пікірлері мен релятивистік сын-пікірлер бар. Бұл оқырманға адам құқықтарының құқығын тек нормативтік тұрғыдан ғана емес, анағұрлым кең зияткерлік және тарихи контексте түсінуге мүмкіндік береді.

Мұндай әдістеме әсіресе оң бағалауға лайық. Авторлар адам құқықтарының әмбебаптығы мәселесінен қашпайды, сонымен бірге олардың мәдени, тарихи және құқықтық дәстүрлері әртүрлі қоғамдарда қолданылуда күрделілікке ұшырайтынын мойындайды. Теориялық бөлімде мәдени ерекшеліктер мен адам құқықтарының әмбебап анықтамасын қалыптастыру мәселесінің терең қарастырылуы еңбектің ғылыми құндылығын арттыратын маңызды фактор деуге болады.

Трактаттың жоғары деңгейдегі жүйелі болуы оның тағы бір маңызды артықшылығына жатады. Теориялық негіздерді талдаудан кейін нормативтік қайнар көздер және адам құқықтарының халықаралық құқығы мен халықаралық жария құқықтың басқа да салалары арасындағы өзара байланыстар қарастырылады. Авторлар оның халықаралық гуманитарлық құқықпен, халықаралық қылмыстық құқықпен, ұжымдық қауіпсіздік құқығымен, иммунитеттер құқығымен, дипломатиялық және консулдық қатынастар құқығымен, терроризмге қарсы күрестің халықаралық құқығымен, халықаралық сот ынтымақтастығы құқығымен, халықаралық даму құқығымен, халықаралық босқындар құқығымен, сондай-ақ халықаралық еңбек құқығы және әлеуметтік қамсыздандыру құқығымен өзара байланысын зерттейді. Мұндай тәсіл халықаралық құқықтың қазіргі болмысына өте жақсы сәйкес келеді. Қазіргі кезде адам құқықтарын мемлекеттің егемендігі, қауіпсіздік, көші-қон, халықаралық ынтымақтастық немесе мемлекеттердің жауапкершілігі мәселелерінен бөлек қарастыру мүмкін емес. Авторлар әртүрлі құқықтық режимдердің өзара дәл осы тәуелділігін дәлме-дәл көрсетеді.

Кітаптың институциялық және процестік аспектілері де ерекше назар аударуға тұрарлық. Трактатта адам құқықтарын қорғаудың әмбебап және өңірлік тетіктері қарастырылып, сондай-ақ халықаралық және ұлттық соттар мен квазисот органдарының рөлі жан-жақты талданады. Авторлардың бір ғана өңірлік модельмен шектелмей, оның орнына оқырманға адам құқықтарын қорғаудың әртүрлі жүйелеріне салыстырмалы тұрғыдан қарауға мүмкіндік беруі де аса пайдалы. Мұндай тәсіл ғалымдар үшін де, практиктер үшін де үлкен ғылыми және практикалық құндылыққа ие. Адам құқықтарының халықаралық құқығы тек шарттардың мәтіндерінде ғана өмір сүрмейді, оның нақты мазмұны көбіне осы мәтіндерді қолдану және түсіндіру нәтижесінде қалыптасады. Сондықтан авторлар халықаралық нормаларды түсіндіруге қатысатын әртүрлі институттардың рөліне айтарлықтай көңіл бөледі. Сонымен қатар олар оқырманға адам құқықтары саласындағы халықаралық құқықтың практикада қалай жүзеге асырылатынын түсінуге, соның ішінде құқықты соттық және квазисоттық түсіндірудің шектері мәселелерін түсінуге қажетті құралдарды ұсынады.

Трактаттың материалдық-құқықтық бөлімі де өте жақсы әсер қалдырады. Онда теңдік қағидаты мен кемсітуге жол бермеу құқығы, өмір сүру және жеке басқа қол сұғылмау құқықтары, құлдыққа, кіріптарлық жағдайға, мәжбүрлі еңбекке және адам саудасына тыйым салу, жеке бас бостандығына қатысты құқықтар, сот арқылы ішкі тиімді қорғану құқығы, сондай-ақ тұлғаны қорғаудың қазіргі халықаралық жүйесінің өзегін құрайтын басқа да құқықтар қамтылған. Бұл мәселелер жекелеген жүріс-тұрыс формаларына тыйым салу тұрғысынан ғана емес, мемлекеттің оң міндеттемелері, тиімді тергеп-тексеруді қамтамасыз ету, құқық бұзушылықтар үшін жауапкершілік және жәбірленушілерді қорғау талаптары тұрғысынан да талданады. Осы тұрғыдан алғанда, кітап оның іргелі әдіснамалық қағидаттарының бірін растайды, яғни тұлғаның құқықтары жай ғана декларативтік стандарттар емес, мемлекет тарапынан нақты міндеттемелердің туындауына әкеп соғады.

Халықаралық шешімдердің орындалуын қамтамасыз етуге және іске асыруға арналған қорытынды бөлімі еңбектің тағы бір маңызды артықшылығын көрсетеді. Авторлар осындай шешімдердің орындалуын қадағалаудың әртүрлі модельдерін талдайды. Бұл бөлімнің маңызы ерекше, өйткені адам құқықтарын қорғау жүйесінің түпкілікті құндылығы жарияланған құқықтардың немесе қабылданған шешімдердің санымен ғана емес, құқықтық жүйенің анықталған құқық бұзушылықтың салдарын жою қабілетімен де өлшенеді. Осылайша, кітап адам құқықтарының болуына қатысты теориялық мәселені оларды тиімді қорғаудың практикалық мәселесімен сәтті ұштастырады.

Кітаптың жалпы ғылыми үлесін жоғары бағалаумен қатар, авторлар қарастырған қазіргі заманғы халықаралық-құқықтық тәсілдер әлемнің барлық елдерінің конституциялық-құқықтық және құндылық шеңберін толық көлемде көрсете алмағанына назар аударған жөн. Ең алдымен, бұл жеке өмірге, отбасылық өмірге және некеге қол сұғылмау құқықтарын, сондай-ақ кемсітуге жол бермеу мен жеке автономияны қазіргі заманғы түсіндіруге қатысты салалар. Әлемнің кейбір елдерінің құқықтық және мемлекеттік саясатында дәстүрлі отбасын сақтау, ұрпақтар сабақтастығы және дәстүрлі рухани-адамгершілік құндылықтарға ерекше мән беріледі. Ал жеке автономия мен кемсітуге жол бермеу жөніндегі қазіргі заманғы халықаралық дискурс осы мәселелердің кейбіріне өзгеше тұрғыдан қарауы мүмкін.

Алайда бұл трактаттың ғылыми құндылығын төмендетпейді. Керісінше, олар адам құқықтарының халықаралық құқығын зерттеу кезінде халықаралық стандарттарды нақты мемлекеттің конституциялық бірегейлігімен, құқықтық дәстүрлерімен және қолданыстағы құқығымен үнемі салыстырудың маңыздылығын көрсетеді. ТМД елдерінің жоғары оқу орындарында білім алатын студенттер үшін салыстырмалы тұрғыдан оқу тәсілі ерекше құнды болуы мүмкін.

Людовик Хеннбель мен Элена Тигруджаның «Адам құқықтарының халықаралық құқығы: трактат» еңбегі – аса маңызды, жан-жақты әрі әдіснамалық тұрғыдан мұқият әзірленген зерттеу. Оның құндылығы қарастырылған материалдың көлемімен ғана емес, ең алдымен авторлардың теориялық негіздерді, позитивтік халықаралық құқықты, институциялық тетіктерді, сот практикасын, құқықты түсіндіру әдістерін және халықаралық шешімдерді практикалық іске асыруды өзара байланыстыра білуімен айқындалады.

Әртүрлі халықаралық және өңірлік жүйелерге қатысты сот практикасының кең ауқымда қарастырылуына ғана емес, сондай-ақ қарапайым шешімдермен шектелмейтін теориялық мәселелерді зерттеуге авторлардың дайын екендігіне де ерекше назар аударған жөн. Сондықтан бұл кітап халықаралық құқық профессорлары мен зерттеушілері, докторанттар, аспиранттар мен ТМД елдерінің жоғары оқу орындарының жоғары курс студенттері үшін, сондай-ақ адам құқықтарын қорғау саласымен айналысатын судьялар, заңгерлер және басқа да мамандар үшін де аса құнды бола алады.

Трактаттың құндылығы оның қазіргі заманғы халықаралық құқықтық дискурсты кең ауқымды сипаттауынан да көрінеді. Оның ішінде ТМД мемлекеттерінің құқықтық жүйелері толықтай келісуге міндетті емес тұжырымдамалар да қамтылған. Оның ғылыми құндылығы еңбекте талқыланатын әрбір құқықтық немесе түсіндірме тұжырыммен міндетті түрде келісуді талап етпейтіндігінен де көрінеді. Керісінше, жоғары сапалы заң ғылымы әртүрлі құқықтық тұжырымдамалар мен тәсілдерді сыни тұрғыдан салыстыруға мүмкіндік беруге тиіс.

Осы тұрғыдан алғанда, «Адам құқықтарының халықаралық құқығы: трактат» атты кітап жоғары оң бағалауға лайық. Бұл – адам құқықтарының халықаралық құқығы саласындағы одан әрі зерттеулер үшін маңызды анықтамалық дереккөз бола алатын заманауи, жан-жақты әрі зияткерлік тұрғыдан күрделі еңбек. Оның басты артықшылықтары жүйелі болуынан, құқықтық материалдың молдығы мен авторлардың күрделі теориялық әрі практикалық мәселелерді біртұтас және дәйекті құқықтық жүйе шеңберінде ұсына білуінен көрінеді.

Милица Попович,

з.ғ.к., Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университетінің Заң институты халықаралық құқық кафедрасының ассистенті

Eurasian Journal of International Law (EAJIL)
Еуразия халықаралық құқық журналы (ЕАХҚЖ)
Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қ. Сәтбаев к-сі, 2, 325 каб.
Тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-245; 31-267). **E-mail:** eajil0809@gmail.com
web-site: https://eajil.enu.kz/index.php/main
Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі, 13/1,
тел.: +7(7172) 709-500, (ішкі: 31-434)

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, 2, каб. 325.
Тел.: +7(7172) 709-500 (вн.: 31-245; 31-267). **E-mail**: eajil0809@gmail.com
web-site: https://eajil.enu.kz/index.php/main
Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1,
тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-434)